

Ольга
Обская

Мне не нужен
муж!

Annotation

Может, кто-то не обрадовался бы, узнав, что ему в наследство досталась заброшенная артефакторная лавка с дурной славой, но я была в восторге. Потому что быстро сообразила, что лавка может стать спасением от почти мужа. Вы спросите, как муж может быть "почти" и почему от него надо спасаться? О, это долгая история...

В тексте есть: юмор, любовь и страсть, бытовое фэнтези

- [Мне не нужен муж! Что значит, вы настаиваете?!](#)
 - [Глава 1. О пользе внезапного наследства](#)
-

Мне не нужен муж! Что значит, вы настаиваете?!

Ольга Обская

Глава 1. О пользе внезапного наследства

— Я, признаться, очень удивился решению вашего дядюшки, — поверенный посмотрел на Яну с любопытством, будто хотел понять, что в его достаточно юной и с виду ничем не примечательной собеседнице особенного. — Почему он указал наследницей вас?

Слова прозвучали как вопрос. Но зря монсир Гастон надеялся на ответ. Яна понятия не имела, почему в завещании указана именно она. Это, кстати, для неё далеко не единственная и не самая актуальная загадка на сегодня. Поверенный, конечно, не догадывается, но последние три дня были у Яны насыщены такими странными событиями, что на их фоне внезапное наследство не казалось ей особой проблемой. Наоборот, внимательно выслушав поверенного, она поняла, что наследство может стать для неё спасением. От почти мужа.

Вы спросите, как муж может быть "почти" и почему от него надо спасаться? О, это долгая история.

— Монсир Гастон, благодарю, что проявили любезность известить меня о решении дядюшки лично. Что ж, я готова принять наследство и хотела бы вступить в права прямо сейчас.

— Прямо сейчас? — лицо поверенного растянулось от изумления. — Муазиль Вивьен, вы уверены?

Вивьен... Красивое имя, поэтичное и... чужое. Но Яна уже начала привыкать, что здесь её называют так. Начала привыкать и к чужому имени, и к своей новой жизни. Хотя ещё несколько дней назад думала, что привыкнуть к такому в принципе не возможно. Ещё бы! Приключеньице на её голову свалилось весьма экзотическое. Впрочем, всё по порядку...

Тот роковой день начался и протекал как самый обычный и ничем не подозрительный. И вечером тоже не произошло ничего экстраординарного. Засыпала Яна в собственной постели, а вернее, на своём любимом диванчике, под жужжание плеера, укрывшись любимым мягким пледом, не ощущая никакого подвоха. Подвох она почувствовала, только когда открыла глаза с первыми лучами солнца. Яна обнаружила, что лежит на чужой кровати, а обстановочка вокруг напоминает театральный реквизит позапрошлого века. Нормальный

добропорядочный человек после таких потрясений впадает в шок. Вот и Яна собиралась поступить подобным образом, но к счастью быстро обнаружила адресованную ей записку, которая хоть что-то проясняла.

Буквы казались ей незнакомыми, но непостижимым образом Яна могла читать текст и прекрасно понимала смысл. Каким чудом ей стал родным чужой язык, узнала много позже.

Перечитывать послание пришлось несколько раз — очень уж было трудно поверить написанному. В итоге Яна выучила текст наизусть и могла повторить его без запинки, разбуди её хоть в три часа ночи.

Если ты читаешь эти строки, значит, у меня всё получилось. Я поменяла нас с тобой мирами. Знаю, что тебе это не понравится, и ты меня проклянёшь. Но, поверь, так будет лучше для нас обеих.

Мы с тобой двойники. Похожи как две капли воды. Такое бывает. Беда в том, что мы росли не в своих мирах. Нас перепутали в раннем детстве. Не знаю пока, как такое получилось, но это и не важно. Главное, я восстановила справедливость. Теперь я вместо тебя, а ты вместо меня. Не подумай, что это беспочвенная прихоть. Понимаешь, если человек живёт не в родном мире, у него будет тяжёлая судьба, он никогда не станет счастлив по-настоящему. Чужой мир будет к нему неласков. Я в этом уже убедилась...

В общем, с этого дня у нас у обеих начнётся новая счастливая жизнь. У меня — в твоём мире, у тебя — в моём. И чтобы тебе было легче освоиться, опишу в двух словах, как я жила.

Я сирота, меня воспитывала тётка Селестина. Мы бедны как церковные мыши. Живём в доме, оставшемся мне от родителей. Но он заложен. Его в любую минуту могут забрать за долги. Впрочем, тётушка нашла решение. Она сосватала меня монсиру Моррису из рода Буаселье. Он неприлично богат. С этим человеком бедность точно не грозит. К тому же он весьма хорош собой. Есть, правда, некоторые нюансы... скверный тяжёлый характер, сильный тёмный дар. А ещё про него поговаривают... В общем, у него есть страшная тайна... Впрочем, не буду тебя пугать. Тебе с ним жить — сама разберёшься.

Свадебная церемония почти завершена. В нашем мире она длится двадцать один день. У нас к такому событию, как заключение брака, подходят очень основательно. Жених и невеста в праздничной одежде являются в храм и в присутствии многочисленных гостей заявляют о своём решении соединить судьбы. После этого они расстаются на три

дня. А потом снова являются в храм и снова подтверждают желание стать мужем и женой. И так семь раз.

Мы с Моррисом прошли шесть церемоний. Через три дня последняя — седьмая, которая окончательно свяжет вас с ним навеки...

Ты, возможно, решишь отказаться. Но боюсь, Моррису это сильно не понравится. Боюсь, он уже считает себя почти твоим мужем. И тётушка в восторге не будет. Да и дом заложен... В общем, решать тебе. Теперь это твоя жизнь...

Вот так Яна и обзавелась почти-мужем, которого в глаза не видела. Вот повезло-то. Красивый, богатый, со скверным характером, со страшной тайной — просто подарок, можно сказать, мечта.

Конечно, мириться ни с мужем, ни с новой жизнью Яна не собиралась, а собиралась вернуться домой. У неё было много вопросов к своему двойнику. Допустим, ей в этом мире не нравилось, захотелось перебраться в другой — ну и пожалуйста. Зачем же Яну было тягать? Яну, между прочим, земная жизнь вполне устраивала, и совершенно ничего не предвещало, что она не сможет стать счастливой в земном мире, пусть даже он ей и не родной. И хотя с бой-френдами у неё пока не очень складывалось, но ведь ей всего двадцать пять. Какие её годы? Ещё встретит свою половинку. А не встретит, ей для счастья любимой работы хватит. А не хватит, кота заведёт. Кот, он куда лучше почти-мужа со скверным тяжёлым характером и сильным тёмным даром.

К сожалению, рассчитывать на помощь тётушки в деле возвращения домой не приходилось. В послании двойника была приписка, что Селестина не верит в существование иных миров, и никогда не принимала всерьёз рассказы племянницы о том, что она родом из другого мира.

Я с детства чувствовала, что я не дома. Мне снились странные сны — диковинные пейзажи, диковинные здания, диковинные вещи, каких у нас нет. Много позже я поняла, что это мне снится родной мир. Я делилась с Селестиной, но она лишь улыбалась и отмахивались. А со временем и вовсе начала сердиться, если я затевала эту тему. У нас ведь не верят в существование иных реальностей, и тётушка расценивала мои истории и просьбы, как пустую блажь. Но нашёлся человек, который меня понял и помог. Я не назову тебе его имени. Думаю, понимаешь почему.

Конечно, Яна понимала. Если бы она знала, кто помог двойнику

устроить обмен мирами, она бы первым делом и направилась к этому человеку с требованием переиграть всё назад. Жаль, что подсказку ей не дали. Но Яна надеялась, что во всём разберётся.

Первые три дня в новом мире прошли у Яны как в тумане. Её мозгу ещё не приходилось впитывать столько много информации за такое короткое время. Повезло хоть в том, что здешний язык она воспринимала как родной. Она исследовала дом и сад, пролистала все книги, которые были в домашней библиотеке, скрупулёзно пересмотрела все личные вещи двойника. Яна искала какую-нибудь зацепку — что-то, что подскажет ей, где и как искать возможность обратного обмена. У неё был жесточайший цейтнот — нужно было успеть до рокового дня, когда жених и невеста должны последний, седьмой, раз подтвердить своё согласие на брак. Она не собиралась присутствовать на церемонии. Сказать Моррису "да" или дать от ворот поворот должна была не Яна, а двойник.

Но никакой зацепки не нашлось. Вивьен позаботилась уничтожить следы. К вечеру третьего дня стало окончательно понятно, что быстро вернуться в земной мир у Яны не получится. Ей придётся какое-то время провести здесь, освоиться, осмотреться, разобраться что к чему. Вот только первым делом нужно было решить проблему с почти-мужем. А проблема вырисовывалась серьёзная. Даже тех крупиц информации о нём, о которых Яне удалось узнать за три дня, хватило, чтобы понять — Моррис будет взбешён отказом. И, скорее всего, не захочет его принимать. И хоть Яна считала, что в состоянии за себя постоять, но всё же совсем не горела желанием испытывать на себе гнев человека со скверным тяжёлым характером и тёмным даром. Она всеми силами пыталась придумать изящное решение, которого, казалось, просто не существует — и тут удача ей улыбнулась — к ним в дом явился монсир Гастон с известием о наследстве...

— Так вы уверены, что хотите немедленно вступить в наследные права? — повторил он вопрос.

— Уверена.

Речь шла об артефакторной лавке, расположенной в предгорном городке Трэ-Скавель, довольно далеко отсюда. Именно её, старую лавку, дядюшка отписал племяннице. Уехать подальше — замечательный выход из положения. Дом всё равно вот-вот заберут за долги, а лавка, хоть и, судя по рассказу Гастона, сильно заброшенная,

может стать временным убежищем. Перед отъездом Яна напишет Моррису письмо, в котором всё объяснит. И пусть почти-муж свыкается с отказом Яны подальше от неё.

— Что ж, если вы решительно намерены вступить в наследные права, вам необходимо лишь завизировать документы, — Гастон достал из саквояжа золотистый лист бумаги и протянул Яне.

Она внимательно пробежала глазами ровные синие строчки и приложила указательный палец к красной метке внизу документа. Хорошо, что за три дня она перелопатила уйму книг и знала, как здесь подписывают официальные и деловые бумаги.

Подушечке пальца стало на мгновение горячо и тут же буквы из синих сделались чёрными, что означало — документ завизирован.

Гастон смотрел на Яну, как на неразумное дитя, которое не знает, что творит. Его плечи поднялись и опустились в беззвучном вздохе.

— Теперь мой долг — ознакомить вас с наследством. Когда определитесь с датой, пришлите мне письмо, и я прибуду сопровождать вас.

— Я уже определилась. Буду признательна, если мы отправимся в Трэ-Скавель сегодня.

Слова Яны добились поверенного.

— Сегодня???

— Да. На сборы мне понадобится час, не больше.

Чем скорее они уедут отсюда, тем лучше. Яне хотелось быть подальше от этого места, когда её почти-муж получит письмо с отказом.

Глава 2. Письмо

Яна задумчиво глядела на пустой лист бумаги, не зная с чего начать.

Написать почти-мужу, что его благоверная удрала в земной мир, а отдуваться приходится Яне? Вот только Моррис вряд ли воспримет такие слова адекватно, скорее, посчитает насмешкой. Здесь же не верят в существование иных реальностей. Она уже на тётушке проверила и убедилась. Хоть двойник и предупреждала, что говорить с Селестиной о других мирах — дохлый номер, но Яна прямо в первый же день и попробовала. Она заявила, что никакая она не Вивьен, а её двойник из другого мира, но тётушка только глаза закатила: "Опять за своё? Вивьен, когда ты повзрослеешь и выкинешь свои сказки из головы?"

И если тётушка обошлась нотацией, то Моррис с его тёмным даром

вряд ли этим ограничится. Уж лучше ему просто отказать.

Но Яне ещё никогда не приходилось отказывать мужчинам. В земной жизни у неё таких проблем не возникало. И хоть друзей и приятелей было много, но серьёзных отношений ни с кем не завязалось — руку и сердце никто не предлагал и в ЗАГС не заманивал. Если, конечно, не брать во внимание Даню. Но его она когда-то усилием воли напрочь забыла, чтобы болезненные воспоминания не портили жизнь. Вот и теперь вспоминать не будет.

Яна взяла в руки автоперьевую ручку и вывела:

Монсир Моррис

Подумав немного, приписала — "уважаемый". Или лучше было написать "многоуважаемый"? Да тут как ни напиши, хоть "премногоуважаемый", следующая строчка всё равно приведёт его в бешенство. Может, как-то Морриса подготовить? Начать, к примеру, с погоды? "Прекрасный сегодня денёк, не правда ли? Травка зеленеет, птички поют. Кстати, о птичках — мне не нужен муж". Сойдёт?

Вообще-то, у Яны обычно не бывало проблем с тем, чтобы накатать любой текст. Она целые романы сочиняла. В земной жизни она была писателем. А тут речь всего лишь о письме — о какой-то паре абзацев. Её писательский опыт подсказывал, что не нужно лить воду, не нужно ходить вокруг да около. Чем проще и точнее текст, чем ёмче фразы, тем лучше воспринимается написанное. И в конце-то концов, письмо адресовано мужчине, а не неоперившемуся чувствительному юноше, поэтому лучше без обиняков — самую суть.

Уважаемый монсир Моррис,

время, которое долгая брачная церемония отводит новобрачным на раздумья, не прошло даром. Я поняла, что пока не готова к семейной жизни, поэтому вынуждена Вам отказать.

С искренним почтением,

Вивьен.

Яна осталась довольна формулировкой — звучало достаточно мягко. Да и для двойника припрятана лазейка. Когда Яна добьётся обратного обмена, Вивьен сможет, если захочет, снова возобновить отношения с Моррисом, сославшись на то, что раньше не чувствовала готовности к семейной жизни, а теперь почувствовала.

Вон как Яна о ней печётся, несмотря на то, что сама-то Вивьен поступила с ней, мягко говоря, не корректно. Но Яна не злопамятна.

Закончив с письмом, она принялась собирать дорожный баул. Личных вещей у двойника было немного. Чувствовалось, что они с тётушкой последнее время едва сводили концы с концами. Всё более-менее ценное, видимо, было продано. Три смены белья, пара платьев, юбка, блуза, плащ, туфли — всё уже достаточно поношенное, плюс кое-какая мелочёвка для личной гигиены — вот и весь скарб.

Яна захватила с собой ещё пару книг. И хоть домашняя библиотека была заложена вместе с домом, но кто там будет сверять, все ли фолианты на месте?

Последнее, что было кинута в сумку — это писчие принадлежности и блокнот. Без этих предметов Яна себе жизнь не представляла. Она чувствовала себя комфортно, только если под рукой было что-нибудь, на чём можно делать заметки. У неё была потребность фиксировать всё необычное и интересное — эти материалы она потом использовала для написания книг. И хоть Яна, конечно, предпочла бы смартфон, но за неимением электроники сгодится и бумага.

Тётушка при её сборах не присутствовала. Узнав о намерениях племянницы уехать, она разразилась потоком отповедей и нравоучений, корила и отговаривала, а когда поняла, что переубедить не получится, страшно надулась и закрылась в своей комнате. Однако, когда до отъезда осталось совсем чуть-чуть, она вышла проводить.

— Какая же ты упрямица, Вивьен, — сказала Селестина уже беззлобно. — Вся в мать, — вздохнула с грустью. — Послушала бы меня, вышла бы за монсира Морриса и жила бы как райская птичка — беззаботно и безбедно...

...в золотой клетке — подумалось Яне.

— Вот, возьми, — тётушка протянула обшитое бисером портмоне. — Тут двадцать луардов. На первое время хватит. Я продала брошь с рубином. Из моих запасов...

— А как же ты? — Яне не хотелось оставлять тётушку без последней копейки. А то, что это последние копейки, она почему-то не сомневалась. — Может, всё-таки поедешь со мной?

Яна с самого начала предлагала Селестине вместе отправиться в Трэ-Скавель. Дом ведь всё равно не сегодня-завтра пойдёт с молотка. Но та при упоминании об артефакторной лавке в лице менялась. Вот и теперь отчаянно замотала головой.

— И не проси, Вивьен. Место недоброе там, ты же знаешь.

Яна не знала. Могла только догадываться. Она успела понять, что дядюшка Жюль был в семье изгоем. Мало общался с родственниками. По своей ли инициативе или близкие сами отвернулись от него, непонятно. С ним и его лавкой была связана какая-то тёмная история. Но расспросить Селестину о дядюшке не получилось. Она сворачивала разговор, если речь заходила о Жюле.

— За меня не беспокойся, — губы Селестины тронула успокаивающая улыбка. — Я вернусь на родину. В Дюджон. Там меня ещё помнят — помогут. Не пропаду. Я оставила себе несколько луардов на дорогу.

За окном послышался звук подъезжающего экипажа.

— Ладно, девочка моя, в добрый путь, — тётушка смахнула слезу и крепко обняла. — Береги себя.

Яна в ответ тоже прижала к себе Селестину.

Она знала тётушку всего три дня. Ещё не успела привязаться и тем более полюбить, но сейчас, в это мгновение, что-то тёплое шевельнулось внутри.

— У нас всё будет хорошо, — пообещала она Селестине.

И себе тоже кое-что пообещала. Если у Яны появится хоть малейшая возможность чем-то помочь тётушке, она обязательно поможет.

— У меня будет последняя просьба, — Яна протянула Селестине письмо. — Отправь монсиру Моррису с посыльным через пару часов после моего отъезда.

Тётушка понимающе кивнула.

Яна подхватила дорожную сумку и вышла из дома. С лёгким сердцем, между прочим. Она ещё не успела ни к чему тут привязаться. В этом родном мире для неё пока всё одинаково чужое.

Как только она появилась на пороге, монсир Гастон вышел из экипажа ей навстречу.

— Вижу, вы не передумали, — без особого энтузиазма констатировал он.

Гастон подхватил дорожный баул Яны и занёс в салон. После чего галантно помог ей подняться по ступеням.

Когда оба пассажира удобно устроились на сиденьях, экипаж тронулся.

Яна с любопытством глядела в окно — там проплывали городские

пейзажи Клосквилля. Сколько раз ей приходилось в книгах описывать загадочные древние города. А теперь представилась возможность увидеть один из них воочию. Картинка была удивительно похожа на те, которые рисовало писательское воображение Яны. Наверное, неспроста она стала автором фэнтезийных историй. У неё ведь, как и у двойника, бывали странные красочные сны. Теперь-то она догадывалась почему. Картины родного мира засели где-то в подсознании и регулярно всплывали в виде ярких образов.

А теперь эти картины из снов ожили. Любуйся на здоровье. И посмотреть было на что. Городские дома с крутыми красными крышами тесно прилегали друг к другу. Мрачность их серых каменных стен скрашивала растительность — балконы утопали в цветах. Мостовые выглядели ухоженными. Видимо, целая армия дворников следила за чистотой на улицах. И не удивительно. Клосквиль — столица западной провинции, которая объединяет несколько графств. Город считается центром культуры.

Однако, как вскоре выяснилось, красота и ухоженность царила только на главных центральных улицах. Стоило экипажу свернуть в боковой проулок, картинка сменилась — обшарпанные деревянные дома, грязные подворотни. Справедливости ради, в некоторых земных мегаполисах та же ситуация. Оставалось надеяться, что городок, в который направлялся экипаж, порадует относительной чистотой. Впрочем, Трэ-Скавель хорош уже одним тем, что находится далеко от столицы, а значит, и далеко от почти-мужа.

— Монсир Моррис, вам письмо. Только что передали с посыльным, — секретарь вошёл в кабинет и замер, ожидая распоряжений.

— Оставь, — Моррис равнодушно кивнул на стол. — Гляну позже.

Сейчас ему было не до корреспонденции. Он ждал важного гостя. Очень важного. С ним Моррису необходимо было переговорить до того, как состоится последняя, седьмая, церемония. Неужели подтвердится то, что он с недавних пор начал подозревать?

Глава 3. Легенда заброшенной лавки

Моррис в окно заметил, как к чёрному входу подъезжает неприметная двуколка. Человек, одетый в серое, тенью соскользнул с повозки и нырнул под козырёк. Его-то Моррис и ждал — Огюстин.

Почему-то не хотелось принимать гостя в кабинете. Моррис быстро спустился по потайной лестнице к чёрному ходу, чтобы перехватить его.

— Давай побеседуем в ротонде.

Они прошли по аллее, выложенной камнем, к белому строению и скрылись под его круглой крышей.

Сюда не попадал взгляд посторонних глаз, но даже тут Огюстин не стал снимать с головы капюшон своего безразмерного плаща. При любых обстоятельствах он предпочитал оставаться в тени.

— У тебя есть для меня новости? — это был не вопрос, а, скорее, констатация факта.

Огюстин свое дело знает. Если что-то пообещал — сделает.

— Всё подтвердилось, — ответил тот и скрипуче рассмеялся. — Девчонка помечена.

Хотел бы Моррис спросить у гостя, что смешного он находит в ситуации, но за годы общения уже привык, что у Огюстина очень странное чувство юмора.

— Сама она может и не знать, — гость в момент стал серьёзным. — Ритуал проводили, когда ей не было и трёх.

— А тётка знает?

— Вряд ли. Она взяла опеку над Вивьен, когда той было четыре.

Гость прислонился к колонне и снова рассмеялся.

— Хорошо, что я вовремя успел тебя предупредить. Завтра после седьмой церемонии, когда вы останетесь наедине, ты всё равно узнал бы... а теперь это для тебя хотя бы не станет сюрпризом...

Экипаж продолжал мчать к месту назначения, и Монсир Гастон, которому пейзажи столицы и её окрестностей давно приелись, принялся развлекать Яну разговорами.

— А знаете, когда-то дело у вашего дядюшки процветало, — предался он воспоминаниям. — К нему за артефактами приезжали люди со всех окрестных поселений. Он принимал их на первом этаже своей лавки, где витрины ломились от самых разных экземпляров. У него для каждого посетителя находилась нужная вещица, а если подходящей не оказывалось, он мог сделать артефакт на заказ.

— У него и мастерская была? — приятно удивилась Яна.

— Да, на втором этаже. Там же располагалось и несколько жилых

комнат.

— Выходит, дядюшка жил прямо в лавке?

— Поначалу да. Но уже больше двадцати лет лавка стоит пустой.

— Но почему?

— Разве вы не знаете?

Понятно, что Вивьен должна была бы знать историю своего родственника. Но Яна — не Вивьен, пришлось выкручиваться.

— Я почти ничего не знаю про дядюшку Жюля. Он не поддерживал с нами отношения. Конечно, про него ходили кое-какие слухи, но я им не особо доверяла.

— И правильно, — похвалил поверенный. — Чего только людская молва ему не приписывала. Но всё это далеко от правды.

— Я вижу, вы хорошо знаете его историю и историю его лавки. Расскажите, — попросила Яна.

— Что ж. С превеликим удовольствием. Дорога не близкая.

Яна почувствовала, что её ждёт захватывающее таинственное повествование. В ней мгновенно включился писательский азарт. Захотелось достать блокнот, чтобы делать пометки, но она сдержалась. Пожалуй, монсир Гастон неслабо удивился бы, начни она его конспектировать.

— У Жюля был сильный дар. Артефакторство — это его стихия, — неспешно начал поверенный.

Яна поняла, что история будет не только захватывающей, но и обстоятельной. Услада для писателя!

— Он чувствовал природу вещей. Понимаете? Материал, текстура, форма, внутреннее содержание — для артефактора любая деталь имеет значение. Он видел, способен ли тот или иной предмет быть наполненным магической энергией. Он знал, как вдохнуть жизнь в безжизненное, как придать смысл бессмысленному. Как из ничего, из простой безделушки, сделать нечто. Он был творцом.

В возвышенных словах Гастона не было фальши. Чувствовалось, что он искренне восхищается Жюлем. У Яны не осталось никаких сомнений, что дядюшка был невероятно талантлив. Так что же могло случиться такого, что заставило его забросить своё дело и покинуть лавку?

— Однажды к Жюлю за помощью обратился граф Шерези-Шико, у которого пропала красавица-дочь. С этого-то всё и началось... —

Гастон сделал паузу, будто собираясь с мыслями, и продолжил: — Это случилось давно — более двадцати лет назад, и теперь воспринимается как легенда. Легенды, как правило, врут, но то, что расскажу я, — чистая правда.

Он перевёл взгляд с собеседницы на окно, где шумные городские пейзажи уже сменились умиротворяющими сельскими.

— Граф Шерези-Шико горячо любил свою единственную дочь Мериан и выбрал для неё самого завидного жениха. Шла подготовка к брачной церемонии. Но неожиданно Мериан пропала. Позже выяснилось, что она сбежала к своему тайному возлюбленному. Граф ничего не знал о нём. Дочь ни разу не упоминала, что кто-то завладел её сердцем. На то была причина. Мериан не сомневалась, что отец, как бы горячо её не любил, никогда не согласится отдать её за него замуж. Потому что её возлюбленный был один из них... — поверенный сделал многозначительную паузу. — Из дамарийцев.

Дамарийцы. Яне даже переспрашивать не пришлось, кто такие. В одной из книг, которых за три дня было перелопачено немерено, упоминалось об этом народе. Они живут высоко в горах и почти не спускаются в предгорные долины графства. Их побаиваются и недолюбливают. Считают дикими, своенравными и непредсказуемыми. Никто не знает, зачем они каждое новолуние совершают страшный магический ритуал. Никто не знает доподлинно в чём, вообще, заключается их магия. Когда-то давно, столетия назад, между ними и людьми графства была открытая вражда. Но теперь установилось негласное перемирие. Люди графства не суются высоко в горы, а дамарийцы не спускаются в долины.

Однако, видимо, иногда это неписанное правило нарушается. Ведь как-то смогли встретиться и полюбить друг друга Мериан и дамарийский юноша.

— Граф был убит горем, — продолжил монсир Гастон. — Он собрал отряд из самых преданных ему людей и отправил в горы искать Мериан.

С этого места история стала очень напоминать Яне земные легенды о несчастной любви. Обычно они заканчивались так: отец находил свою сбежавшую дочь и выдавал таки замуж за приглянувшегося ему завидного жениха, а та от отчаяния кидалась в пропасть или в бушующую морскую пучину. Но, к счастью, эта легенда заканчивалась

по-другому.

— Через несколько дней отряд вернулся в замок Шерези-Шико ни с чем. Они рассказали графу, что места, где живут дамарийцы, заговорённые. Бойцы шли тропами только вверх по склонам, но через некоторое время оказывались на том же месте, с которого начинали. Лошади и люди были страшно измотаны бесконечными хождениями кругами. "Если бы мы и дальше оставались на том проклятом месте, нас бы ждала верная гибель", — объяснил командир отряда графу.

— Видимо, тайные магические ритуалы дамарийцев делают их земли заговорёнными? — предположила Яна.

— Вы что-то слышали об их ритуалах? — слегка удивился Гастон.

Яна и сама себе удивлялась. Как она успела столько всего перелопатить и запомнить за эти три дня? Наверное, помогла профессиональная писательская память. А может, информация так легко укладывалась в голову, потому что это родной для Яны мир. Где-то в подкорке, в подсознании, эти знания уже лежали, и она их просто освежила?

— Я читала книгу о дамарийцах. Но что в ней правда, а что только беспочвенные предположения, не знаю.

— Никто не знает, — развёл руками Гастон. — Но Шерези-Шико не хотел сдаваться. Он решил обратиться за помощью к лучшему артефактору.

— К моему дядюшке? — догадалась Яна.

— Да, к Жюлю. Граф знал, что если кто и сможет ему помочь, то только он. Шерези пообещал ему любые богатства, если тот изготовит артефакт, который позволит беспрепятственно проникнуть на земли дамарийцев и выведет его на след Мериан.

А граф, чувствуется, действительно сильно любил дочь. У Яны перед глазами стояло суровое мужское лицо с темными от печали глазами.

— Сначала Жюль не хотел браться за заказ. Только безумец решится переходить дорогу дамарийцам. Но граф был настойчив. В конце концов, ваш дядюшка внял мольбам отчаявшегося Шерези и взялся за работу.

Гастон ненадолго прервал рассказ, чтобы хлебнуть из дорожной фляги воды. А Яне не терпелось услышать продолжение. Она и не заметила, как сильно прониклась событиями двадцатилетней давности.

— Я уже говорил вам, что Жюль был исключительно талантлив. Но задача перед ним стояла нереально сложная. Артефакторское чутьё подсказало ему, что противостоять магии дамариёвцев может лишь предмет, изготовленный из обсидианового камня-монолита, который дамариёвцы почитают как святыню.

— Жюль решился отколоть от него кусок? — у Яны сердце замерло. Какой же отчаянный у неё был дядюшка.

— Да, говорят, он ходил к подножию Саульской горы, где у входа в пещеру расположен монолит, и отколол небольшой кусочек обсидиана — размером с виноградину. Больше ему не нужно было.

— Как же из этой обсидиановой виноградины у него получился артефакт?

— Изготовление артефакта — это таинство. Никто не знает, что Жюль делал с камнем. Обжигал, шлифовал, обкуривал магическими дымами, а может, растёр в порошок, добавил секретный ингредиент и снова склеил. Или выдерживал во флегманской ртути, или просто начитывал над ним заклинания. Артефакторы не раскрывают свои секреты даже близким. Да и смысла в этом нет. Повторить всё равно ни у кого не получится — нужен сильный дар.

Воображение Яны очень чётко нарисовало то, что у Жюля в итоге получилось. Это была красивая подвеска — строгий мужской кулон. Чёрный с зелёными прожилками камень в обрамлении чёрного металла.

— На работу у Жюля ушло семь дней. Артефакт был готов. А вот дальше начинается самое таинственное и противоречивое...

Глава 4. Завтра она станет моей женой

Вот как так?! История, которую рассказывал Гастон дошла до кульминации, впереди самое таинственное и противоречивое, но Яне придётся подождать. Экипаж сделал вынужденную остановку около одной из придорожных таверн, и Гастон прервал повествование.

Кучер занялся лошадьми, а у пассажиров появилась возможность размять ноги и перекусить. Гастон предложил ужин за свой счёт и был так мило настойчив, что Яна согласилась.

— Это мой долг перед Жюлем, организовать для вас комфортную поездку к лавке, которую вы согласились принять в наследство, — аргументировал он.

Яна догадывалась, что поверенный — достаточно состоятельный человек, и для него заплатить за ужин — сущий пустяк. Упорствовать

его заботе — глупо.

Полненькая розовощёкая хозяйка таверны встретила гостей приветливо и усадила за лучший столик. Им подали рагу из утки с овощами, которое оказалось вкусным и сытным. А горячий морс из лесных ягод, вообще, смело можно было отнести к напиткам богов.

Яне понравилось, что хозяйка таверны — женщина. Штудирова книги, она обратила внимание, что мир, в котором очутилась, хоть и с патриархальным налётом, но всё же небезнадёжен. Местные устои вполне допускают, чтобы женщина имела свой бизнес. И эта ухоженная процветающая таверна, руководимая представительницей прекрасного пола, доказывала на практике то, о чём Яна прочла.

Ещё одно ценное наблюдение она сделала, когда Гастон расплачивался за ужин. Перекус на двоих обошёлся поверенному в четыре луарда. Значит, двух луардов достаточно, чтобы насытиться одному. В портмоне у Яны — двадцатка. Нехитрые математические расчёты показывали, что сумма эквивалентна десяти ужинам. Не густо.

Ничего. Яна не унывала. У неё была надежда, что за несколько дней она найдёт способ вернуться домой к привычной жизни.

После ужина экипаж снова тронулся в путь. В густых сумерках дорогу освещали лишь два фонаря, прикреплённых к корпусу, да незнакомые далёкие звёзды. Этот фон очень подходил к истории, которую продолжил Гастон. Яна снова мысленно оказалась в старой лавке, полной таинственных вещей.

— Я остановился на том, что Жюль закончил работу над артефактом за семь дней, — напомнил поверенный, — но когда Шерези-Шико приехал забрать заказ, Жюль с сожалением сообщил ему, что у него ничего не получилось. "Я бился над артефактом днями и ночами, но понял, что не в силах тягаться с дамари́йцам. Мне никогда не сделать то, что вы просите", — сказал он графу.

Неожиданный поворот.

— Дядюшка солгал? — догадалась Яна. — На самом деле у него получилось?

— Кто-то считает, что он сказал чистую правду. А кто-то полагает, что, напротив, у него получился сильнейший уникальный артефакт. С такими удивительными свойствами, что Жюлю стало жаль отдавать его графу, и он оставил артефакт себе.

— А вы, монсир Гастон, в какую версию верите больше: в первую

или вторую?

— Я больше верю третьей версии. Кое-кто поговаривал, что Жюль не стал отдавать графу артефакт, потому что его об этом попросила сама Мериан. Она явилась к нему в одну из ночей, когда он работал над артефактом, и рассказала, как сильно любит дамарийского юношу и как счастлива с ним. А если отец найдёт её и вернёт домой, это разрушит её жизнь.

Яне тоже эта, третья, версия понравилась больше других. Видимо, дядюшка в душе был тот ещё романтик.

— Граф уехал от Жюля очень недовольный. А когда поползли слухи, что артефактор его обманул, оставив артефакт себе, Шерези и вовсе рассвирепел. Поговаривают, что именно он виновен в том, что дела у Жюля пошли из рук вон плохо. Ваш дядюшка утратил дар, а в лавке стало происходить что-то настолько недоброе, что Жюль посчитал за лучшее оставить дело и перебраться в другой город. Больше он в свою лавку никогда не возвращался.

— Думаете, Шерези применил к Жюлю тёмную магию?

— Я склонен думать, что граф ни при чём. Проклятия, которые стали сыпаться на голову вашего дядюшки, скорее связаны с тем, что он потревожил святыню дамарийцев.

Да, это было больше похоже на правду. Хотя мести графа Яна тоже не исключала бы.

— А как думаете, монсир Гастон, уезжая из Трэ-Скавеля, дядюшка взял артефакт с собой или обсидиан до сих пор находится в лавке?

— Для меня это такая же загадка, как и для вас, муазиль Вивьен. Но насколько знаю, когда Жюль осел в другом городе, напасти прекратились.

Раз так, велика вероятность, что дядюшка не взял с собой проклятый артефакт, и тот до сих пор хранится в лавке. Весёленькое наследство Яне досталось. Теперь понятно, почему Селестина наотрез отказалась ехать вместе с племянницей в Трэ-Скавель. Но самой Яне только на руку, что о лавке ходят такие недобрые слухи. Если у почти-мужа после прочтения её письма возникнет желание выяснить с ней отношения, то это жуткое местечко сильно поубавит его пыл приехать к Яне для личной встречи.

В ротонде автоматически включился свет. Лампы здесь были

заправлены чувствительным маслом — загорались, когда на улице сгущались сумерки. Моррис специально выбрал такие — любил новшества и прогресс. Зато Огюстину яркий свет явно был не по душе. Он сильнее закутался в плащ и опустил голову, чтобы огромный капюшон скрыл лицо.

— Я пойду?

Моррису не хотелось сразу отпускать его — он собирался выяснить детали.

— Подожди. Расскажи подробности. Почему для ритуала выбрали именно Вивьен? Разве в этом была необходимость?

— Была. В двухлетнем возрасте она потерялась в лесу. Её не могли найти две недели. А потом нашли целой и невредимой. Как ребёнок мог выжить один? Считается, что малышка спала в дупле, пила воду из ручья и ела ягоды. Ты в это веришь? — Огюстин рассмеялся. — Потерялась и нашлась? Чушь! Знающие люди догадались, конечно, что её выкрали дамарийцы.

Моррис слышал рассказы, что дамарийцы похищают детей, но считал, что в них больше вымысла, чем правды.

— Теперь ты понимаешь, что после всего, что с ней произошло, её необходимо было пометить, — смех Огюстина сменился нервным шёпотом. — Ритуал проводили тайно. Поэтому о событиях тех дней знают немногие.

Он отделился от колонны.

— Так я пойду?

— Иди, — Моррис посторонился, освобождая проход.

Огюстин выскользнул из ротонды, не издав ни звука. Как это у него получается? За своё умение передвигаться плавно и бесшумно он получил прозвище Тень.

Моррис последовал за ним проводить до двуколки.

Вдоль аллеи тянулись фонари, но их свет был не так ярок, как свет масляных ламп в ротонде. Тьма давала Огюстину некую свободу. Он даже позволил себе поднять голову и взглянуть на Морриса.

— Что будешь делать? Скажешь седьмой раз "да" или передумал? — чёрная прядь на мгновение показалась из-под капюшона и снова спряталась в его тени.

— Ни в коем случае. Завтра Вивьен станет моей женой.

— О, слышу в твоём голосе непоколебимую уверенность. Откуда

такое рвение? Только не говори про любовь до гроба, — плечи Огюстина затряслись от смеха. — Я знаю, что ты не веришь в эту чепуху.

Да, в любовь Моррис не верил.

— Я пообещал и сдержу слово. Такой ответ тебя устраивает?

— Главное, чтобы он устраивал тебя, — Огюстин грациозно запрыгнул в двуколку. — Что ж, видимо, я последний раз вижу холостого Морриса. Прощай.

Повозка скользнула в темноту так же грациозно и бесшумно, как умеет передвигаться её хозяин, а вернее... хозяйка. Моррис знал страшную тайну Огюстина. Это женщина. Только он понятия не имел, что заставляет её носить мужскую одежду и притворяться мужчиной вот уже двадцать лет. Говорят, тайны делают женщин привлекательными. В это Моррис тоже не верил.

Впрочем, у него у самого была страшная тайна...

Проводив гостя, он вернулся в кабинет, где его поджидал секретарь со списком дел, которые необходимо закончить сегодня. Только когда все распоряжения были отданы, Моррису на глаза попался конверт, лежащий на краю стола. Он вспомнил, что так и не поинтересовался от кого письмо и что в нём. Особого интереса Моррис и сейчас не испытывал, но всё же открыл послание.

Глава 5. Готова ко всему

Сколько раз Яне приходилось в своих историях описывать дальние поездки в транспортных средствах на конной тяге. Она догадывалась, что это куда менее удобно, чем путешествие на автомобиле или в купе поезда. И, тем не менее, ощущения оказались ещё более непередаваемыми, чем рисовало воображение.

Они с Гастоном тряслись в экипаже почти сутки. К концу пути нещадно затекла спина, шея, руки и ноги. И это несмотря на регулярные остановки, во время которых кучер кормил лошадей, а пассажиры имели возможность размять ноги.

Гастон, привыкший к здешним транспортным средствам, умудрялся дремать. Яне же не спалось. Она сидела с закрытыми глазами, откинувшись на спинку, погружённая в свои мысли. Ей вспоминалась другая поездка. Почему-то всплыл в памяти именно тот эпизод, который она старательно пыталась забыть...

...Она ехала с Даней в Питер знакомиться с его родителями. Эта

поездка означала очень многое. Она означала, что у них всё серьёзно, что отношения вышли на новый официальный уровень. Даня уже не раз говорил, что хотел бы связать свою жизнь с Яной. Но то были слова. А теперь его слова на глазах материализовывались. Яна догадывалась, что её представят не просто подругой или приятельницей, а невестой. Волнение зашкаливало.

Тогда Яне казалось, что она счастлива. Подруги так и говорили: "Счастливая ты, Янка, такой парень на тебя запал". Ещё бы! Данил считался чудесной партией. Сын дипломата. Красив, богат, перспективен.

Была весна. Апрель-капель. Вокруг всё юное и свежее. Деревья в зелёных облаках первых проклюнувшихся листочков. Птицы с шальным щебетом. Казалось — вот оно рождается что-то важное, главное, такое, что на всю жизнь. И голова кружилась от хмельных мыслей.

Он вёл машину и рассказывал ей о традициях своей семьи. Что любит отец, что любит мать. О чём с ними говорить, а какие темы лучше не затрагивать. Яна слушала внимательно. Ей хотелось понравиться его родителям.

— Ты, главное, им про свои писульки не рассказывай, — он на секунду оторвался от дороги и посмотрел на Яну с неприятной улыбкой. — Я сказал им, что ты экономист.

Во рту стало горько от обиды. Почему писульки? Вообще-то, Яна пишет полноценные романы, фэнтезийные истории со сказочными мирами. Даня, правда, не прочёл ни одного. Она предлагала. Ждала с замиранием его реакции. Таила надежду, что ему понравится. Боялась, что не понравится. Но он не читал — ему было некогда. И Яна решила, что так даже лучше. Зачем ей лишние волнения?

— Чего скисла? Ты же закончила экономический. А то, что по специальности не работала, не важно.

Дальше Даня пустился в объяснения, что его отец — уважаемый человек, входит в круг серьёзных людей. Его невестка должна соответствовать. Бумагомарательство же солидности не придаёт, а наоборот, портит имидж. И его не волновало, что писательство кормит Яну, а книги — её жизнь.

— Кормить тебя буду я, а когда появится ребёнок, тебе будет не до писулек.

Он приводил в пример свою мать, которая посвятила себя отцу и

всегда "соответствовала". Он перечислял всё новые и новые аргументы, а Яна наблюдала, как апрель перестаёт быть апрелем. Дорога стала казаться скучной и серой. И захотелось попросить остановить немедленно — прямо здесь, чтобы выйти. Как она не замечала этого раньше? Данилу не нужна Яна, ему нужна удобная жена, которую он собрался сделать из Яны. Перекроить её под себя, чтобы "соответствовала"...

После той поездки они расстались. Даня перенёс разрыв легко. Как оказалось, у него был запасной вариант — ещё одна девушка, с которой встречался параллельно. Вот она-то и стала ему верной удобной женой. Что ж, как говорится, совет да любовь. А Яна рада была, что вовремя самоустранилась. Не хотелось ей таких отношений, в которых есть шанс потерять себя. Не нужен ей муж. Ей для счастья хватит любимой работы. А не хватит — кота заведёт.

Интересно, в этот раз воспоминания не вызвали совершенно никаких болезненных ощущений. Где Даня, а где Яна? Ха! В новой реальности старые проблемы казались ерундой. Правда, расслабляться рано. Тут у неё проблема похлеще — почти-муж.

Солнце уже упало за горизонт, когда экипаж, наконец-то добрался до Трэ-Скавеля. Городок очаровал Яну с первого взгляда. Чувствовалось, что он расположен в предгорье. Ни одной горизонтальной улочки — они либо круто поднимались вверх, либо опускались вниз. Но абсолютно все дороги были мощёными. Вдоль дорог тянулись двухъярусные фонари, которые щедро заливали светом причудливые дома горожан. Это удивительно, но каждый дом имел свою сложную архитектуру! В отличие от столицы, здания не теснились вплотную друг к другу. Их разделяли сады, из-за чего городок в прямом смысле утопал в зелени.

Центральная улица оказалась недлинной. После резкого подъёма крутой спуск — и экипаж очутился на просторной площади — единственной горизонтальной поверхности в Трэ-Скавеле. Над площадью величественно возвышалась городская ратуша с живописной башней. Она была, пожалуй, слишком грандиозной и основательной для такого маленького городка. Чем-то напоминала Лондонский Биг-Бен — даже большие часы имелись.

Экипаж остановился возле одного из зданий, которые обрамляли площадь по периметру. И это очень удивило Яну. Они, что, на месте?

Ей казалось, что заброшенная артефакторная лавка должна была бы ютиться где-то на окраине Трэ-Скавеля, а не на центральной площади.

— Вот мы и прибыли, — развеял её сомнения Гастон.

Он вынес из экипажа дорожный баул Яны и поставил на тротуар.

Она осмотрелась. Прохожих на площади практически не было — видимо, городок рано ложится спать.

Постройка, напротив которой остановился экипаж, сильно отличалась от остальных зданий. Те пестрели весёлыми вывесками, в высоких окнах-витринах, несмотря на позднее время, горел свет. Тротуары, выложенные цветной плиткой, вели к резным дверям. Газоны, клумбы, аккуратно подстриженные кусты — идиллия... но это пока взгляд не упирался в каменное мрачное здание артефакторной лавки. Её узкие окна зияли зловещей темнотой. Подступы поросли бурьяном. Кусты, которыми давно никто не занимался, превратились в коряжистые деревья-монстры. Они обступили здание со всех сторон, тянулись к нему сухими ветвями. Картинка как из фильма ужасов.

— С вашего позволения попрощаюсь с вами прямо здесь, — немного виновато произнёс Гастон.

Не решается заходить в лавку? Яна его не осуждала. Он и так много сделал для неё.

— А вот вам, думаю, не стоит опасаться этого места, — ободряюще произнёс Гастон. — Жюль знал, что делал. Он не стал бы отписывать лавку вам, если бы считал, что она представляет для вас угрозу. Но... я бы всё же посоветовал продать её как можно скорее... если, конечно, найдётся покупатель.

Взгляд поверенного снова сделался виноватым. Он, разумеется, понимал, что даёт нереальный совет. Кто купит пришедшую в полный упадок лавку с весьма недоброй славой?

Однако Яна относилась к своему наследству очень оптимистично. Во-первых, действительно, дядюшка не оставил бы племяннице то, что причинит ей вред, а во-вторых, в этом мире лавка — это единственное, что у неё есть. Это как минимум кров. А как максимум... Яна уже успела нафантазировать, что отыщет артефакт из обсидиана и научится им пользоваться и, возможно, раз он обладает удивительными свойствами, с помощью него получится вернуться домой.

— Благодарю вас, монсир Гастон. Вы мне очень помогли, — Яна тепло попрощалась с поверенным.

— Ну что вы, муазиль Вивьен, это был мой долг перед вашим дядюшкой.

Повинуясь порыву, он снова подхватил саквояж Яны.

— Давайте я всё же провожу вас до крыльца.

Они вместе пошли через бурьяны ко входу. Вблизи постройка выглядела ещё более запущенной и зловещей. Стало заметно, что стены когда-то были покрашены, но краска где-то выцвела, где-то целыми кусками отвалилась, где-то подёрнулась мхом, образуя жуткие узоры.

— Муазиль Вивьен, вы не передумали вступать в наследственные права? — Гастон поёжился, удручённый пугающими картинами. — Может, отвезти вас назад?

Яне тоже пощипывало нервы, но ощущения не были такими уж жуткими. В своей земной жизни она даже мечтала исследовать когда-нибудь старое заброшенное здание — стимулирует писательское воображение.

— Нет, монсир Гастон, я решительно намерена поселиться здесь.

Выбора-то особого у Яны не было. Куда ей деваться? Да и потом, чем жутче это место, тем больше вероятность, что почти-муж не явится сюда, чтобы излить на Яну гнев.

— Тогда мой долг передать вам ключ, согласно воле вашего дядюшки.

В руку Яны лёг тяжёлый металлический предмет. Только теперь, пытаясь его разглядеть, она осознала, насколько вокруг темно. Хотя чему удивляться? В предгорной местности очень быстро темнеет. Яна слышала об этом. Однако она не думала, что речь буквально о минутах. Когда они с Гастоном вышли из экипажа, полумрак был бархатно-синим, прозрачным, сейчас же ночь по-настоящему вступила в права.

Яна с трудом различила каменные ступени крыльца. Надо сказать, они почти не подверглись воздействию времени, зато кое-где проиграли битву с бурьяном. Она поднялась на первую ступень, не решаясь опереться на поручни. Чувствовалось, что когда-то кованые металлические перила были украшением лестницы. Теперь же они стали похожи на проржавевших уродцев.

Поверенный идти вслед за Яной не решился. Нужно было прощаться. Она приняла у него из рук свою сумку. В этот момент окна соседних строений погасли, и возникло ощущение, будто заброшенная лавка — единственное здание на всю округу.

Тишина стала особенно звонкой. И в этой тишине Яна вдруг чётко уловила неясный звук, раздающийся из-за дверей лавки. Писательское воображение мгновенно включилось и нарисовало полчища кровожадных крыс и летучих мышей. Почему кровожадных? А какие ещё животные могут обитать в проклятом месте? Гастон побледнел — видимо, тоже слышал шорохи.

— Вынужден откланяться, — из последних сил сохраняя спокойствие, произнёс он. — Всегда к вашим услугам, муазиль Вивьен. Обращайтесь, если нужно будет составить завещание.

Звучит оптимистичненько.

Он развернулся и со скоростью чемпиона по спортивной ходьбе ломанулся через бурьяны к экипажу. Его стремительное бегство было таким комичным, что даже страх на время отступил. Но когда зловещие звуки за дверью лавки усилились, у Яны снова холодок пробежал по спине.

Она решила немедленно зайти внутрь. Не потому, что такая смелая, а просто чтобы выиграть время. Если она встретится в лавке с чем-то уж больно нестерпимо страшным и потусторонним, она тут же выскочит и ещё успеет вернуться к экипажу, пока он не тронулся в обратный путь.

Яна бодренько взбежала по ступеням крыльца. Вот Гастон наверно диву даётся её бесстрашности и сумасбродности, если сейчас смотрит на неё. И этот его предполагаемый изумлённый взгляд придавал Яне сил и решимости.

Она вставила ключ в замочную скважину. Отопрётся ли дверь? А вдруг за двадцать лет механизм пришёл в негодность? Но ключ легко провернулся три раза. Ого, какие тут устройства делают — на века. Не то что в земном мире. Купил смартфон, проигрался им полтора года, а он уже и морально устарел. Он уже и не каждое приложение потянет. Будь добр, покупай новый.

Мысли о смартфонах были такими земными и уютными, что помогли отключить страх. Яна открыла дверь, готовая ко всему...

...хотя нет, не ко всему. Такого она точно не ожидала увидеть...

Глава 6. Особые приметы

На Яну из темноты смотрели глаза. Сердце в пятки ушло. Оказывается, нет ничего более жуткого, чем просто взгляд, когда кроме этого взгляда ничего больше не видно. Она испытала непреодолимое желание завизжать, но к счастью, пока набирала в грудь воздуха, успела

понять, что глаза принадлежат не непонятному монстру, а обыкновенному коту.

Фух. Кота Яна не боялась. Коту она даже обрадовалась, хоть он и был, похоже, абсолютно чёрным, будто специально предназначенным перебегать дороги и накликивать несчастья. Но в приметы Яна не верила, зато верила, что там, где есть кот, нет крыс. По крайней мере, в теории. Да и к тому же, возможно он не такой уж и чёрный, если его рассмотреть при свете.

Насчёт света — это была правильная мысль. Тёмное пространство катастрофически нуждалось, чтобы его осветили. Вопрос — чем? Помещения здесь были оборудованы светильниками, почти, как в земном мире. Их называли масляными лампами и помещали в плафоны и абажуры. Яна пока не поняла принцип их действия. Провода от них не тянулись — ясно, что не электричество, скорее, химия какая-то.

Однако, она не надеялась, что в лавке, которая пустовала двадцать лет, сохранилось хоть что-то в рабочем состоянии, поэтому захватила с собой безотказный источник света, принцип работы которого ей был хорошо известен, — свечи. К счастью, свечи здесь тоже были в ходу, и проблем их раздобыть у Яны не возникло.

Под пристальным взглядом зелёных глаз она вошла внутрь, и достала из сумки всё необходимое, чтобы развеять тьму. Кот за её действиями наблюдал с расстояния. А когда через минуту пространство озарилось дрожащим светом свечи, он недовольно фыркнул. Понять его можно. Видимо, до этой минуты он считал себя здесь полноправным хозяином и теперь пребывал далеко не в восторге от того, что в его владения вторглись и устанавливают новые порядки.

— Вообще-то, хозяйка здесь я, — сказала Яна коту. — Привыкай. Мы не будем сидеть по вечерам без света.

Вот что с человеком страх делает! Яна уже с животными разговаривать начала.

— Мрр... — кот недоверчиво сощурился.

— Полагаешь, если лавка пустовала двадцать лет, то она ничья? А вот и нет. У меня даже документ на неё есть.

Важное в человеческом мире слово "документ" не произвело на кота должного впечатления, он продолжал топорщиться на Яну усы. Однако она не могла не заметить, что его настороженность сменилась любопытством.

Собственно, Яну тоже распирало любопытство познакомиться со своими владениями. Судя по звукам с улицы, экипаж уже отъехал. А значит, обратной дороги у Яны нет. Нужно осваиваться на новом месте.

Ей повезло. Она быстро отыскала настенный канделябр, пристроила туда свечу, а потом и вторую. Совсем другое дело — относительно светло и руки свободны.

Беглый осмотр первого этажа показал одно — тут быстро всё не исследуешь. Кроме просторного зала, где в своё время, видимо, принимали посетителей, имелось ещё несколько небольших подсобных помещений. С ходу понять, для чего они предназначались, было невозможно. Везде царил страшный беспорядок — заметно было, что лавку покидали в спешке. Но мебель, с виду, была целой. Витрины нетронуты. Оно и понятно. Это место обходили стороной не только добропорядочные горожане, но и вандалы.

Кот постепенно свыкся, что Яна хозяйничает в "его" владениях. Настороженности больше не проявлял и даже принялся путаться под ногами, чтобы на него обратили внимание. Хитрый котейка.

Яна присела на корточки и погладила его по голове.

— Вот ты, Кузя, и не догадываешься, но одним своим присутствием очень меня подбадриваешь, — призналась она ему. — Кстати, да, отныне ты будешь Кузей.

Непонятно, то ли ему понравился комплимент, то ли новое имя, но он чуть заметно заурчал. Зелёные глаза взглянули как-то по-особенному. Неужели Яну только что признали хозяйкой? Вряд ли, конечно. Коты — существа независимые. Почёсывая его за ушком, она имела возможность убедиться, что он всё-таки полностью чёрный от кончика хвоста до кончиков лап. Ну и ладно. Кузя всё равно ей нравился.

Интересно, а как он пробирается внутрь и наружу? Через лаз в подвале или чердак? А может, где-то есть открытая форточка? Этот вариант не был лишён логики. Ведь помещение, которое не проветривалось двадцать лет, должно было бы встретить затхлым запахом плесени и пыли, но ничего подобного — воздух казался достаточно свежим.

— Ладно, Кузя, пора исследовать второй этаж.

Яна вооружилась свечой и направилась к лестнице. Кот сопровождать новоиспечённую хозяйку не стал, скрылся в одном из

подсобных помещений.

Если верить рассказам Гастона, на втором этаже располагалась мастерская и жилые комнаты. Яна будет считать удачей, если найдёт, где можно придремать. Сказывалось, что она почти сутки провела в дороге — тело требовало придать ему горизонтальное положение. Да и голова уже плохо соображала. Все дела лучше отложить до утра.

Второй этаж, как и первый, образцовым порядком не порадовал. В проходах навалены были какие-то коробки и тряпки. Интуиция подсказала, что мастерская находилась в правом крыле, а левое — жилая часть. Туда вёл коридор, застеленный каким-то подобием ковровой дорожки.

Яна обнаружила в коридоре три двери. Логика подсказывала, что в спальную комнату должна вести самая дальняя. С неё она и решила начать исследования.

Первое, что бросилось в глаза, когда вошла внутрь, — большое трёхстворчатое окно, из которого лился неяркий ночной свет. Оно выходило во внутренний двор, а не на центральную площадь. Одна створка окна была открыта настежь. А вот и объяснение, как кот пробирается внутрь. Ветви дерева, растущего под окном, почти касались подоконника.

Яна обвела комнату взглядом — шкаф, сундук, кресло и в дальнем углу — ширма. Это действительно, скорее всего, спальная. За ширмой, наверное, обнаружится кровать. Яна направилась проверить свою версию, отмечая, что в комнате нет того бедлама, который царит в других местах.

Фантазия машинально включилась, пытаясь объяснить, почему хозяин перед тем, как покинуть лавку, навёл порядок в спальне. Но ответ пришёл после того, как Яна заглянула за ширму.

От удивления она чуть не вскрикнула. Там действительно стояла кровать. Но не пустая! На кровати поверх покрывала лежал мужчина. Ноги были слегка раскинуты, руки подложены под голову. Поза человека, уверенного в себе. Верхнюю часть его лица почему-то скрывала матерчатая маска. Мощная грудная клетка ритмично вздымалась, глаза были закрыты — он спал. И только тот факт, что мужчина временно в отключке, немного унял зарождающуюся панику.

Первая мысль, которая пришла в голову — а вдруг это и есть почти-муж? Странная, конечно, версия, но не зря же Яна писатель. Всё

по закону жанра: ты от него бежишь-бежишь, убегаешь-убегаешь, прибегаешь в дальнюю даль, а он там тебя уже и поджидает.

Можно ли было эту версию принять за правдоподобную? Вполне. Прочитав письмо с отказом, Моррис мог в ярости кинуться в погоню. Возникает вопрос: как он узнал, где искать Яну, если она попросила тётушку и поверенного молчать? Применил тёмный дар? Не исключено. А почему добрался до места быстрее Яны? Очень просто — воспользовался каким-то более быстрым транспортным средством, чем экипаж.

Хотелось бы проверить гипотезу до того, как мужчина проснётся, чтобы быть готовой ко всему. Но как проверить? Нормальная девушка должна знать своего почти-мужа в лицо. Но Яна не знала. Информация, которой она владела, ограничивалась несколькими пунктами. У него тяжёлый скверный характер. У него сильный тёмный дар. У него страшная тайна. Обнаружить эти качества у спящего человека было весьма проблематично. Когда люди спят, они выглядят вполне безобидными. Хотя конкретно этот экземпляр, даже в отключённом состоянии, казался опасным. Высокий, наверно, под два метра, сильный и крепкий. Однако рост и мощь ничего не доказывали.

Эх, Яне бы какую-нибудь особую примету. Шрам там или родимое пятно. Было, правда, кое-что в этом духе. Вивьен упоминала, что Моррис богат и весьма хорош собой. Хм... богат? Ну, судя по одежде, мужчина не беден. На нём были высокие крепкие кожаные ботинки — сразу видно, качественные. Белая рубашка хоть и из простой грубой ткани, однако имела белую рельефную вышивку по рукаву — явно не из дешёвых. Хотя, сказать по правде, Яна пока имела слабое представление о здешней мужской моде и атрибутах статусности. Она мужчин-то почти не видела, если не считать поверенного и кучера. Вот в земном мире, к примеру, какие-нибудь позолоченные часы швейцарской фирмы или там галстук от Валентино — какая-никакая подсказка. И то, многие ли отличат на беглый взгляд фирменную вещь от подделки? А уж тут Яна и вовсе терялась.

Она заметила на правом запястье мужчины браслет. Изумрудный ободок едва заметно светился в темноте. Тоже, наверняка, вещь не дешёвая. Но Яна не знала, что это — безделушка, украшение или артефакт.

Оставалось проверить незнакомца на последнюю примету —

"хорош собой". Вот тут всё сходилось. Хотя часть его лица и скрывала маска, но общее впечатление составить было можно. Его черты показались Яне привлекательными. Резко очерченные скулы, волевой подбородок, широкий лоб, густая шевелюра чуть волнистых каштановых волос. Непонятно, конечно, что там с глазами. Может, когда он их откроет, она обнаружит глупый пустой взгляд и наваждение спадёт, но с закрытыми глазами от него на метр разило грубым мужским обаянием древнего викинга.

И вот тут, когда в голову пришла ассоциация с викингом, неожиданно родилась догадка, которая была ещё похлеще предыдущей. А что если это не почти-муж, а кто-то из дамарийцев? Представитель дикого горного народа, которые очень редко спускаются в долины? Что если он пробрался в лавку, чтобы отыскать артефакт из обсидиана и вернуть святыню своего народа туда, где ей и место?

Тогда браслет на его руке объясним. Кажется, Яна читала, что все дамарийцы носят браслеты-амулеты, которые символизируют принадлежность к тому или иному роду.

И ещё один момент в пользу этой версии. Только дамариец не побоялся бы залезть в проклятую лавку, потому что ему не страшно проклятие обсидиана.

Как должны выглядеть дамарийцы, Яна не знала. Однако её воображение рисовало как раз что-то наподобие незнакомца. Огромный, мощный, сильный. Накачаешься тут, если постоянно нужно по горам лазать.

Она даже не знала, что бы предпочла: чтобы незнакомец оказался почти мужем или диким дамарийцем. Оба варианта не сулили ничего хорошего. Но кем бы он ни был, одно непонятно: зачем он улёгся здесь спать???

Она ещё не успела найти ответ на этот вопрос, когда глаза незнакомца неожиданно открылись и уставились на неё.

Глава 7. Вы кто?

Вопреки ожиданиям, взгляд незнакомца не был пустым. Скорее, наоборот, в нём горело опасно много самых разнообразных эмоций. А ещё, кажется, у викинга оказались неприлично голубые глаза, насколько их цвет можно было рассмотреть при тусклом освещении.

Мужчина мгновенно подскочил с постели. Как воин вечно готовый к сражению. Насчёт роста Яна не ошиблась — он был гораздо выше неё.

Он так монументально возвышался в тесном пространстве за ширмой, что Яна резко почувствовала себя мелкой, хоть при своём росте метр шестьдесят пять, редко испытывала подобные ощущения. Что ж ты, голубушка, сразу не дала дёру, а рассматривала этого монстра, а? Теперь и бежать поздно. Единственным оправданием было, что деваться-то Яне некуда. Ну, сбежала бы она из лавки, а дальше что? Блуждать по ночному городу в одиночестве, ещё не таких монстров встретить можно.

Спокойствие, Яна, только спокойствие. Не забывай, что ты здесь хозяйка. Это вообще-то твои владения. Почему ты должна отсюда убегать, когда имеешь полное право здесь находиться, а вот дамариец в данной ситуации — наглый нарушитель границ частных владений. Кстати, да, она уже почти не сомневалась, что перед ней не почти-муж, а представитель горного народа. Уж слишком мощный и огромный. Но почему на нём маска? Может, всё куда проще — это домушник, промышленный мелкими кражами. Ограбил лавку, устал и прилёт вздремнуть?

Кто бы он ни был, Яна с удовольствием вытурила бы его. Но разница в габаритах подсказывала, что в физическом поединке победа ей не светит. При желании викинг запросто скрутит её в бараний рог. К счастью, выраженной агрессии он не проявлял. Что побудило её всё-таки обозначить, что он не у себя дома.

— Вы кто? — спросила она, отметив на всякий случай, что буквально на расстоянии вытянутой руки от неё на комодѣ стоит тяжѣлый на вид канделябр. — Почему влезли в чужой дом и спите в чужой кровати?

Яна изо всех сил старалась, чтобы голос не дребезжал от волнения, а звучал строго и даже грозно, чтобы викинга пробрало. Но видимо, получилось не очень, потому что викинг не выглядел пробранным. Наоборот, он вдруг криво улыбнулся и произнёс опасно бархатным голосом.

— Понимаю ваше удивление по поводу того, что я спал в чужой постели, тогда как сегодняшнюю ночь я должен был спать в своей — С ВАМИ.

Что???

— Не ваше ли бегство тому виной? — улыбка сделалась угрожающе симметричной, но потом вновь левый угол рта приподнялся

выше правого, и викинг добавил: — Впрочем, если поторопимся, ещё успеем.

Нет, ну надо же было так влипнуть! Это что, всё-таки почти-муж? Намекает на то, что если бы Яна не сбежала и седьмая церемония состоялась, как ей и положено, сегодня днём, то эту ночь она и Моррис уже провели бы как супруги? Однако, вечер перестаёт быть томным. Яна снова непроизвольно покосилась на канделябр.

Мужчина перехватил её взгляд и предупреждающе качнул головой.
— Не сто́ит.

Он безапелляционно и властно взял Яну за руку.

— Идёмте, — но потянул, к счастью, не в кровать, а наоборот, на выход из комнаты. — Вам нельзя здесь оставаться. Это опасное место.

— Странно слышать от человека, который в этом опасном месте спал, — Яна и не подумала следовать за ним и высвободила руку.

— Мне ничего не угрожает. На мне дамари́йский защитный браслет. Идёмте, — его пальцы снова сомкнулись на её запястье. Мягко, но возмутительно настойчиво.

— Мне тоже здесь ничего не угрожает! — Яна опять оказала сопротивление.

— Отчего же? Не хотите же вы сказать, что обладаете дамари́йской магией?

В его вопросе звучала ирония, или даже, скорее, издёвка. Как будто он, вообще, не допускал наличия у Яны магии. Ни дамари́йской, ни какой-либо другой.

А вот это спорный вопрос. С момента, как Яна здесь оказалась, она постоянно об этом думала. Если магический мир для неё родной, если она родилась тут, то существует ненулевая вероятность, что у неё есть магические способности. Конечно, далеко не каждый здесь обладает магией. Сильный дар — вообще редкость. Но Яна питала тайную надежду раскрыть в себе хотя бы слабенький дар. Может, она унаследовала от дядюшки Жюля хотя бы кроху таланта артефактора. Ей бы это ой как пригодилось. Ведь вся её надежда вернуться домой зиждется пока на том, что она отыщет артефакт из обсидиана и научится им управлять.

У неё уже даже созрел план, как проверить свои способности к артефакторному делу. Но в данную минуту задача перед Яной стояла другая. Нужно было как-то противостоять почти-мужу, который,

пользуясь физическим превосходством, всё же смог выдворить её из спальни и с маниакальным упрямством тянул вниз по лестнице на первый этаж.

— Монсир Моррис, куда вы меня тащите?! — возмутилась Яна.

— Для начала я должен вывести вас из этого опасного места.

И почему некоторые мужчины считают, что просто обязаны спасти любого, кто, по их мнению, требует спасения, даже если этот любой категорически спастись не желает?

— Но я не хочу идти с вами! — Яна упиралась изо всех сил.

Тогда он сменил тактику. Просто подхватил её одной рукой за талию и прижал к своему боку, продолжая, как танк двигаться к выходу. Складывалось впечатление, что ему ничем не мешает его брыкающаяся ноша — так, мелкий комаришка. Это было просто вопиющее коварство, учитывая, что, вообще-то, дорогу им обоим освещала Яна, держащая свечу в руке. Хотя чему она удивляется? Её предупреждали о скверном тяжёлом характере.

— Да отпустите меня, наконец!

Что за фамильярность? Яна догадывалась, что ничего подобного Моррис себе до этого не позволял. Отношения с Вивьен у него были сухие и отстранённые, не зря же они друг друга называли на "вы". А Яну, значит, можно таскать под мышкой?! Мстит за отказ?! У, зараза! Яна усилила амплитуду брыкания. И где, спрашивается, кот? Разве он не должен защищать хозяйку?

— Муазиль Вивьен, — примирительно произнёс Моррис и поставил Яну на ноги. Вот только поставил он её уже с той стороны входной двери. — Сутки ещё не закончились. У нас есть целый час, чтобы доехать до ближайшего храма и завершить церемонию.

— Монсир Моррис, я же вам написала, что не готова к браку. К тому же, как я могу куда бы то ни было ехать с человеком в маске? Может вы не Моррис!

Так себе аргумент, но изнурительная борьба с почти-мужем лишила Яну красноречия, которое ей, вообще-то, присуще.

— Я специально в маске, чтобы вы меня не видели, как того и требует ритуал.

Ах, вон оно что. Брачный ритуал действительно подразумевает, что брачующиеся должны видаться друг с другом только в храме. Скажут друг другу "да" и расстанутся на три дня. Потом снова явятся в храм,

скажут "да" и опять должны разойтись как в море корабли. И так семь раз. Вивьен об этом писала, да и Яна успела кое-что о ритуале почитать в книгах. А Моррис, выходит, предусмотрительный. Только вот не всё предусмотрел.

— А я-то без маски, меня-то вы увидели — всё, ритуал нарушен! — не сдержала злорадства Яна.

— Нет, я вас не вижу, муазиль Вивьен.

Наглые голубые глаза смотрели прямо на Яну. Издевается?

— На мне заклятие иллюзии. Сам на себя наложил, — уточнил он самодовольно.

Про это заклятие Яне тоже информация попадалась. Человек под таким заклятием, говоря земным языком, находится как будто под действием галлюциногенов. Тут, кстати, это заклятие тоже при помощи особых грибов накладывают.

— Ритуал не нарушен. Вместо вас я вижу козочку, — он опять криво улыбнулся.

Ого, как его вштырило. Или это у почти-мужа шутки такие?

— Упрямую козочку, — добавил Моррис с сарказмом. — Раньше я такого за вами не наблюдал.

— Видите, мой характер меняется не в лучшую сторону. Зачем вам такая жена?

Кажется, первый шок прошёл, и красноречие возвращается.

— Я пообещал вашей тётушке, что возьму вас в жёны, а я человек слова. Сегодня церемония должна быть завершена.

Так Яна и поверила, что дело просто в обещании. Тут что-то ещё. А вот то, что он упомянул Селестину, натолкнуло на мысль, что, видимо, именно она и сдала Яну Моррису. Эх. Наверно, она посчитала, что так племяннице будет лучше. Почему в целом добрые и милые люди предают, полагая, что действуют во благо?

— Монсир Моррис, мне не нужен муж, — Яна попыталась обогнуть его, чтобы проскользнуть назад в лавку. — По крайней мере, пока. Мне нужно время.

Ага, обогнёшь такого. Гора.

— Там опасно, — Яну оттеснили. Пресловутый скверный характер в действии. — Как вы будете жить без мужа и без средств к существованию?

О, тётушкин аргумент.

— У меня двадцать луардов и сообразительная голова на плечах. А ещё артефакторная лавка в придачу, — она попыталась предпринять обманный манёвр, однако была бесцеремонно отодвинута от двери.

— Что происходит?! — громкий строгий оклик раздался откуда-то со стороны и следом послышались быстрые шаги.

К лавке через бурьяны приближался поверенный. Яна глазам своим не верила. Разве он не уехал?

— Монсир Гастон, меня не пускают в лавку, — тут же пожаловалась она. — Хотя, как вы знаете, это моё законное наследство.

Гастон подошёл запыхавшийся, но такой суровый и официальный, что захотелось взять под козырёк, как перед генералом. А ещё расцеловать. Оказывается, он не бросил Яну на произвол судьбы, а дежурил где-то поблизости.

— Я представляю интересы муазиль Вивьен, наследницы монсира Жюля, — пробуравил он взглядом Морриса. — На каком основании вы препятствуете ей?

— Я её жених Моррис из рода Буаселье.

— Разве жених может видаться с невестой где-либо помимо храма?

Правильный вопрос. Вот пусть теперь Моррис Гастону про козочку и рассказывает.

— К тому же, не припомню, чтобы кто-либо из представителей Буаселье упоминался в завещании Жюля. Вынужден требовать, чтобы вы покинули территорию частных владений.

Пламенная речь Гастона заставила Морриса переключить внимание на него, и Яна тут же воспользовалась ситуацией, чтобы нырнуть в лавку. Она заперла дверь на ключ и только тогда перевела дыхание.

Глава 8. Не жена. Пока

Яна прислонилась спиной к двери, прислушиваясь к разговору между поверенным и почти-мужем. Моррис грозно, настойчиво и красноречиво заверял, что Яне в лавке грозит опасность, а следовательно её нужно оттуда эвакуировать, Гастон же не менее красноречиво парировал, что опасности нет, зато имеет место нарушение границ частной собственности со стороны Морриса, о чём поверенный непременно доложит градоначальнику и в другие вышестоящие инстанции.

Стало очевидно, что содержательная беседа между двумя мужчинами быстро не закончится, а следовательно, вероломная

попытка почти-мужа настоять на завершении брачной процедуры, провалилась. До полуночи-то осталось всего ничего.

Яна отделилась от двери и направилась в спальную — закрыть окно, через которое почти-муж влез в лавку. Хоть брачную процедуру и удалось благополучно сорвать, но у Яны не было никакой уверенности, что Моррис оставит её в покое. А значит, надо перекрыть все возможные несанкционированные пути доступа во владения Яны. Завтра она попробует придумать, как спилить ветки, подступающие к окну, чтобы не только Моррис, а и кто бы то ни было другой не смог непрошенным пробраться в лавку.

Яна не ограничилась спальней. Прошла со свечой по всем комнатам, чтобы проверить, нет ли где-либо ещё открытых окон. К счастью, все они были надёжно заперты.

Она вернулась к двери — узнать, как протекает беседа поверенного и почти-мужа, но голосов не услышала. Хотелось верить, что Гастон убедил Морриса убираться восвояси.

Яна окончательно удостоверилась, что опасность миновала, только когда прошло несколько минут, а ни единого звука с улицы так и не раздалось. Вместе с радостью одержанной победы накатила усталость. Борьба с почти-мужем вымотала вконец. Руки и ноги гудели, спину сковало. Нужно было таки укладываться спать.

Яна поднялась в спальную и занялась устройством ночлега. Кровать, на которой ещё недавно спал Моррис, выглядела сносно. Покрывало показалось достаточно чистым. Яна постелила на него сверху свой плащ и легла, не раздеваясь. Лишь туфли скинула.

Тело приятно расслабилось. Наверное, сон пришёл бы быстро, стоило только сомкнуть глаза. Но прежде чем их смыкать, она достала из сумки записную книжку и автоперо. Это неисправимая привычка — для душевного равновесия ей просто необходимо было писать каждый день. Хотя бы пару мыслей и наблюдений, хотя бы несколько строк — самые яркие впечатления.

Слова сами собой ложились на бумагу. Она набрасывала портрет Морриса. Интересный экземпляр — смело можно делать главным героем романа. Положительным или отрицательным, Яна пока не решила. Противоречивый. Мужественная внешность, габариты викинга и резкие черты лица смягчены неожиданным романтическим голубым цветом глаз. Разве можно человеку с тёмным даром иметь такие глаза?

А уж характер! Скверный и тяжёлый — описала Вивьен. Но Яна бы добавила ещё пару черт — наглый и бесцеремонный. Он, что, рассчитывал, что своим напором сможет убедить Яну ехать с ним в храм и сказать "да"? Ха! Хотя, может, если на месте Яны оказалась Вивьен, на неё бы подействовала решительность и безапелляционность Морриса. А вообще, хороший здесь брачный ритуал — запрещает видаться жениху и невесте. А значит, такие напористые, как, к примеру, Моррис, не могут давить на невесту, и у девушки есть больше двадцати дней, чтобы понять, действительно ли ей нужен этот мужчина.

Яна отложила автоперо и блокнот, задула свечу и закрыла глаза. Её фантазия оставила в покое Морриса и сконцентрировалась на лавке. Завтра Яна начнёт наводить здесь порядок, разгребать завалы и искать артефакт из обсидиана, который, возможно, поможет вернуться домой.

Уже задрёмывая, она ощутила, как что-то тёплое и мягкое пристроилось в ногах.

— Кузя?

— Мрыр...

— Вот тебе и "мрыр", а где ты был, когда на твою хозяйку покушались?

— Мырр...

— Ладно. Спокойной ночи. Завтра будем с тобой отрабатывать команду: "Кузя, фас".

Моррис остановился в крохотной таверне Фавр-де-Поль на окраине Трэ-Скавеля. Здесь сдаются уютные тихие номера с видом на горы. Он хорошо знал это место, как и весь город, где прошло его детство и юность.

Моррис уехал отсюда в семнадцать, когда решил поступать в столичную академию. Со временем родители тоже перебрались в столицу, а дом в провинции продали. Покидая этот уютный городок тринадцать лет назад, мог ли он подумать, что когда-то вернётся сюда за сбежавшей женой.

Впрочем, женой она пока не стала. Из-за прихоти упрямой девчонки брачная процедура нарушена. Моррис, конечно, придумает, как её возобновить, но на это потребуется время. Что на Вивьен нашло? Все шесть ритуалов она прошла, не выражая ни малейшего желания прервать брачный процесс. У него и в мыслях не было, что что-то

может помешать завершению процедуры, поэтому письмо, которое он прочёл вчера вечером, стало для него неприятным сюрпризом.

Морриса взбесил поступок Вивьен. Но пока он ехал к ней домой, немного остыл. Юным девам свойственно страшиться брака — наслушаются жутких историй от сплетниц и начинают им верить. И потом, может, он и сам немного виноват. Был с ней сухим и отстранённым. Пусть брак договорной, но надо было показать девчонке, что ей нечего бояться.

Когда он входил в её дом, полагал, что проблема решится в два счёта. Поговорит с её тётушкой, даст наставления, как успокоить племянницу — и всё встанет на свои места. Но тут его ждал ещё один неприятный сюрприз — девчонка удрала.

Селестина не долго сопротивлялась настойчивым расспросам Морриса — выложила всё, полагая, что делает племяннице благо. Когда он узнал в чём дело, тут же бросился в погоню. Скакал верхом, меняя лошадей, поэтому выиграл время. Уже в дороге он придумал, как обойти правило не видеться с невестой нигде, помимо храма — маска и заклятие иллюзии. Вот только с заклятием перестарался. Принял чуть больше зелья, чем требовалось, и оно дало побочный эффект — непреодолимую сонливость.

Его хватило на то, чтобы залезть по дереву в открытое окно лавки. А дальше — всё, как в тумане. Но крепкий организм взял своё — когда девчонка появилась рядом с ним со свечкой, он проснулся.

Конечно, он её дразнил, когда говорил, что видит вместо неё козочку. Зелье просто чуть размыло её образ, но этого хватило, чтобы Моррис её не узнавал. И дело не только во внешности. Она была сегодня другой. Упрямой, своенравной, бесстрашной, уверенной в себе. Ему даже понравилось, как она отчаянно брыкалась. Он, конечно, сердился, но в то же время ему было весело. Ещё ни разу Моррису не приходилось воевать с юной муазиль. Он ловил себя на мысли, что не хочет ненароком сделать ей больно, но как-то ведь надо было вынести упрямицу из опасного места.

Правда, её поверенный заявил, что никакой опасности для неё в лавке нет. Почему? У неё тоже есть защитный дамарийский амулет? Однако Моррис его не заметил. Возможно, Вивьен прятала артефакт под одеждой. Но откуда у неё такая редкая вещь? Раздобыть дамарийский амулет невероятно сложно даже за большие деньги.

У его жены секретов оказалось гораздо больше, чем Моррис предполагал. Вернее, пока не жены. Но он собирался это как можно скорее исправить. Завтра же наведается к Магистру Модестайну — настоятелю местного храма, чтобы договориться о возобновлении брачной процедуры. Моррис надеялся, что старец хорошо его помнит, и будет рад посодействовать. А что касается Вивьен. Не будет ли она продолжать упорствовать? Моррис полагал, что не будет. Сколько там она сказала у неё наличности — двадцать луардов? На три дня ей хватит. А потом она вспомнит, почему согласилась на этот брак. Потому что он ей выгоден.

Все эти мысли роились в голове Морриса, когда он лежал на кровати в снятом номере и глядел в окно. Неожиданно глаза выхватили в темноте ночи силуэт. С виду детский. Ребёнок лез в его окно...

Глава 9. Я по объявлению

...Это оказалась девочка в кокетливом чепце и жёлтом платье с пышной юбкой. Моррис был равнодушен к детям, но не мог не обратить внимания, как ребёнок мил — кудрявая головка, любопытные зелёные глаза, веснушчатые щёки.

— Я слышала, тебя бросила невеста, — она уселась на стул рядом с кроватью Морриса и принялась весело болтать ножками. — А знаешь, я не удивлена, — девочка наморщила носик, — я бы тоже бросила жениха, если бы у него была такая же страшная тайна, как у тебя.

Она улыбнулась лукаво, соскочила со стула и проворно вылезла в окно...

...Это был сон. Просто сон. Моррис догадался сквозь дрему. Открыл глаза. Сел на кровати. Наверное, дают о себе знать отголоски заклęcia иллюзии. Хотя не исключено, что всё это ему приснилось неспроста. Может, здесь кроется подсказка? Что если Вивьен узнала его тайну, поэтому и отказывается от брака? Мысль Моррису не понравилась. Ему подумалось, что надо бы как можно скорее проверить догадку.

— Я по объявлению.

На пороге лавки стоял мужчина средних лет достаточно приятной наружности. Его немного вытянутое лицо источало интеллигентность, а аккуратные аристократические залысины делали лоб широким и умным.

— Вы артефактор? — обрадовалась Яна.

Сегодня утром она прошлась по городской площади и расклеила на

столбах и афишных стойках объявления следующего содержания:

Хозяйка артефакторной лавки предлагает взаимовыгодное сотрудничество опытному артефактору.

Яне просто катастрофически была необходима помощь профессионала. Она поняла это, когда разгребала завалы в своих владениях и кое на что наткнулась.

Наведением порядка Яна занялась с самого утра, даже завтрак на потом отложила. Очень уж хотелось провести хотя бы беглый рейд по шкафам и сундукам. Её не отпускала мысль отыскать обсидиановой артефакт, на который возлагались большие надежды.

Фронт работ, сказать честно, выглядел неразгребаемым. Непочатый край — явно не на один день. Но глаза боятся — руки делают. Яна начала с одной из подсобок, в которой постоянно крутился Кузя. И ей сразу же повезло. Она наткнулась на неприметную с виду коробку и обнаружила в ней кое-что необычное — с пару десятков самых разношёрстных предметов, каждый из которых был помещён в чехол из белого бархата. Пёстрые птичьи перья, цветные камни, стёклышки причудливых форм, деревянные бруски, глиняные бесформенные фигурки. Яна заподозрила, что это заготовки для артефактов. Иначе зачем их так аккуратно упаковывать? Видимо, Жюль не всё своё добро забрал с собой. Он ведь уезжал впопыхах.

Её радости не было предела. Если среди найденных предметов обнаружится что-то ценное, это очень облегчит Яне жизнь. Возможно, получится продать какой-нибудь из найденных предметов и пополнить запас наличности. Тех денег, что дала в дорогу Селестина, хватит совсем ненадолго — на несколько дней. У Яны не было уверенности, что за это время она успеет реализовать обратный обмен с двойником. Возможно, придётся задержаться тут дольше. А значит, любая копейка будет не лишней.

Однако у Яны не было ровным счётом никакой уверенности, что предметы в белых чехлах действительно имеют достаточную ценность, чтобы их продать. Вдруг эти полуфабрикаты так же далеки от артефактов, как неотёсанный кусок гранита от изящной скульптуры. Нужно было, чтобы на них взглянул опытный артефактор.

В земном мире для поиска специалиста Яна воспользовалась бы интернетом. Но за неимением в здешних местах величайшего изобретения человечества, пришлось обратиться к допотопному методу

— объявлениям. К счастью, бумага в лавке нашлась.

Расклеивая листы с призывом к сотрудничеству, Яна и подумать не могла, что желающие посотрудничать с хозяйкой проклятой лавки найдутся так быстро. Ещё, наверное, и часа не прошло, как она пристроила на афишную стойку последнее объявление, а первый соискатель уже явился.

— Я правильно понял, что вам нужен работник? — вместо того, чтобы ответить на вопрос Яны, задал он свой вопрос, поправляя галстук-бабочку.

Бабочка была великолепна. Чего не скажешь о выдавшем виды фраке с длинными полами, на котором Яна заметила приличных размеров прореху. Когда-то он, вероятно, был шикарен и демонически чёрен, как фрак дирижёра симфонического оркестра из земного мира, а сейчас, увы, утратил лоск, что подсказывало — его обладатель в последнее время на мели.

— Мне нужен, скорее, не работник, а партнёр. Вы артефактор? — повторила Яна вопрос.

— Лучше! — заверил мужчина, лучезарно улыбнувшись. — Я потомственный дворецкий. У меня и рекомендации есть.

Он шагнул в холл, прикрыв за собой дверь, поставил на пол потёртый саквояж и принялся в нём рыться.

— Дворецкий? — Яна опешила. — Но мне не нужен дворецкий.

— Почему же? Дворецкий нужен всем, — убеждённо заявил он и, оставив попытки найти что-то в своей сумке, добавил: — Кто-то же должен встречать гостей. А я, заметьте, знаю двенадцать способов встретить гостя. И это только непрошенного. А если гость званный...

— Пойдите, — перебила Яна. — Но мне, правда, не нужен дворецкий. Боюсь, у меня и гостей-то не будет.

— Совсем? — усомнился мужчина.

Нет, ну один непрошенный гость у Яны вчера уже был. Она подозревала, что он может нагрянуть снова. Однако принимать его Яна не собиралась ни одним из двенадцати способов. А что касается простых горожан, она была уверена, что они будут обходить проклятую лавку стороной.

— Заметьте, потомственный дворецкий стоит не дёшево, но я готов работать за весьма скромное вознаграждение. Кстати, позвольте представиться, Бонифас Гай Дамиан Фабьен третий. Для вас, милая

муазиль, просто Бонифас, — он отвесил лёгкий поклон, продемонстрировав безупречные манеры породистого дворецкого и ещё одну прореху на фраке — в области плеча.

Где же его так помяло?

— Мряяяу, — подал голос подошедший Кузя.

Первые несколько минут он наблюдал за визитёром из-за шкафа, но почему-то передумал прятаться.

— Вивьен, — представилась дворецкому Яна.

Бонифас ей импонировал. Видно же, что последнее время дела у него шли неважно, но он не излучал ни капли уныния и держал лицо. Даже больше — был полон достоинства и положенной ему по должности чопорности. Неисправимый оптимист? Яна, кстати, тоже относилась к неисправимым оптимистам. Она просто физически не могла долго унывать. А розовые очки, через которые она смотрела на мир, приросли к её носу намертво.

Но несмотря на то, что она видела в Бонифасе некоторые черты побратима, помочь ему ничем не могла. Ей действительно не нужен был дворецкий. Но дело даже не в этом, ей нечем было ему платить. С артефактором она планировала рассчитаться несколькими найденными заготовками для артефактов (и то ещё надо убедиться, что они имеют хоть какую-то ценность), а что она может предложить дворецкому?

— Простите, монсир Бонифас, но я не могу позволить себе наёмного работника.

— Согласен работать почти бесплатно, — не дал Яне закончить фразу дворецкий, — за еду. Муазиль Вивьен, история ещё не знала более выгодного предложения, — его лучезарная улыбка стала ещё шире. — Заметьте, я не просто потомственный дворецкий, закончивший самую знаменитую академию дворецких. Я потомственный дворецкий с огромным опытом работы в лучших домах Трэ-Скавеля. У меня каждая пылинка знает своё место.

С пылинками у Яны пока дела шли плохо, но всё же она молча развела руками. Она не была уверена, что в состоянии обеспечить нормальное питание хотя бы себе, что уж говорить о других.

— Монсир Бонифас, я убеждена, что вы сможете найти себе гораздо более выгодную работу, чем тут, в запущенной лавке с недоброй репутацией...

— Хорошо, — снова перебил дворецкий. — Согласен работать за

крышу над головой. Выделите мне угол.

— Мырр, — выдал Кузя ответ вместо хозяйки, которая уже не знала, что и сказать.

И практически одновременно с кошачьим мурчанием раздался стук в дверь. Яна направилась открывать, но дворецкий её остановил.

— Не трудитесь, муазиль Вивьен. Это теперь не ваша забота. Я открою. Встречать гостей — моя прямая обязанность.

Он поправил галстук-бабочку и вскинул подбородок. Идти ему было недалеко — он ведь и так стоял возле входа.

За доли секунды, пока Бонифас распахивал дверь, у Яны в голове пронеслась вереница мыслей. Кем окажется посетитель? Артефактором, который откликнулся на объявление, или это... Моррис пришёл сводить счёты?

Глава 10. Не жалею о том, что сделал

Яна не угадала. Посетителем оказался не артефактор и не Моррис, а почтальон.

— Письмо хозяйке лавки, — он протянул дворецкому конверт и поскакал прочь через бурьяны как ошпаренный заяц.

Бонифас чинно закрыл за ним дверь и с фирменной сияющей улыбкой передал послание Яне:

— Муазиль Вивьен, имею честь сообщить, что вам письмо. Только что доставили.

Вот артист. Будто Яна не видела. И главное, как быстро вжился в роль, хоть ему пока ничего не пообещали. Яне, конечно, не жалко было выделить Бонифасу комнату. Тут в лавке их несколько. Но ей ведь пока даже жить не на что, не то что нанимать работников.

Все эти мысли пронеслись у неё в голове, пока распечатывала конверт. Интересно, что в нём? У Яны было три версии — это либо послание от тётушки, либо от поверенного, либо от почти-мужа, будь он неладен. Но она снова не угадала.

В конверте лежал официальный бланк с гербами и печатями. В заголовке значилось, что это письмо из городской ратуши.

Многоуважаемая Муазиль Вивьен,
нам стало известно, что в настоящий момент вы являетесь владелицей лавки, расположенной на центральной площади в доме под номером восемь, поэтому просим ознакомиться с нижеследующим.

Более двадцати лет в городскую казну не вносился налог на землю,

которую занимает ваша лавка. В настоящее время долг составляет пять тысяч луардов. Просим погасить его в течение трёх дней. Иначе мэрия оставляет за собой право отсудить земельный участок вместе со всеми строениями в пользу города.

Искренне ваш,

первый заместитель градоначальника монсир Шаброль

Ну и дела! Дайте Яне стул, что ли. Такие новости нужно узнавать сидя. Это что же, городское начальство только и ждало, чтобы у лавки появился собственник, чтобы навесить на него долги?! Пять тысяч луардов?!!! Что за драконовские налоги?!!! Хотя это же накопилось за много лет. Видимо, дядюшка Жюль, после того, как был вынужден покинуть лавку, махнул на неё рукой и не заморачивался с налогами. Эх! Сумма для Яны совершенно нереальная. А как обидно-то. Она уже успела привязаться к своей проклятой лавке. Ей уже успела понравиться мысль, что она какое-то время проживёт здесь. У неё уже и кот есть, и дворецкий, вон, наклёвывается. Яне совсем-совсем, вот просто категорически, не хотелось расставаться со своей лавкой.

— Мииииу, — грустно протянул Кузя.

— Плохие новости? — догадался Бонифас, который внимательно наблюдал за Яной, пока она читала письмо.

— Отвратительные, — не стала приукрашать Яна.

— Тогда позвольте приготовить вам чай, муазиль Вивьен, — сочувственно улыбнулся Бонифас. — Святой долг каждого дворецкого напоить хозяев чаем, когда они получают плохие новости.

— У меня нет чая, — развела руками Яна.

Чай при нынешнем положении дел — это роскошь. Яна планировала покупать только самые дешёвые и одновременно питательные продукты.

— Обижаете, муазиль Вивьен, — Бонифас гордо задрал подбородок. — Я знаю восемнадцать способов приготовить чай, при отсутствии чая. Его ведь можно заваривать из свежих или сушёных ягод и фруктов, из листьев, травы и даже коры. А на заднем дворе вашей лавки я видел, между прочим, заросли шалфея.

Шалфея или бурьяна?

Уже через полчаса Яна и Бонифас сидели в гостиной в креслах и пили чай. В "гостиной" — это конечно громко сказано. Но именно этим красивым словом назвал дворецкий одну из комнат второго этажа, где

расчистил от завалов уютный уголок.

Кузя тоже решил не отрываться от коллектива. Пристроился рядом в пустой коробке и жевал что-то подозрительно похожее на сосиску. Где-то стащил?

Яна отхлёбывала обжигающе горячий ароматный напиток и невольно жмурилась от удовольствия. Оказывается, она ужасно соскучилась по чаю, и даже не по самому чаю, как таковому, а по чайной церемонии — когда ты чувствуешь полное моральное право расслабиться, забыть о всех проблемах и тревогах, и ничего не делать, пока жидкость в чашке не закончится.

Кстати, о чашках и чайнике. Всё это Бонифас разыскал сам, всё привёл в порядок. Яна чувствовала искреннюю благодарность.

— Спасибо, — улыбнулась она ему.

— Так я принят? — просиял он, посчитав слова благодарности за утверждение на должность.

— Бонифас, почему вы так хотите устроиться работать здесь? Лавка считается проклятой. Тут небезопасно.

— Я не боюсь дамариийских проклятий. Для дворецкого самое страшное проклятие — остаться без дома, — грустно улыбнулся он. — Я могу обходиться почти без еды и воды, мне не страшны жара и холод, но я не могу без дома. Мне нужно где-то наводить порядок, мне нужно кому-то делать чай.

— Но почему вы не попробуете устроиться в более престижное место? Я же вижу, вы профессионал, знаете своё дело. Да и рекомендательные письма у вас есть.

Улыбка дворецкого немного померкла:

— Нет у меня рекомендательных писем, — сознался он. — Меня выгнали с последнего места работы с позором.

— Но почему? Что случилось?

Яна вовсю сочувствовала Бонифасу. Ей казалось, что хозяева были не правы. Придрались к какой-нибудь мелочи. Что такого ужасного мог он сделать? Кофе на дорогой ковёр пролил?

— Я расстроил свадьбу своего хозяина, — огорошил он.

Яна от удивления залпом допила остатки чая. Профессиональная привычка заставила Бонифаса тут же подняться и с безупречной церемонностью снова наполнить чашку Яны до краёв.

О своей он тоже не забыл. Отхлебнув немного начал рассказывать.

— Да, я знаю, что нарушил кодекс дворецких. Дворецкий не должен лезть в личные дела хозяина. Но я не смог.

Это, наверное, магия чая. Под чай сложно не поделиться тем, что наболело.

— Мой бывший хозяин не молод. Ему сорок пять. Закоренелый холостяк. Всё в делах и заботах — у него важный пост. Он первый заместитель градоначальника.

Не за его ли подписью Яна только что получила письмо о необходимости заплатить налоги?

— Ему сосватали муазиль Лоретт. Я думал, он откажет ей, как отказывал до этого другим дамам. К тому же она на двадцать пять лет моложе него. Однако монсир Шаброль не на шутку увлёкся ею и неожиданно дал согласие на брачную процедуру.

Шаброль. Да, именно от его лица было написано письмо из ратуши. Как тесен мир.

— Муазиль Лоретт стала часто появляться в гостях у монсира Шаброля. Все говорили — чудесная пара. А я молчал. Как я мог восхищаться их предполагаемым союзом, когда знал, что собой представляет Лоретт. Не спрашивайте, как ко мне попала информация — у нас, у дворецких, свои источники. Но мне доподлинно стало известно, что она лишь изображает пылкую влюблённость, когда на самом деле её интересует только статус и деньги Шаброля. Она не упускала случая посплетничать о нём, откровенно высмеивала его плотную фигуру и лысеющую голову и называла за глаза "денежным мешком". Мне было горько за хозяина. Я подозревал, что после свадьбы с него спадут шоры, и он почувствует себя облапошенным и несчастным.

— Вы пробовали с ним поговорить?

— Конечно. Я пытался предостеречь, но разве кто-то будет слушать советы дворецкого? Когда я понял, что разговоры бессмысленны, то пошёл на крайность.

Бонифас рассказывал свою историю серьёзно и взволнованно, но вдруг улыбнулся.

— А знаете, я не жалею о том, что сделал.

— Да? А что вы сделали?

— Подсыпал зелье правды в чашку муазиль Лоретт.

— Да вы коварный! — усмехнулась Яна.

— Я хотел, чтобы она сказала всё, что на самом деле думает о монсире Шаброле, при нём. Чтобы он увидел её настоящую.

— И вышло?

— Вышло. Но немного не так, как я предполагал. К монсиру Шабролю пожаловали непрошенные гости. Зелье правды подействовало, и Лоретт перестала следить за языком. Она называла его лысым старым денежным мешком при многочисленных свидетелях.

— Разгорелся скандал?

— Да. Брачная церемония была отменена. А пересуды ходят до сих пор, хотя прошло уже немало времени.

— Но ведь зато у Шаброля открылись на Лоретт глаза. Вы спасли его от несчастного брака.

— Он так не считает. Шаброль понял, что я виноват в случившемся, и выгнал с позором из дома. Он был так зол, что позаботился, чтобы меня нигде не принимали. Ему это было несложно — он уважаемый человек в городе. Я сбился со счёта, сколько получил отказов за последнюю пару месяцев. Мне нигде не рады...

— Рады! — возразила Яна. — С этой минуты, Бонифас, вы назначаетесь дворецким моей артефакторной лавки, — торжественно объявила она. — С еженедельным жалованием... ээээ... жалования пока не будет. Зато у вас будет своя отдельная комната — выбирайте любую, кроме торцевой — там расположилась я.

— Мряу! — поздравил из коробки Кузя.

Совершенно счастливый и сияющий Бонифас поднялся с кресла.

— Тогда позвольте приступить к исполнению обязанностей. У меня на сегодня уйма дел.

Эх, не хотелось Яне омрачать радость Бонифасу, но и зря обнадёживать человека, которого и так жизнь потрепала, нельзя. Она видела, что он готов с удовольствием приняться наводить порядок, но нужны ли эти усилия, если лавку у Яны могут отсудить?

— У нас есть некоторые проблемы.

Она протянула ему письмо из ратуши, чтобы он сам прочёл и осознал масштаб катастрофы. Возможно, быть ему здесь дворецким осталось не долго. Но пока его глаза бегали по строчкам, Яна завершила:

— Мы что-нибудь придумаем. Лавка — это единственное, что у меня есть в этом мире. И я буду за неё бороться.

Глава 11. Она не узнает

Моррис встал рано, чтобы прибыть в храм ещё до восхода солнца. Он знал, что магистр Модестайн в предрассветные часы поднимается на крышу башни, чтобы встретить день медитируя. В такие минуты старец предпочитал оставаться один. Но Моррис рассчитывал, что тот сделает для него исключение. Во всяком случае, когда-то давно, когда Моррис был подростком, магистр не возражал против его компании.

Храм Трэ-Скавеля стоял на холме. Это была самая высокая точка города и одновременно его окраина. Сразу за территорией храма начинались нейтральные земли — лесное предгорье. А дальше, за ними, простирались горы — их хорошо было видно с крыши башни, на которой по утрам медитировал магистр. Ни один горожанин в здравом уме не осмелился бы ступить на те земли, потому что это была вотчина дамарийцев.

Моррис оставил лошадь во дворе и поднялся по широким ступеням, которые вели в храм. Он уже и забыл, какие чувства вызывает старинная постройка. Здание напоминало древний мрачный замок. Когда-то давно это и был сторожевой замок, ведь тогда между людьми графства и дамарийцами была открытая вражда. Теперь, когда между народами установилось негласное перемирие, для старого замка нашли другое применение — тут совершают ритуалы. Брачные и не только.

Стоило Моррису зайти внутрь, ему навстречу вышел Модестайн, будто знал о раннем госте.

— Я увидел тебя издалека, — голос старца звучал тепло. — Рад, что ты вернулся в родной город.

— Я не надолго, магистр, — предупредил Моррис. — Сюда меня привели дела.

Тот понимающе кивнул.

— Встретишь со мной утро? — Модестайн направился к винтовой лестнице, жестом приглашая следовать за ним.

— Я для этого и приехал.

Двести одиннадцать ступенек. Моррис помнил эту лестницу с юности. Ему всегда хотелось побыстрее преодолеть подъём. Там, на крыше, простор — весь город и окрестности как на ладони. Но магистр шёл впереди не спеша — сказывался почтенный возраст.

Вот и сегодня они добрались до самого верха небыстро. На крыше ничего не изменилось. Всё та же странная магическая тишина, призванная дарить успокоение.

Два круглых каменных постамента у западного края крыши должны были сыграть роль стульев. Обычно, люди решившие встретить восход, смотрят на восточный край неба. Но у магистра были свои привычки. Он ждал рассвета, устремив взгляд в противоположную сторону. И так изо дня в день. Как будто верил, что однажды солнце взойдёт на западе.

— Ты говоришь, дела привели тебя сюда. Какие? — не отрывая взгляда от горизонта, где чернели горы, спросил Модестайн.

— Хочу пройти брачный ритуал.

— В родном городе? Похвально.

— В столице не получилось, — признался Моррис. — Мы с Вивьен прошли шесть этапов. Но седьмой не был завершён.

— Вивьен? Не она ли стала новой хозяйкой артефакторной лавки Жюля?

Магистр уже знает? А Моррис успел подзабыть, как быстро распространяются слухи в маленьком Трэ-Скавеле.

— Она.

— Смелая девочка, — усмехнулся старец. — Впрочем, другая тебе и не подошла бы. Нужно быть очень отважной, чтобы решиться на брак с тобой.

Моррис понял, что магистр имеет в виду — его тайну.

— Вивьен ничего не знает.

Он был почти уверен в этом, хоть вчерашний странный сон и заставил несколько усомниться.

— Ты ничего не сказал ей? — нахмурился Модестайн.

— Нет.

— Но она должна знать.

— Не думаю. Зачем ей лишние тревоги?

— Если вы станете супругами, она ведь всё равно узнает.

— Я постараюсь сделать так, чтобы не узнала, — Моррис уже всё продумал. — Я буду исчезать из её жизни на эти четыре дня.

Два — до новолуния, и два — после.

Вершины гор, на которые был устремлён взгляд магистра, поймали первые лучи предрассветного зари и окрасились тёмно-красным. Он закрыл глаза и затих.

Моррис знал, что теперь надо ждать несколько минут. Нельзя тревожить магистра в момент медитации.

— Взошло, — наконец сказал старец и открыл глаза.

— Магистр, так вы поможете? Хочу возобновить брачный ритуал.

— Помогу. Но процедуру нужно будет начать заново. Я должен лично услышать все её и твои семь "да", — назидательно ответил он.

В его глазах промелькнуло какое-то лукавство. Будто он заранее знал, что Морриса ждёт испытание, будто догадывался, что девчонка снова безропотно пройдёт шесть ритуалов и сбежит перед седьмым. Хотя если вспомнить, какой неожиданно упрямой и своенравной она стала с недавних пор, то не стоило бы Морису быть уверенным и насчёт первых шести. Впрочем, он догадывался, что ей быстро наскучит играть в хозяйку лавки, и она вернётся к их взаимовыгодному соглашению.

— А я ведь знал её мать, — в уголках глаз старца собрались морщинки. Он умел улыбаться одними глазами. — Если девочка пошла в неё... характер у Дезери был отчаянный... ох, припомнит она тебе, что ты скрыл от неё свою тайну.

— Она не узнает.

— Узнает, — покачал головой магистр.

Глава 12. Дался он ей

Яна и Бонифас решили подойти к проблеме с письмом из ратуши хладнокровно и прагматично. Для начала они скрупулёзно проверили, правильная ли указана сумма. Бонифас знал приблизительный размер налога на участок земли в центре города — около двадцати луардов в месяц. Простые математические расчёты показали, что за двадцать с хвостиком лет как раз и должна была накопиться та сумма, что указана в письме. Пришлось с ней смириться, но вот с чем Яна мириться не хотела, так это со сроками. Почему три дня? Она же только-только вступила в наследные права. Должна быть предусмотрена какая-то отсрочка.

— Знаете, Бонифас, у меня есть идея. Письмо подписано Шабролем. Но он же не самый главный в ратуше, он лишь заместитель градоначальника. А что если мне сходить на приём к самому градоначальнику и попросить о реструктуризации долга?

— Не получится, — покачал головой Бонифас. — У нас нет градоначальника. Его должность вакантна уже несколько месяцев.

— Нет желающих? — удивилась Яна.

— Что вы, — усмехнулся Бонифас, — желающих много. Например, монсир Шаброль всегда мечтал сесть в это кресло. Но городской кодекс

требует, чтобы градоначальник не только имел большинство голосов в совете ратуши, но и одобрение магистра — настоятеля нашего храма. Однако магистр Модестайн такого одобрения Шабролю не даёт.

— Ладно, раз градоначальника пока нет, придётся разговаривать с его заместителем, — решила Яна.

Шаброль не нравился ей уже тем, что несправедливо поступил с Бонифасом. Но то, что он Яне не приятен, не означало, что она побрезгует начать с ним противостояние. За свою лавку она готова бороться хоть с чёртом лысым.

С визитом в ратушу Яна решила не тянуть. Завтра с утра и отправится. А на сегодня у неё тоже имелись обширные планы. Надо было совершить рейд по местным магазинам и купить хоть немного провианта. Одним чаем сыт не будешь.

— Бонифас, я отлучусь ненадолго. Если, пока меня не будет, придёт артефактор по объявлению, вы его, пожалуйста, задержите до моего возвращения. Он нам очень пригодится. У меня ведь есть ещё и план Б по спасению лавки.

Яна принялась рассказывать, что отыскала кое-какие вещицы, которые похожи на заготовки для артефактов, и возможно, их удастся продать.

Бонифас слушал внимательно, но когда Яна закончила, с сожалением поведал, что её надежды отыскать в Трэ-Скавеле артефактора, скорее всего, обречены на провал. В городе нет других артефакторных лавок и специалистов тоже нет. Горожане за артефактами ездят в столицу.

Информация Яну озадачила, но надежду найти знающего человека она пока не теряла.

Она вышла из лавки за продуктами в самый разгар дня. Жизнь на центральной площади кипела. Мужчины и женщины поодиночке и небольшими компаниями спешили куда-то по своим делам. По периметру площади на выносных лотках шла бойкая торговля мелкой галантереей и всевозможной снедью. Стаи воробьёв кружили над прилавками в надежде поживиться оброненными крошками.

Яна прошла вдоль лотков, чтобы изучить цены. Покупать что-либо здесь, на центральной площади, она не собиралась. Земной опыт подсказывал, что в центре города, так сказать, в "элитных" магазинах, цены всегда выше, чем где-нибудь в захолустном ларьке на окраине. Вот там и будет отовариваться.

Однако мимо одного из лотков пройти удалось с трудом. Полненькая добродушная женщина в аккуратном цветном переднике продавала пирожки. Какие они были круглобокие и румяные! Какой от них шёл аромат! Булочница с охотой отвечала на вопросы покупателей:

— Эти с гусятиной и лавандским перцем. Эти с рыбой и брынзой. А эти с дикой смородиной.

У Яны от голода живот свело. С каким бы удовольствием она купила по паре пирожков себе и Бонифасу, который, чувствуется, давно нормально не ел. Но пирожки стоили по два луарда. Четыре пирога обойдутся в восемь. А у Яны на данный момент в наличии всего двадцатка. Эх...

Она мужественно прошла мимо и свернула с площади на одну из боковых улочек. План был прост. Яна будет идти по ней, пока не отдалится от площади на приличное расстояние. А там начнёт заглядывать в лавки и магазины, в поисках снеди подешевле.

Она шла, с интересом глаза по сторонам. Какой же всё-таки Трэ-Скавель красивый и ухоженный. Улочка то поднималась вверх, то опускалась вниз. А по бокам, сверкая на солнце красными крышами, стояли аккуратные дома.

Она знала, что маленький Трэ-Скавель можно обойти вдоль и поперёк за пару часов, поэтому даже не удивилась, что вскоре добрела до окраины. Впереди в нескольких десятках метров возвышался храм. Мрачноватый, но величественный. А на пяточке возле перекрёстка стоял торговый лоток.

Здесь было совсем не так многолюдно, как на центральной площади. Редкие прохожие не проявляли особого интереса к молодому торговцу и его товарам. То, что надо! Яна была уверена, что цены тут кусаться не будут.

— Семь свежайших баранок с маком всего за один луард, — принялся паренёк весело расхваливать свой товар, заметив, что Яна проявила некоторый интерес. — Милая муазиль, для такой красавицы, как вы, восьмая баранка бесплатно.

Баранки выглядели аппетитно. Целая связка увесистых питательных калачей всего за один луард! Хотя они и без начинки, но одной баранки вполне хватит на полноценный перекус. А если ещё и с дармовым чаем, который Бонифас умеет заваривать из чего угодно, хоть из лебеды, то это же получится почти царская еда.

— Беру, — кивнула Яна.

Паренёк свернул из помятого листа бумаги кулёк и положил туда связку баранок. Да, упаковка тут пока очень уступает земной. Хотя сам факт, что бумага здесь не является дефицитом — уже достижение. Видимо, придуман какой-то дешёвый способ её производства. Яна заметила, что листы бумаги, которые служили упаковочным материалом, были придавлены небольшим камнем, чтобы их не унёс ветер. Камень как камень. Но он привлёк её внимание...

...потом такое с ней будет случаться часто, но это был первый раз. Яна не понимала, что на неё нашло, не могла дать название странному чувству, которое ею овладело. Она ощущала, что камень особенный. Чем??? С виду он был непримечательным — серый, пыльный, неровный. Несколько точно таких же валялось возле лотка. Но те были обычными камнями, а этот — нет.

Почему-то вспомнились слова Гастона, сказанные им о дядюшке Жюле:

...он чувствовал природу вещей. Понимаете? Материал, текстура, форма, внутреннее содержание — для артефактора любая деталь имеет значение. Он видел, способен ли тот или иной предмет быть наполненным магической энергией...

Яна расплатилась за баранки и пошла назад в лавку. Только дальше трёх метров уйти не смогла. Её остановило непреодолимое желание взять камень себе, рассмотреть, понять, что в нём особенного.

В этом же не будет никакого криминала, если она подменит один камень другим? Видно же, что торговцу абсолютно безразлично, чем придавливать бумаги. Она подняла с земли похожий камень и вернулась к лотку.

Паренёк был занят — беседовал с потенциальным покупателем, расхваливая ему товар. Не хотелось его отвлекать. Да простит её славный работник местного общепита, но Яна сделала задуманное — заменила один камень другим. Кажется, никто не заметил. А если и заметил, то значения не придавал.

Довольная, что заполучила таки булыжник, дался он ей, Яна сделала шаг в сторону от лотка и чуть не столкнулась с ещё одним покупателем. На неё тут же накатило знакомое уже чувство, что ты мелкая такая, а рядом гора. Она подняла голову вверх. Ну точно! Моррис. В этот раз без маски, но меньше на викинга похож не стал. Бывает же такое "везение"?! Откуда он взялся?

Глава 13. Почём нынче камни?

Моррис рассчитывал, что уедет из храма сразу после разговора с магистром, но не вышло. Когда они спускались по винтовой лестнице вниз, тот поделился проблемой.

— Заметил, что наши башенные часы стали постоянно убегать вперёд. Каждый день они бьют полночь на пять минут раньше, чем часы на городской ратуше. Приходится их подводить, — посетовал Модестайн.

Он и так преодолевал ступени не быстро, а тут и вовсе остановился.

— Не знаю, в чём причина. Старый часовой механизм даёт сбой или время в храме действительно стало течь быстрее, а значит, сбывается древнее пророчество?

— Не думаю, — успокоил Моррис.

Каких только легенд и предсказаний не ходило о древнем храме Трэ-Скавеля, но в данном случае, скорее всего, речь просто про неполадки в часовом механизме. Такое и раньше случалось. Часы то спешили, то отставали, а то и вовсе останавливались. Тогда Моррис чистил и смазывал механизм, и часы снова начинали работать исправно.

— В пророчестве говорилось, что время в храме будет всё сильнее и сильнее ускорять свой бег, и это станет первым предвестником грядущих недобрых перемен, — Модестайн продолжал хмуриться.

— Хорошо. Я посмотрю, — пообещал Моррис.

— Вот и славно, — магистр едва заметно усмехнулся, будто таких слов от Морриса и ждал. — Часы уже давно никто не смазывал. С тех пор, как ты уехал.

— В Трэ-Скавеле перевелись часовые мастера?

— Я никому не мог доверить храмовые часы, — назидательно пояснил магистр. — Только тому, кто чувствует магию времени.

Магистр, конечно, немного лукавил. Магия для починки храмовых часов была не нужна. Их устройство было чисто механическим. Но всё равно Моррис провозился с ними полдня. Работой остался доволен.

Теперь часы должны отсчитывать время исправно.

— Не потерял сноровку, — похвалил магистр, пришедший принять работу. — Идём, пообедаешь со мной.

Модестайн никогда не был притязателен в еде. Вот и на этот раз его трапеза состояла из квасной похлёбки и краюхи хлеба, которой он поделился с Моррисом.

Обычно за обедом он вёл неспешную беседу о том о сём, но в этот раз удивил неожиданным вопросом, который сильно озадачил Морриса.

— Уже полгода ратуша стоит без хозяина. Почему бы тебе не стать нашим градоначальником? В городе тебя уважают и боятся — то что надо для главы.

— Но я ведь здесь ненадолго. Как только закончится брачная церемония, вернусь в столицу.

— Один, без супруги?

— Почему же, с ней.

— Думаешь, Вивьен оставит свою лавку?

Честно говоря, Моррис, вообще, об этом не думал. Ему казалось очевидным, что Вивьен быстро наскучит и сама лавка, и жизнь в провинции.

После обеда пришло время прощаться. Модестайн вышел на крыльцо проводить.

— Ты всё-таки подумай о моих словах, — сказал он напоследок и скрылся в храме.

Моррис собирался оседлать коня и вернуться в таверну, но вдруг его взгляд выхватил кое-что любопытное. Отсюда, с холма, хорошо просматривалась площадь, расположенная в паре десятков метров от храма. На пяточке возле перекрёстка стоял торговый лоток. К нему приближалась Вивьен.

Его словно бес в бок толкнул. Он не стал пока отвязывать коня, а быстрым шагом направился туда, где торговец красноречиво расхваливал товар перед своей единственной покупательницей.

— Свежайшие баранки...

Моррису всегда казалось, что он прекрасно понимает женщин. И Вивьен не была исключением. Из уважаемого аристократического рода, который разорился не по её вине, уставшая от денежных проблем, она нуждалась в ком-то, кто даст ей уверенность в завтрашнем дне. И Моррис готов был дать ей почувствовать эту уверенность.

Так сложилось, что и ему она нужна. Необходимо, чтобы именно эта девушка стала его женой. Им обоим выгоден брак, а это залог прочного союза. Взаимовыгодность — гораздо более надёжная основа для супружества, чем, к примеру, чувства, которые, увы, недолговечны. Вивьен, казалось, разделяет эти взгляды и с радостью примет помощь от Морриса.

Но вчера он её не узнал. Она всем видом показала, что ей не нужна его помощь, ровно как и он сам. Она казалась возмутительно независимой и уверенной в себе. У него до сих пор в ушах стояла её фраза: "Мне не нужен муж!"

Моррис приближался к лотку, не отрывая от Вивьен взгляда. Она купила баранки и отошла в сторону. Далее последовало нечто странное. Она заменила камень, которым торговец придавливал упаковочную бумагу, на камень, который подобрала с земли. Это была очень подозрительная и при этом интригующая выходка. Зачем ей тот камень? Ох и жёнушка у Морриса (пока, конечно, не жёнушка, но он это исправит). Зря Моррис считал, что видит её насквозь. Она оказалась куда интереснее, чем думалось.

— Добрый день, монсир Моррис, до свидания, — в одном предложении поздоровалась и попрощалась Яна.

Она обогнула его и бодренько направилась вверх по улочке, которая ведёт на центральную площадь. У неё теплилась надежда, что встреча с почти-мужем — чистая случайность, что он здесь по делам, которые побудят его двигаться в противоположную сторону.

Однако Моррис, будь он не ладен, двинулся за ней.

— Ходили за покупками? — поинтересовался, пристроившись шагать рядом.

Плечистый, мощный, даже тротуар стал казаться тесным.

— Как видите, — Яна указала взглядом на пакет с баранками.

— И почём нынче камни? — с усмешкой поинтересовался он.

Выходит, видел, как она позаимствовала у торговца камень? И что же любопытному недомужу ответить? Вопросом на вопрос?

— А вы здесь по каким делам?

— Да вот, договорился с магистром о возобновлении брачной процедуры.

Да что же ему так жениться-то неймётся? И почему именно на

Вивьен? Он же привлекательный мужчина. Сейчас при свете дня и без маски Яна его хорошо разглядела. Черты лица мужественные, чётко очерченные, с налётом благородства, при этом глаза иронично-голубые. Это же смерть женщинам. Это же глянул — и влюбился. А если сюда ещё добавить его состоятельность и статусность. Ему же каждая вторая не откажет. За него же каждая первая пойдёт. Почему же ему именно Вивьен подавай? Что-то тут нечисто. Яна подозревала, что это как-то связано с его тайной, о существовании которой предупредила в письме двойник. Другого объяснения Яна не находила.

— Нам нужно выбрать дату возобновления церемонии, — продолжал гнуть своё Моррис. — Что скажете насчёт четвёртого дня от новой луны?

Яна чувствовала, что он не оставит её в покое, какие аргументы она ни приводила бы. Её ждёт каждодневное преследование, которое будет мешать её планам по поиску способа скорейшего обратного обмена с двойником. Чем же его пронять, чтобы он хотя бы временно оставил попытки соблазнить Яну на брачную церемонию? Повинуясь какому-то внутреннему чутью, она выдала:

— Монсир Моррис, я согласна буду обговаривать с вами дату возобновления брачной церемонии, когда вы расскажете мне свою тайну.

Яна подняла на него взгляд и поняла, что угадала. Это его болевая точка. Она успела заметить проскочившее в его глазах смятение, которое он быстро прикрыл равнодушной ухмылкой.

— Хорошего вечера, — попрощалась Яна и ускорила шаг.

Догонять он не стал. Ура, победа! Викинг повержен! Хотя... кто его знает? Может, возьмёт и явится завтра рассказывать тайну? Что-то Яну терзали подозрения, что она ей не понравится.

Глава 14. Соблазнительное предложение

Шаброль спускался по внутренней лестнице ратуши в библиотеку. Не за книгами, нет, — он прирастался обедать в одной из небольших комнат читального зала. С момента, когда произошёл тот жуткий конфуз, о котором он не любил вспоминать, Шаброль перестал столоваться в общей обеденной комнате ратуши, предпочитая уединение, а не шумную компанию.

Он велел буфетчице, чтобы она накрывала ему стол в библиотеке, и к двум часам дня Шаброля всегда ждал роскошный обед. Сегодня, к

примеру, он обнаружил котелок с похлёбкой из чечевицы с копчёной ветчиной и запечённого цыплёнка с давлесской зеленью.

Шаброль уже успел приступить к обеду, когда понял, что в комнате не один. Тихий шелест, раздавшийся из-за спины, заставил вздрогнуть. Шаброль догадался, кто это, даже не взглянув. Явно не буфетчица. Только один человек мог вызвать в нём такой жуткий леденящий страх — Блез, чернокнижник.

— Ты всё сделал, как я велел? — он так и остался стоять за спиной.

— Да, — нервно сглотнул Шаброль. Похлёбка встала поперёк горла. — Письмо доставлено.

Он очень боялся всего, что связано с проклятой артефакторной лавкой. Ему и в голову не пришло бы требовать от её владельцев налоги. Как-то обходилась городская казна без них более двадцати лет и дальше обошлась бы. Но ещё больше проклятой лавки Шаброль боялся чернокнижника. Его приказов он не мог послушаться.

— Всё как вы велели. В письме говорится о трёхдневном сроке.

Блез одобряюще похлопал по плечу.

— Приятного аппетита.

Аппетит пропал окончательно.

Через несколько мгновений Шаброль почувствовал, что чернокнижник вышел и только тогда вздохнул с облегчением.

Когда Яна вернулась в лавку с баранками и добытым камнем, то обнаружила Бонифаса, стоящего у самого выхода с саквояжем в руках.

— Я ждал вас, муазиль Вивьен, чтобы попрощаться. Я ухожу.

— Как? — расстроилась Яна.

Она уже успела проникнуться тёплыми чувствами к своему дворецкому и совершенно не хотела прощаться. Кто-то, конечно, возразит, что невозможно за такой короткий срок привязаться к незнакомому человеку, но когда люди находятся в состоянии "им уже нечего терять", они очень быстро сходятся.

— Понимаете, я тут вспомнил, что меня уже давно приглашала погостить троюродная племянница, которая живёт в пригороде, — пряча взгляд, объяснил Бонифас. — Подумал, надо с ней повидаться.

Яна не поверила ни единому слову. Кстати, Кузя тоже. Он сверкал на дворецкого обиженными зелёными глазами.

— Бонифас, нет у вас никакой племянницы, жаждущей принять вас

в гостях. Рассказывайте, что случилось.

Он вздохнул.

— Пока вас не было, я наводил порядок в одной из комнат и обнаружил записи вашего дядюшки Жюля.

Записи Жюля! Какая удача! У Яны моментально вспыхнула надежда, что в записях найдётся много интересного и полезного. Но почему находка заставила Бонифаса принять решение уйти?

— Вы их прочли? Там было что-то пугающее?

— Что вы, муазиль Вивьен. Я не читал. Разве я мог себе это позволить? Вдруг в записях есть что-то личное? Вдруг это дневник?

— Тогда почему вы решили уйти?

— Найдка натолкнула меня на мысль, насколько важно, чтобы лавка осталась у вас. Наверняка, ваш дядюшка завещал вам её неспроста. Ему бы не понравилось, если бы лавка перестала быть вашей. А к этому всё и идёт. Я обдумал ситуацию и понял, что не имею права тут оставаться, если не хочу добавить вам проблем. Монсир Шаброль, в общем-то, неплохой человек и, думаю, пойдёт вам навстречу с отсрочкой долга. Но если он узнает, что вы взяли меня на работу, то специально будет вам вредить. Меня потому никто и не принимал — боялись переходить монсиру Шабролю дорогу.

Бонифас смотрел на Яну виновато — самый благородный и самый несчастный дворецкий.

Кузя сел напротив него, грустно повесив усы.

— Я пойду.

Яна совершенно точно знала, что идти ему некуда.

— Нет, Бонифас, нет, — она не собиралась его отпускать. — Пропади он пропадом, ваш Шаброль. Ничего не хочу знать. Вы лучший дворецкий, какого я встречала, и вы мне нужны!

Свет, что ли, клином сошёлся на Шаброле? Он не единственный человек в ратуше. Яна найдёт с кем наладить контакт и договориться об отсрочке.

— Простите, муазиль Вивьен, но вам будет лучше, если я уйду.

— Ничего не лучше. Я без дворецкого как без рук. Между прочим, я баранок купила. Целую связку, — Яна потрясла кульком. — У нас сейчас по расписанию обед. А кто будет заваривать чай, если вы уйдёте? Я, в отличие от вас, не знаю семнадцать способов приготовить чай при отсутствии чая.

— Восемнадцать, — несчастное лицо Бонифаса озарила улыбка. Но только на мгновение. — Я должен уйти. Я не могу подвести лучшую хозяйку, какую я встречал.

Нет, ну так не честно. Яну называли лучшей хозяйкой. Её сердце затопило тепло.

— Бонифас, сами подумайте, как я без вас. Вы совершенно незаменимы. А вдруг сюда придёт непрощеный гость? Как я буду его встречать? Я не знаю ни одного из двенадцати способов.

И будто в подтверждение слов Яны в дверь постучали. Иногда непрощеный гость как нельзя кстати.

— Вот видите?

Она помнила слова Бонифаса, которые он произнёс при первом знакомстве: встречать гостей — прямая обязанность дворецкого. Прозвучало как жизненное кредо. И теперь, это его кредо требовало, чтобы он отреагировал на стук в дверь.

Не в силах сопротивляться долгу дворецкого, Бонифас поставил саквояж на пол и, поправив бабочку, двинулся встречать гостя, что означало — он остаётся выполнять свои святы обязанности.

В Яне одновременно родилось два чувства: радость, что удалось убедить Бонифаса продолжать быть её дворецким, и подозрение: не Моррис ли сейчас окажется на пороге. Вдруг почти-муж решил не откладывать удовлетворение ультимативных требований Яны в долгий ящик и прямо сейчас поведать ей свои страшные тайны? А она ещё даже бубликами не успела подкрепиться. Что-то не хотелось на голодный желудок слушать жуткие откровения.

Однако гостем оказался не Моррис, а совсем незнакомый мужчина. Высокий худощавый брюнет, одетый с иголочки. В земном мире его назвали бы не просто брюнетом, а жгучим брюнетом. Он вроде бы и был чисто выбрит, но подбородок и скулы, тем не менее, отдавали синевой. Глаза — чернее угля. Однако в целом он выглядел весьма интеллигентно. В душе зародилась надежда — артефактор?

— С кем имею честь? — почему-то очень сухо поинтересовался Бонифас, не потрудившись впустить гостя в холл.

— Блез Буаселье, — представился мужчина. — Хотел бы видеть муазиль Вивьен.

Имя Яне ни о чём не говорило. А вот фамилия, или вернее, название рода, было более чем знакомо. Почти-муж у Яны тоже из рода

Буаселье. Выходит, это его родственник? Внешнего сходства, сказать по правде, было мало. Блез был так же далёк от викинга, как крот от слона.

— Блез Буаселье? — переспросил Бонифас и, достав из кармана фрака какое-то подобие блокнота, принялся демонстративно изучать записи. — Блез... Блез... нет, не нахожу. Простите, монсир, на сегодня вы не записаны.

— Я хотел бы поговорить с муазиль Вивьен, — с леденящим спокойствием повторил гость.

— Сейчас посмотрю, чем могу помочь. Так, второе занято, — Бонифас листал блокнот, — третье, четвёртое... Может, пятого у муазиль Вивьен и найдётся для вас несколько свободных минут. Загляните послепослезавтра.

Во Бонифас артист! Что на него нашло?

— Муазиль Вивьен, — гость перевёл взгляд своих угольных глаз с дворецкого на Яну. — У меня есть для вас соблазнительное предложение. Но боюсь, послепослезавтра оно будет уже не актуально.

Глава 15. Записи Жюля

Сегодня у Яны просто день "соблазнительных" предложений от представителей рода Буаселье. Сначала Моррис делает предложение руки и сердца — в смысле зовёт возобновить брачную процедуру, теперь вот его родственник тоже что-то предлагает.

Яне, разумеется, было любопытно выслушать брюнета, но настораживало поведение Бонифаса. Дворецкий так настойчиво выпроваживал гостя, будто намекал Яне, что от этого человека нужно держаться подальше. В итоге она приняла половинчатое решение.

— Монсир Блез, боюсь, я действительно сейчас занята. Но если разговор не терпит отлагательств, согласна сегодня через пару часов уделить вам время.

За эту пару часов она выяснит у Бонифаса, почему он испытывает неприязнь к гостю, и поймёт, как себя с ним вести.

— Благодарю, муазиль Вивьен. До скорой встречи, — Блез попрощался лёгким поклоном головы и испарился.

— Бонифас, вы его знаете? — начала расспрашивать Яна, как только за гостем закрылась дверь. — Раньше с ним встречались?

— Нет, сегодня увидел его впервые.

— Он вам чем-то не понравился?

— Всем, муазиль Вивьен.

— Это было заметно, — усмехнулась Яна. — Но почему?

— Поверьте опытному дворецкому — этот человек явился с недобрыми намерениями.

— Но как вы это поняли, если увидели его впервые? — удивилась Яна.

— У меня свои методы, — задрал он нос.

— Бонифас, — укоризненно посмотрела она.

— Хорошо, я расскажу. Только вы всё равно не поверите. Никто не верит, — добавил он грустно и обречённо пожал плечами.

Яна почувствовала, что это долгая история и решила совместить полезное с приятным.

— А давайте обедать?

Блез оставил их в покое на два часа. За это время можно как следует подкрепиться.

— У меня от голода уже живот сводит, — призналась Яна.

Бонифас сразу же оживился.

— Обед будет подан в гостиную через четверть часа, — выдал он голосом профессионального дворецкого и принял из рук Яны пакет с баранками.

Сказано-сделано.

Гостиную Яна не узнала. Ещё утром здесь царили хаос и разруха, и лишь небольшой пятачок был расчищен от завалов. Теперь же вся комната являла собой образец порядка.

— Какая красота! — выдохнула Яна. — Бонифас, да вы настоящий волшебник!

Его губы расплылась в фирменной сияющей улыбке.

— Здесь стало очень уютно, — продолжала восхищаться Яна.

— А станет ещё уютней, когда я почищу камин и раздобуду дров.

Неужели старый камин можно привести в действие? Яна в своих фэнтезийных историях часто писала, как барышни и кавалеры проводят вечер у камина, как весело потрескивают дрова, как завораживающе пляшут языки пламени, как пространство вокруг наполняется мягким светом и теплом. Но в реальной жизни видеть действующий камин ей ни разу не приходилось.

Кузя, разумеется, тоже явился в гостиную принять работу. Отсутствие коробок его, судя по всему, не порадовало. Но он милостиво согласился считать кресло приемлемым для кота местом отдыха.

Оттуда, с кресла, он и наблюдал, как Яна и Бонифас садятся за идеально сервированный стол. И пусть их ждал обед всего из одного блюда, но это был самый вкусный обед, который Яна помнит. Парнишка, торговавший баранками, нисколько не покривил душой. Свежие, ароматные, они просто таяли во рту. Хотя, конечно, Яна понимала, что особый вкус бубликам придавала самая лучшая в мире приправа — голод.

Бонифас пытался скромничать и обойтись одним чаем, но Яна была непреклонна:

— Мы будем делить завтраки, обеды и ужины пополам и никак иначе.

Они справились каждый со своим бубликом почти одновременно. В животе стало приятно и сыто. Но всё равно хотелось для надёжности выпить пару чашек чая. И вот под чай Бонифас и продолжил разговор, который они начали после ухода Блеза.

— Я думаю, что у меня есть дар, — гордо заявил он.

Звучало интригующе.

— Хотя у меня и не должно его быть. В моём роду никто не владел магией.

Насколько Яна знала, способности к магии передаются здесь в основном по наследству. Хотя в крайне редких случаях рождаются самородки, у которых способности к магии проявляются ни с того ни с сего.

— Я начал замечать за собой странности, когда мне было двадцать. Мне казалось, что я чувствую намерения людей. Не всех и не всегда. Но у некоторых просто на лбу написано, что они затевают что-то недоброе. Тогда я работал в доме пожилой мьедам Жаккар. Я чувствовал, что доктор, который врачует её от мигрени, нечист помыслами. И не ошибся! Он оказался шарлатаном, который ничего не смыслит во врачевании, при этом берёт за свои услуги баснословные деньги.

— Наверное, у вас очень развита интуиция, — предположила Яна.

— Да. Мой отец мне так и сказал. Это у тебя интуиция потомственного профессионального дворецкого. Дворецкий должен видеть насквозь всех, кто желает недоброе хозяевам. Но я думаю, это больше, чем интуиция. Только никто не воспринимает мои слова всерьёз, — сокрушённо добавил он. — Я ведь предупреждал мьедам Жаккар, чтобы она гнала своего доктора взашей, но она спохватилась,

только когда тот вытянул из неё половину её сбережений.

Теперь, после откровений Бонифаса, его история с Шабролем воспринималась по-новому. Видимо, у него не было доказательств, что невеста его хозяина не искренняя с ним. Но интуиция кричала, что так оно и есть. Он предупреждал Шаброля, но чем мог обосновать свои слова?

— Бонифас, за меня не беспокойтесь. Я доверяю вашей интуиции и буду очень осторожна с монсиром Блезом.

Яна и так считала, что с любым представителем рода Буаселье лучше быть начеку.

Взгляд дворецкого красноречиво говорил, что спокойнее было бы, если бы Яна с ним и вовсе не встречалась, но она возразила:

— Даже если у Блеза и недобрые намерения, то всё равно лучше узнать какие. Осведомлён — значит вооружён.

До прихода гостя ещё оставалось время, и у Яны на выбор было два исключительно интересных занятия: изучить камень, который она позаимствовала у торговца, дабы понять, что такого в нём есть интересного, или заняться изучением записей дядюшки, которые нашёл Бонифас.

Второе показалось более захватывающим. Яна уселась в кресло рядом с Кузей и принялась рассматривать впечатляющих размеров записную книжку в красивой кожаной обложке. Это могло оказаться что угодно — амбарная книга для записей прихода и расхода, рецепты изготовления артефактов или личный дневник.

Яна начала бережно переворачивать страницы, испещрённые неровными строчками. Никаких цифр там не было, и стало понятно, что к бухгалтерии записи не имеют никакого отношения. На личный дневник тоже было не похоже, повествование велось от третьего лица. Ясно, что тут чтения не на один час. После того, как пообщается с гостем, Яна начнёт изучать записи подробно и с самого начала, а пока она просто листала страницу за страницей. И всё же в какой-то момент глаза зацепились за строчку.

...девочку искали уже третий день...

Яна прочла одно предложение, за ним другое и не заметила, как погрузилась в чтение...

...был прочёсан холм, на котором она потерялась. Потом все соседние. Лес в тех местах густой, непроходимый, ведь сразу за ним

начинаются земли дамарийцев. Никто не говорил этого вслух, но каждый думал, что девочка у них. Кто-то молился, пусть так, главное, чтобы осталась жива. А кто-то напротив считал, что оказаться у дамарийцев хуже смерти.

На шестой день поиски прекратили. Надежды больше не было. Трёхлетний ребёнок не выживет в лесу один. Чуда уже никто не ждал, но оно произошло...

Яна не понимала, что это. Описан ли реальный случай или это просто повесть. Может ли такое быть, что дядюшка Жюль сочинял истории? Может, он, как и Яна, был писателем? Если так, он большой талант. Яна очень прониклась историей девочки, ей не терпелось узнать, что было дальше.

...Вивьен нашлась через две недели...

Вивьен? Имя случайно совпало или...

— Муазиль Вивьен, — голос Бонифаса вернул Яну в реальность. — К вам монсир Блез.

Эх, прервали на самом интересном месте. Яна с сожалением отложила записи Жюля.

— Я не пустил его в лавку, — Бонифас снизил голос. — Не доверяю я ему. От таких людей надо держать столовое серебро подальше. Я ему сказал, что вы примете его в саду.

— У нас есть сад? — Яна не сдержала улыбки.

Каким торжественным словом Бонифас назвал заросли бурьянов.

— Я вынес два кресла на пяточок возле крыльца, — пояснил он. — Садитесь на то, что накрыто синим пледом.

— А что не так со вторым?

— У него несколько неудобное сиденье, — невозмутимо выдал Бонифас.

И в этой его невозмутимости явно крылся какой-то подвох. Чувствуется, гостю приготовлен тёплый приём.

Глава 16. Ваш совет запоздал

Яна последовала совету Бонифаса — заняла кресло, накрытое синим пледом, а Блезу предложила второе. Не успела она устроиться поудобнее, как пожаловала группа поддержки — Кузя. Он запрыгнул к ней на колени, и растянулся во весь рост, показывая гостю, что Яна под его защитой. Она не сомневалась, что ещё один представитель её группы поддержки сейчас пристально наблюдает за развитием событий

из окна.

— Муазиль Вивьен, я к вам по делу, — Блез уставился чёрными немигающими глазами на Яну, — но позвольте, прежде чем перейти к делу, рассказать вам небольшую предысторию.

— Внимательно слушаю.

Истории и предыстории, ремарки, послесловия и отступления она любила. К слову, в последнее время её жизнь стала на них богата. Ох, чувствовала Яна, что за время пока не произойдёт обратный обмен с двойником, она столько материала насобирает для новой книги, что это будет трилогия.

— Я хорошо знал вашего дядюшку, — чёрные глаза скользнули по коту и снова упёрлись в Яну. — Мы с Жюлем были добрыми друзьями.

— Вот как? — хмыкнула Яна.

Верить ли? Кузя, вон, скептически сощурил глаза.

— Он часто делился со мной идеями и намерениями. У него были большие планы на свою лавку. Жаль, что обстоятельства не дали ему реализовать мечту, — конец фразы получился скомканным. Лицо Блеза на мгновение скривилось. Он немного поёрзал на сиденье, прежде чем смог закончить мысль. — Жюль был бы рад, если бы кто-то продолжил его дело.

Как ни странно, но Яна думала об этом. Ей бы хотелось, чтобы была восстановлена былая слава лавки. Чтобы, как и раньше, сюда приходили за помощью. Чтобы горожанам не приходилось ездить за артефактами в столицу. Но Яна пока никак не могла представить, что этим всем занялась бы она сама. Ей хотелось как можно скорее вернуться в земной мир, пусть он ей и не родной, но привычный и уютный. Оставалось надеяться, что когда произойдёт обратный обмен и Вивьен окажется на месте Яны, она не оставит лавку без внимания.

— Не поймите меня неправильно, — продолжил Блез. — Я ни в коем случае не укоряю вас за то, что вам не под силу реализовать мечту вашего дядюшки. Наладить работу артефакторной лавки — неподъёмная задача для юной муазиль.

Куда это он клонит?

— Хорошенькой барышне вашего возраста больше подошло бы проводить время на музыкальных вечерах и модных выставках, прогуливаться по ботаническому саду и танцевать на б-балах, — на последнем слове Блез запнулся и поморщился.

Яна заметила, как он чуть привстал и снова сел, стараясь перераспределить вес тела на правую часть сиденья.

— Я чувствую долг перед вашим дядюшкой. И он велит мне позаботиться и о вас, и о лавке. Поэтому хочу купить у вас то, что стало для вас обузой и непосильной ношей. Предлагаю десять тысяч луардов.

Сумма впечатляющая. Она бы временно решила финансовые проблемы. И с долгом перед городской казной уже пришлось бы разбираться Блезу. Но Яна доверяла интуиции Бонифаса — Блезом движет далеко не жажда благотворительности. Очевидно, что лавка ему для чего-то очень нужна. Для чего? Если он жаждет организовать артефакторное дело, то мог бы купить постройку в гораздо более ухоженном состоянии — за такие-то деньги. Ой, хитрит монсир Черноокий. Решил, что легко обыграет глупенькую молоденькую муазиль? Непонятно, что за игру он затеял, но подыгрывать ему Яна не собиралась.

— Я не продам лавку, — покачала она головой.

Ответ Блеза не устроил. Он упёрся локтями в подлокотники и подался вперёд, поджимая под себя ноги. Кресло сопротивлялось его движениям, неистово поскрипывая.

— Жюлю бы не понравилось, что его детище приходит во всё большее запустение. Лавку нужно привести в порядок.

— Я прекрасно смогу позаботиться о ней сама.

— Зачем вы лукавите? Я ведь знаю, что вас совершенно не волнует судьба лавки, — его глаза опасно блеснули. — Я знаю вашу тайну. Со мной можете быть откровенной.

На какое-то мгновение Яна растерялась. Он знает её тайну? Он знает, что она из другого мира? Но как догадался? Может, это он и есть — тот маг, который помог двойнику совершить обмен?

Строчки из записки Вивьен всплыли в памяти:

...У нас ведь не верят в существование иных реальностей... Но нашёлся человек, который меня понял и помог. Я не назову тебе его имени...

— Не стоит так волноваться, — вкрадчиво произнёс Блез. — Я умею держать язык за зубами. О том, что вы помечены, от меня не узнает никто. Если, конечно, наша сделка состоится.

Помечена??? Это было что-то новенькое. Это какая-то не та тайна. Совсем из другой оперы. И Яна даже понятия не имела из какой.

Конечно, идей у неё было множество — в магическом мире метка может означать: наличие магии, отсутствие магии, принадлежность роду, брачные связи и ещё много чего. Но речь ведь наверняка про двойника. У себя Яна никакой метки не замечала. Зря Блез старался. Его шантаж не удался.

— Завтра я пришлю вам на подпись бумаги.

— Я не продам лавку, — спокойно и уверенно повторила Яна.

Блез снова скривился. Она не поняла: это реакция на её слова или на неудобное сиденье? Он весь подобрался и, неуклюже раздвинув колени, переместился на левую часть сиденья.

— Не хотите принять благородную помощь? Рассчитываете на помощь Морриса? Он обещал вам золотые горы?

Видно было, что Блез пытается говорить беспристрастно, но эмоции прорывались наружу. Кажется, монсир Жгучий Брюнет начал заводиться?

— Не советую, вам полагаться на Морриса. Мой кузен — человек крайне опасный. Поверьте, вы придёте в ужас, если узнаете то, что он от всех скрывает. Кстати, не забудьте попросить, чтобы он рассказал вам свою тайну, прежде чем согласитесь возобновлять брачный процесс. Думаю, вам расхочется не то, что связывать с ним свою жизнь, а и просто находиться рядом. Его тайна не идёт ни в какое сравнение с вашей.

Яну возмутили слова Блеза. Ей почему-то показалось, что он наговаривает на Морриса из-за досады, что Яна не соглашается на его предложение. Не настолько уж тайна её почти-мужа ужасна, как Яну тут пугают. И вообще, Блез поступает не по-братски. Кузен называется. Пришёл к почти-невесте брата и плетёт всякие небылицы.

Паузу Яны он расценил по-своему. Видимо, решил, что своими последними заявлениями выбил почву у неё из-под ног и вызвал приступ неуверенности. В его глазах уже поблёскивало предвкушение сокрушительной победы.

— Ваш совет немного запоздал, монсир Блез, — хладнокровно ответила Яна. — Монсир Моррис уже рассказал мне свою тайну.

Маленькая ложь из вредности.

— Рассказал? — победный блеск в его глазах сменился недоумением. — Хотите сказать, вы всё знаете?

— Да. И не вижу в его тайне ничего ужасного. С кем не бывает? У

каждого свои закавыки, — добила она Блеза.

Блефовать, так уж по полной.

Он снова нервно заёрзал на сиденье, и Яна отчётливо уловила звук рвущейся ткани, сопровождающийся приглушёнными ругательствами Блеза. Он подскочил на ноги и развернул голову, пытаясь разглядеть масштаб проблем.

— Как, уже уходите? — невинно поинтересовалась она. — Что ж, не смею задерживать.

Яна поднялась с Кузей на руках и скрылась в лавке...

...жаль, что она не увидела кое-чего, что произошло за её спиной — ей бы было любопытно. Впрочем, у неё же есть Бонифас, который наблюдал за происходящим из окна и всё ей расскажет...

Глава 17. Далеки как звёзды от солнца

Моррис занял уединённый столик у окна.

— Двойной горький ореховый кофе, — попросил он у Армана, хозяина таверны.

Ореховый кофе — лучший напиток, когда хочешь немного поразмыслить. А поразмыслить было о чём. У Морриса теперь что ни день то сюрприз, и у всех его сюрпризов одно имя — Вивьен. Сегодня она превзошла сама себя — выдвинула условие возобновления брачной процедуры. Хочет, чтобы он рассказал ей свою тайну. Морриса это порядком разозлило. Да она просто не понимает о чём просит! Что девчонка будет делать с этой информацией, как будет с ней жить?

— Простите, монсир Моррис, — Арман перебил его мысли. Он почему-то всё ещё стоял у стола, вместо того, чтобы выполнять заказ. — К сожалению, орехового кофе нет. Только обычный.

Морриса удивили слова Армана. Кофе из горького лесного ореха всегда был гордостью любого заведения Трэ-Скавеля. Тут его родина. Только тут почвы и климат подходят для него. Ореховые кустарники выращивают за городом — на плантациях. Если где и можно раздобыть горький орех, так как раз в Трэ-Скавеле.

— В этом году был неурожай? — предположил Моррис.

— И в этом, и в предыдущем, — невесело подтвердил Арман. — Ореховые кустарники уже давно не плодоносят.

— Почему?

— Говорят, — Арман снизил голос, — это дело рук дамариЙцев. Они проводят свои страшные ритуалы в новолуние, чтобы иссушить

наши земли.

— Ты в это веришь?

— Не знаю, монсир Моррис, — пожал Арман плечами. — Может, всё гораздо проще. Городские власти давно не чистили дождевые каналы, которые питают земли плантации водой. Говорят, городская казна пуста.

Моррис нахмурился. Ему горько было слышать, что ореховые плантации в упадке.

— Так подать вам обычный кофе? У нас есть восточный с солёным кунжутом.

— Хорошо, — кивнул Моррис.

Вскоре перед ним материализовался высокий бокал со вспененной жидкостью. Вкус, конечно, не тот, но после нескольких глотков Моррис перестал чувствовать разницу — его мысли снова вернулись к Вивьен.

Конечно, он не собирался рассказывать ей свою тайну. У него была другая идея. Просто спокойно поговорить с ней с глазу на глаз. У них же никогда не было такой возможности. Все переговоры всегда велись через её тётку. И соглашение тоже заключалось через неё. Но отчего бы не спросить Вивьен без посредников, почему она согласилась на этот брак и что мешает ей снова подтвердить согласие.

С каждым новым глотком кофе у Морриса появлялась всё бо́льшая и бо́льшая уверенность, что при беседе с глазу на глаз у девчонки не останется аргументов против. Здесь она совсем одна, без тётки, и наверняка уже успела почувствовать острую необходимость в покровителе. А чтобы это чувство у неё укрепилось, Моррис решил дать ей ещё четыре дня. Завтра он так и так вынужден будет исчезнуть ненадолго, а когда вернётся, первым делом и отправится побеседовать со строптивой девчонкой, которая к тому времени по его расчётам перестанет быть строптивой.

Бокал опустел. Моррис расплатился с Арманом, но вместо того, чтобы отправиться в номер, решил совершить прогулку до артефакторной лавки. Почему-то показалось правильным предупредить Вивьен, что ближайшие четыре дня его не будет в городе.

Он двигался к лавке, рассуждая о том, какие нынче пошли ветреные и своенравные муазиль — сначала соглашаются, потом отказываются, а потом ещё и условия ставят. И видимо, именно эти рассуждения привели его не к центральному входу в лавку, а во

внутренний дворик. Моррису захотелось проверить, на месте ли дерево, по которому он залез в окно одной из комнат. Оно, понятно, никуда не делось, и его ветви по-прежнему подступали к самому окну, которое, правда, было наглухо закрыто. Но если Моррису понадобится пробраться внутрь, закрытое окно не станет препятствием. Он не знал, зачем ему это, но хотелось быть уверенным, что в случае чего он в два счёта доберётся до девчонки.

Исследовав задний двор, Моррис начал огибать лавку, чтобы подойти к центральному входу. Перед последним поворотом, он вдруг услышал голоса. Моррис узнал оба голоса, и ему сразу же расхотелось обнаруживать себя.

Как кстати, что подступы к лавке поросли густой травой и кустарником — ему не составило труда встать так, чтобы он прекрасно видел собеседников, а они о его присутствии не догадывались.

Они сидели друг напротив друга в креслах — Вивьен и Блез. Моррис поймал себя на мысли, что ему не нравится видеть их рядом. А вот большой чёрный кот, растянувшийся на коленях девчонки, показался вполне уместным.

Что же кузен здесь делает? Не верилось, что он заглянул к Вивьен для нейтральной светской беседы. Впрочем, он быстро обозначил цель своего визита — предложил купить у неё лавку. Зачем она ему? Моррис бы не удивился, если кузен делает это ему назло. Они никогда не ладили. Открытой вражды не было, но Блез не упускал случая насолить по мелочи исподтишка. В этот раз, правда, речь уже не о мелочах. Прозвучала сумма — десять тысяч луардов.

Лавка, конечно, стоила этих денег. Добротное здание в самом центре города, пусть немного запущенное, но при желании навести в нём порядок не так и затратно. Другое дело, что дурная слава обесценивает лавку. Ни одному горожанину в здравом уме она не нужна даже даром. Так зачем же она Блезу? Зачем за спиной у брата предлагать его невесте крупную сумму? Не для того ли, чтобы невеста и дальше тянула с началом брачной процедуры?

Хотя, есть вероятность, что дело в другом. Может, Блезу и вправду нужна лавка. Возможно, он рассчитывает найти в ней какую-то пищу для своего тёмного дара? Стоит ли удивляться, что чернокнижника тянет в места с дурной славой?

— Я не продам лавку, — ответила ему Вивьен.

Вот уж чего Моррис не ожидал. Обычно Блезу не отказывают. Мало кто решится перечить чернокнижнику. Какая же отважная его маленькая пока-не-жёнушка! Моррис почувствовал странное удовольствие от того, как уверенно и спокойно она разговаривала с Блезом.

Он, конечно, и раньше замечал её природную красоту. Но сегодня она показалась ему особенно привлекательной. Он залюбовался тем, как лучи заходящего солнца придают её каштановым волосам медный блеск. Но ещё больше ему нравилось, с каким упрямством она стоит на своём.

Кузена взбесил её отказ. Хоть Блез и пытался скрыть чувства, но получалось плохо. Он крутился в кресле как уж на сковороде. Как будто прямо из сиденья гвоздь торчит. Да, братец, она такая. Умеет выводить из себя упрямством.

Блез приводил всё новые и новые доводы, но Вивьен была непреклонна. Тогда он опустил до шантажа. Как основательно кузен подготовился к этому разговору. Оказывается, он тоже владеет информацией, что Вивьен помечена. Моррис был готов в любую минуту выскочить из укрытия. Если Вивьен не знала об этом (а она могла не знать, ведь ритуал проводили, когда ей ещё не было и трёх), какой это будет для неё удар. Но его маленькая пока-не-женушка осталась абсолютно спокойной, будто речь не о ней. Какая стойкая! Похоже, она очень дорожит лавкой, раз не хочет продать, несмотря на давление и угрозы, хоть сделка, которую предлагает Блез, казалось бы, ей выгодна.

— Рассчитываете на помощь Морриса? Он посулил вам золотые горы? — пошёл в наступление кузен.

А дальше полились целые потоки желчи. И как удар в спину — Блез намекнул Вивьен о страшной тайне Морриса. Только вот Блез сам не знает этой тайны. Никто не знает, кроме магистра Модестайна. Всё остальное — слухи, которые так же далеки от истины, как звёзды от солнца.

Моррис был неприятно удивлён, какими грязными методами действует Блез, но ещё больше его изумила реакция Вивьен. Она должна была бы стать удручена, напугана, подавлена. Но нет, это не про его пока-не-женушку. Вивьен вдруг встала на его защиту.

— Он мне уже всё рассказал, — не моргнув глазом солгала она. — Не вижу в его тайне ничего ужасного. С кем не бывает?

Маленькая отважная врунишка. Ещё никто так беззастенчиво и самозабвенно не лгал, дабы защитить Морриса. Он огромный и сильный и не нуждается в защите, но всё равно его тронуло. Он не знал, что доставляет ему больше удовольствия — смотреть на её каверзное личико или на Блеза, который подскочил с кресла и пытался пристроить на место надорванный лоскут ткани своих бриджей. Похоже, из сиденья действительно торчал гвоздь или острый край пружины. Какая незадача.

У Морриса ещё долго тряслись плечи от беззвучного смеха. Не каждый день увидишь безупречного Блеза с дыркой на штанах. Вообще-то, кузен очень щепетилён в одежде. Он пошёл прочь, не попрощавшись с собеседницей, и быстро скрылся из вида.

Вивьен тоже встала с кресла и вернулась в лавку вместе с котом. Моррис решил немного подождать, прежде чем стучаться к ней в дверь. Хотя бы несколько минут. Пусть отдохнёт от предыдущего гостя.

Он стоял, опершись на ствол дерева, и вдруг почувствовал шум в ушах и слабость. Первый предвестник. Странно. Ещё рано. Новая луна через два с половиной дня. Моррис думал у него ещё есть немного времени. Он начал сомневаться, стоит ли, как решил, повидаться с Вивьен или лучше не рисковать и вернуться в таверну.

Он отделился от дерева и сделал пару шагов. Новый приступ головокружения заставил снова прислониться спиной к стволу. Сейчас пройдёт. Ещё рано. Но картинка перед глазами качнулась и схлопнулась...

Глава 18. Главное в вещах — воспоминания, которые они хранят
— Монсир, вам плохо?

Моррис почувствовал, как ему помогают подняться на ноги. Потребовалось немало усилий, чтобы принять вертикальное положение. Голова соображала с трудом. Он не узнавал мужчину, который подставил ему своё плечо. Высокий, худощавый, с умными живыми глазами, в поношенной униформе дворецкого. Откуда он взялся на заднем дворе лавки?

— Вам нужна помощь? — это был не вопрос, а констатация факта.

Мужчина повёл Морриса к чёрному входу. И хотелось бы возразить, но помощь действительно была нужна. После первого предвестника неизменно следует второй — гораздо более мощный. Почему в этот раз всё случилось намного раньше, чем должно, Моррис подумает потом. А пока необходимо подготовиться — набраться сил.

Как бы ему помогла сейчас айманская травяная настойка.

Мужчина с лёгкостью открыл дверь чёрного входа, и Моррис снова задумался: кто это. Почему ему не составило труда войти в лавку со двора, когда Моррис точно помнил, что этот вход был завален изнутри. Именно поэтому ему и пришлось залезать в лавку через окно, когда он прискакал сюда за сбежавшей пока-не-женой.

Мысль о Вивьен резко прояснила голову. Это же её лавка! Значит, встреча неизбежна. Меньше всего ему хотелось предстать перед ней в полуобморочном состоянии. Усилием воли Моррис взял контроль над телом и разумом и, когда мужчина в униформе дворецкого довёл его до просторного зала первого этажа, Моррис ступал, уже практически не требуя поддержки.

Как он и думал, встречи с Вивьен избежать не удалось. Девчонка спускалась со второго этажа с канделябром в руках...

Яна вернулась в лавку после разговора с Блезом в смятённых чувствах. "Несколько неудобное" сиденье сильно сократило время встречи, но осталось ощущение, что Блез её в покое не оставит. Того и жди, через день-два явится снова. И хоть его предложение выглядело достаточно заманчивым и, вроде бы, было Яне выгодно, но продать лавку казалось чем-то кощунственным. Не для того ей её завещали.

Яне хотелось обсудить предложение Блеза с Бонифасом, но дворецкого нигде не было. Видимо, отдыхает в своей комнате. Ничего, беседу можно отложить до ужина. Яна решила подняться к себе и продолжить изучать записи Жюля. Это важнее даже, чем наводить порядок в лавке. Там могут быть ответы на самые насущные вопросы.

Она устроилась в кресле и открыла записную книжку дядюшки на первой странице. Теперь она будет читать с самого начала и по порядку, не перескакивая с одного места на другое. Было немного странно, что повествование идёт от третьего лица, но Яна быстро привыкла.

Жюль почувствовал это впервые, когда ему было восемнадцать. Потом подобное стало происходить с ним часто, но в тот день он даже не понял, что именно с ним случилось.

С самого утра он отправился в цирюльню подстричь отросшие ниже плеч волосы. Он не первый раз посещал это место. Здесь всё было ему знакомо.

Цирюльник усадил в кресло и взял в руки гребень и ножницы.

Внимание Жюля неожиданно сосредоточилось на гребне. Деревянный, с крупными зубьями и короткой удобной ручкой, он был очень похож на тот, которым пользовался сам Жюль. Такие гребни он видел и у других — ничего особенного. Но этот казался самым необыкновенным. Жюлем овладело необъяснимое желание заполучить гребень себе.

Как знакомо! То же самое Яна почувствовала сегодня, когда увидела камень, которым торговец придавил упаковочную бумагу.

Дальше в записях рассказывалось, как Жюль попросил цирюльника продать ему гребень, чем привёл в удивление. Но упорствовать тот не стал, и Жюль вернулся домой с вещицей, которая ему приглянулась.

Тогда он не мог понять, что особенного в гребне. Понимание пришло немного позже, когда Жюль стал артефактором. Он осознал важную истину: самое главное в вещах — воспоминания, которые они хранят. Предметы сами по себе не несут магический смысл, смыслом их наполняет то, что с ними происходит.

У вещи должна быть длинная история, её хозяева должны многое пережить, и только тогда вещь может стать заготовкой для артефакта, только тогда артефактор сможет наполнить её магической энергией.

У гребня действительно оказалась очень интересная судьба. Кому он только не служил, прежде чем оказаться у цирюльника. Им пользовались беглая каторжница, настоятельница храма, мировой судья и нечистый на руку ювелир, причём, с каждым из владельцев произошла необычная история.

Прочитанное заставило Яну задуматься о своей находке. Неужели у неё есть дар артефактора, и она смогла учуять в камне что-то необычное? Она, конечно, предполагала ненулевую вероятность, что унаследовала от дядюшки дар, но верилось с трудом. Зато теперь сомнения немного развеялись. Стало волнительно и радостно.

— Кузя, прикинь, у меня, возможно, есть способности к артефакторной магии, — поделилась она с котом, который вальяжно восседал на спинке соседнего кресла.

— Мрырр, — выдал он как само собой разумеющееся.

— Это ты не сомневался. А я вот и до сих пор не уверена. И потом, что толку радоваться, если даже дар и есть, но пользоваться им не умеешь?

Одна надежда, что в записях Жюля найдутся подсказки.

Яне хотелось окунуться в чтение с головой, но вдруг она уловила

звуки, раздающиеся снизу. Кузя, разумеется, тоже наострил уши и, не долго думая, отправился проверить что там.

Складывалось впечатление, что кто-то топает и при этом прихрамывает. Но у Бонифаса очень лёгкие шаги. Яна уже успела обратить на это внимание. Выходит, это не он?

Как-то она устала от гостей за сегодня. Яна поднялась и, прихватив увесистый медный канделябр, вслед за Кузей направилась к лестнице. Это Бонифас знает целых двенадцать способов встретить непрошенных гостей, а у Яны дальше, чем вооружиться чем-то тяжёлым, фантазии не хватало.

Она поняла, кто пожаловал, ещё с самой верхней ступени. Удивлению не было предела — Моррис. Его походка была немного неуверенной, и Бонифас незаметно его поддерживал.

— Муазиль Вивьен, боюсь, у нас ещё один гость, — пояснил дворецкий. — Монсиру немного нехорошо.

— Мне хорошо, — тут же возразил Моррис и покачнулся.

Бонифас мастерски пододвинул стул так, что когда Морриса качнуло снова, он приземлился ровнёхонько на сиденье.

Яна стремглав спустилась вниз.

— Монсир Моррис, что с вами? — озабоченно спросила она, подскочив к нему.

— Я в полном порядке, — заверил викинг. — Шёл мимо — дай, думаю, зайду.

И то, с каким энтузиазмом он уверял, что всё хорошо, заставило заподозрить, что всё совсем-совсем плохо. И почему мужчины, и викинги в особенности, не любят показывать своей слабости? Почему боятся признаться, что нуждаются в помощи?

Он выглядел так, будто болен. Странно, ведь ещё днём Яна видела его бодрым и наглым. Наглость осталась, бодрость исчезла. Это симптомы какой болезни?

— Воды? — спросил Бонифас.

Моррис ответил благодарным взглядом.

Дворецкий исчез выполнять просьбу, а Яна подошла поближе к викингу и, отставив канделябр в сторону, положила ему на лоб ладонь. Лоб был сухим и горячим.

— У вас жар, — покачала она головой. — Монсир Моррис, потрудитесь рассказать, что с вами, — сказала строго.

Откуда-то взялась непонятная ответственность за этого огромного мужчину. И даже желание его полечить. Лечить Яна умела. Горячий чай, мёд, малина, а не помогло бы — в ход пошли бы горчичники. Она даже нарисовала себе эту кровожадную картину — раздетый по пояс Моррис и Яна, лепящая ему на спину земное варварское лекарственное средство. В воображении спина Морриса была рельефной и упругой, кожа смуглой и горячей. Интересно, такой ли викинг на самом деле?

— Так что с вами? — повторила Яна вопрос.

И пусть только попробует снова заявить, что всё нормально. Наверное, у неё получился очень требовательный и строгий взгляд, потому что Моррис наконец-то перестал увиливать.

— Думаю, это чёрная западная лихорадка, — ответил он, принимая стакан воды у Бонифаса, который как раз подоспел.

Видимо, редкая болезнь. Яна проштудировала много книг, но в них эта болезнь ни разу не упоминалась. Сказать по правде, звучало не очень. Но в выражении лица Морриса появилось некоторое лукавство, будто ему нравилось, что у него именно чёрная западная лихорадка.

— Не бойтесь, она не заразна. Она не передаётся от человека к человеку, — заверил он.

— А как? От летучих мышей?

Летучие мыши первыми пришли в голову, учитывая земной опыт последней пандемии. Удивительно, но Яна угадала.

— Да. Сегодня чистил и смазывал храмовые часы. А там поселились полчища летучих мышей. Видимо, от них и заразился.

— Могут ли быть вам чем-то полезны, — принимая пустой стакан, спросил Бонифас.

— Да. Был бы благодарен, если бы вы сходили в аптеку и купили айманскую травяную настойку, — Моррис достал из кармана портмоне и извлёк оттуда несколько купюр. — Буквально пара глотков — и я окончательно взбодрюсь и, с вашего позволения, откланяюсь. Не хотелось бы злоупотреблять вашим гостеприимством.

Говорил он довольно бодро, но было видно, что движения даются ему с трудом.

— Я скоро, — пообещал дворецкий и скрылся за дверью.

Вот так? Спокойно оставил Яну один на один с Моррисом? И даже на стул с "несколько не удобным" сиденьем его не посадил? Это потому, что Моррис сейчас не в форме или дар Бонифаса подсказывает

ему, что викинг для Яны не опасный?

Не была бы Яна так уверена. По закону жанра именно в отсутствие Бонифаса что-то должно случиться...

Глава 19. Нейтральная ничего не значащая беседа

Обычно между первым и вторым предвестником проходит около часа — не лучшее время для Морриса. Он полагал, что в этот раз будет особенно сложно пережить эти минуты, потому что он не дома, но странно — вышло наоборот.

Вивьен держала его внимание. Боль притуплялась. Она не давала ему впасть в забытие. Как он мог при ней забыться? Она последняя, кого бы он хотел напугать.

Девчонка и так была немного встревожена. Смотрела строго и заботливо. И это разительно отличалось от того, как она вела себя с Блезом. Тому достались от неё только настороженность и каверзность. Моррис сам не знал, зачем сравнивает. Но ему нравилось, как его маленькая пока-не-жёнушка настойчиво допытывается, что с ним. Он даже нашёл какое-то удовольствие в том, что она положила ему ладонь на лоб. Её рука была прохладной и ласковой. Когда в последний раз кто-то так касался его?

Моррис не удержался, чтобы не подразнить её. Придумал на ходу загадочную болезнь — чёрную западную лихорадку. Вивьен сама подсказала ему детали: летучие мыши — вот кого они сделали ответственным за распространение заразы.

Но девчонка слишком умна, чтобы поверить его маленькой лжи. Когда дворецкий ушёл в аптеку, она продолжила расспросы. Села рядом с ним на стул и с недоверием поинтересовалась:

— Вы же сказали неправду, монсир Моррис, да? Дело не в чёрной лихорадке. Это какая-то другая болезнь, ведь так?

— Так.

— Это как-то связано с вашей страшной тайной?

Вивьен смотрела требовательно. Он вдруг отметил с удивлением, какие зелёные у неё глаза. Как у её чёрного кота, который занял наблюдательный пост на подоконнике. Моррис раньше не обращал внимания на цвет её глаз. Спросили бы его, ответил бы — грязно-серый. Наверное, потому, что им ещё не приходилось беседовать, сидя вот так — совсем рядом.

— Ваша тайна, она ведь как-то связана с дамарицами?

Какая догадливая, его маленькая пока-не-жёнушка.

— Да.

— Вы один из них?

Моррис не сдержал улыбки.

— А вам приходилось когда-нибудь видеть дамарийцев?

— Нет.

— Вы слышали, говорят, они уродливы. Их лица так страшны, что приводят в ужас любого, кто на них взглянет. Вы приходите в ужас, когда смотрите на меня?

— Да нет, — улыбнулась она. — Вы привлекательный мужчина.

Эти простые, легко слетевшие с её губ слова почему-то взбудоражили Морриса. Как будто речь не только о внешности.

— Если вы не один из них, но всё же ваша болезнь связана с ними, то выходит, они вас заразили? — выдвинула новую версию Вивьен.

Моррису бы не хотелось делать то, что он сделал в следующее мгновение, но ему пришлось. Она, конечно, не угадала, но подобралась опасно близко. Да и весь их разговор был на грани. К тому же он ощущал приближение второго предвестника. Моррис обхватил браслет на своём запястье и привычным движением прокрутил...

Когда Бонифас ушёл в аптеку, Яне почему-то подумалось, что в его отсутствие что-нибудь случится. Но вот он уже вернулся, а ничего не произошло. Всё то время, пока дворецкий ходил за лекарством, Яна с Моррисом просто разговаривали. Беседа касалась каких-то нейтральных ничего не значащих тем. Яна даже вспомнить не могла, о чём именно они говорили. О погоде, что ли? Ей, вообще, показалось, что Бонифас сгонял в аптеку за каких-то пару минут. Тут и двумя словами перекинуться не успеешь.

— Айманская травяная настойка, — чопорно подал лекарство Бонифас.

Моррис жадно сделал несколько глотков прямо из пузырька.

— Ваша сдача, монсир, — протянул дворецкий несколько купюр, когда Моррис осушил сосуд.

— Оставьте себе, — не стал он забирать деньги.

— Монсир, но тут девяносто пять луардов. Настойка стоила всего пять.

— Оставьте, — был непреклонен Моррис. — Тем более у меня к

вам будет просьба. Я правильно понял, что вы здесь работаете дворецким?

— Да, монсир, — задрал нос Бонифас.

— Я вынужден буду покинуть город на четыре дня. И буду очень признателен, если в моё отсутствие вы позаботитесь о муазиль Вивьен.

— Разумеется, — ответил Бонифас с таким видом, что, мол, заботиться о хозяйке — его прямая обязанность и святой долг вне зависимости отсутствует или присутствует в городе некий монсир.

— Вивьен — моя невеста, — пояснил викинг, — хоть сама она так не считает.

На этом оптимистичном заявлении он поднялся, попрощался и довольно твёрдо (видимо, настойка подействовала) отправился на выход.

После его ухода Бонифас принялся настаивать, что оставленные Моррисом деньги Яна должна забрать себе. Но она наотрез отказывалась — это же были его честно заработанные чаевые за услугу. И хоть спор их был достаточно бурным, но при этом радостным. Они оба были счастливы, что обеспечены на какое-то время куском хлеба и может быть даже с маслом.

В конце концов, Бонифас смирился, что деньги останутся у него, но заявил, что будет вести амбарную книгу расходов, чтобы отчитаться за каждый потраченный луард.

— Я думаю, первым делом нужно купить немного масла для ламп, — предложил он. — Я уже успел убедиться, что все лампы здесь в полном порядке. И если их заправить, то вечерами у нас будет светло как днём.

Идея Яне понравилась. Тем более, что на улице уже вовсю вечерело. Ещё чуть-чуть и станет темно, хоть глаз выколи. А несколько свечей, которые на данный момент у них были в наличии, не такой уж впечатляющий источник света.

Бонифас успел пробежаться по лавкам до их закрытия. И вернулся он не только с маслом для ламп, но и с маслом для бутербродов!

— Я ещё немного тыквенного хлеба купил. Он дешёвый, но очень вкусный, когда свежий, — во весь рот улыбнулся Бонифас.

И хлеб действительно оказался изумительным. Ещё тёплый, только что из печи, он так волшебным пах, что Яна боялась сознание потерять от этого головокружительного аромата.

При ярком свете масляных ламп в уютной гостиной они пили с Бонифасом чай, уплетали бутерброды с маслом и строили планы на завтра. И жизнь казалась прекрасной. Ведь всё понемногу налаживается. Завтра они наведут порядок в других комнатах, Яна сходит в ратушу и попробует договориться об отсрочке уплаты налогов, и не исключено, что настоящий артефактор откликнется на объявление и поможет разобраться, имеют ли какую-то ценность найденные ею заготовки для артефактов. Верилось, что их можно будет продать и выручить приличную сумму.

Конечно, это правильно — строить планы на следующий день, а не на ночь. Яна же не могла знать, что самое интересное произойдёт именно ночью...

Глава 20. Вы же мне поможете?

Как всегда перед сном Яна не отказала себе в удовольствии сделать несколько заметок для своего нового романа. Главный герой у неё уже был, но она дополнила его портрет. Правда, всего двумя словами: мужчина-загадка. Да, он её интриговал. Что там за страшная тайна у викинга? Кажется, она хотела как раз об этом с ним и поговорить. Так почему же не поговорила? В голове крутились какие-то обрывки фраз. Вроде бы их беседа как раз направлялась в нужное русло. Яна припоминала, что задавала, в общем-то, правильные вопросы, вот только что отвечал Моррис, никак не могла вспомнить. От напряжения даже голова стала тяжёлой. Пришлось пока отбросить попытки восстановить в памяти разговор — утро вечера мудренее — вспомнит обо всём, когда проснётся.

Яна отложила автоперо и блокнот и решила лучше почитать записи дядюшки. Продолжила с того места, на котором остановилась. Каким же увлекательным было повествование! Рассказывалось, как Жюль постепенно развивал свой дар. Поначалу ему даже не у кого было учиться — в его роду артефакторы не водились. Он был самородком. Поэтому первыми учителями Жюля стали книги. Он отыскал несколько интересных изданий в библиотеке ратуши.

Однако книг оказалось недостаточно. Жюль понимал, что без специального образования ему артефактором не стать, но поступать в магическую академию не спешил. Он не был уверен, что хочет посвятить себя артефакторному делу — строил другие планы на жизнь. Его отец был антикваром — собирал и перепродавал древности. Жюль

готовился пойти по его стопам. Дело налажено, работа интересная, зачем начинать что-то новое?

Должно было что-то случиться, чтобы кардинально поменять жизнь. И оно случилось.

Отец отправил Жюля в круиз по восточным островам — на местных рынках продавались порой весьма интересные вещишки. Они могли бы стать изюминкой антикварной коллекции. Небольшой корабль двигался к месту назначения, и ничто не предвещало беды, пока у одной из пассажирок не начались преждевременные роды.

Она пришла в каюту Жюля бледная от страха и рассказала свою историю.

— Меня зовут Адель. Я ношу под сердцем первенца. На нашем роду проклятие — все первенцы отправляются на небеса, не успев родиться. Но я не хочу потерять моего малыша.

Бедную девушку трясло от отчаяния.

— Я решила отправиться к восточным островам, в надежде купить у местных шаманов защитный амулет, который спасёт ребёнка. Но проклятие хочет переиграть меня. Роды начались раньше срока, — она держалась за живот и кривилась от боли. — Помоги, прошу! — её полные слёз глаза смотрели с затаённой надеждой. — Дай мне защитный артефакт.

Жюль обнял плачущую девушку, он сочувствовал её беде, но чем мог помочь?

— У меня нет артефакта.

— Но ты ведь можешь сделать, я знаю, — умоляла она. — Я ведь тоже родом из Трэ-Скавеля. В городе говорят — у тебя проснулся дар. Ты самородок.

Жюль почувствовал растерянность. Все его знания были пока больше теоретическими. Ради эксперимента он делал заготовки для артефактов, из которых возможно что-нибудь со временем и вышло бы, но они остались дома.

Адель всё умоляла и умоляла, а он боялся, что не сможет помочь. Однако Жюль прекрасно понимал, что если не поможет он, то не поможет никто. Среди пассажиров не было других артефакторов. Среди них даже повитух не было. Адель осталась один на один со своей бедой.

Тот день Жюль запомнил на всю жизнь. Он обошёл весь корабль, стучался в каждую каюту к пассажирам и матросам, в капитанскую

рубку и в камбуз к коку. Он искал вещь, которая немало повидала за свою жизнь, какая сгодилась бы для артефакта. Он был в отчаянии, что не найдёт, но он нашёл! Зеркальце самой же Адель.

Жюль ощущал, что у этого предмета длинная история. Кто только не смотрелся в него. Хороший или плохой, зеркальце может отразить любого. И если отражает плохое, значит, может защитить от проклятия. Зеркало в артефакторном деле — это, вообще, очень сильная вещь. Неопытным артефакторам не советуют начинать с него, но у Жюля не было выбора. Он видел, как страдает его молодая землячка, полагая все надежды на него.

Ему пришлось действовать по наитию. Он страшно торопился — боялся не успеть. Он был совсем молодым, ничего не понимал в родах. Сколько это продлится? Сколько у него есть в запасе времени?

Жюль разбил зеркальце вдребезги, перетёр в песок, почему-то добавил острых жгучих специй. Вырвал страницу из судового журнала, где описывалось, как корабль спасся в сильную бурю. Бумагу сжёг — пепел добавил в свою гремучую смесь. Горячей цветной смолой скрепил состав, читая заклинания. Он хотел, чтобы получился кулон в форме капли или слезы. Потом, когда Жюль поднатореет, у него станут получаться эстетически красивые артефакты, однако первый блин вышел комом. Подвеска выглядела кустарно, но в тот момент было не до красоты.

Когда он вбежал в каюту Адель, застал её метавшейся на кровати в холодном поту. Рядом с ней была мать, которая сопровождала её в поездке. Её глаза наполнились слезами благодарности, когда Жюль передал ей кулон. Он волновался, не знал, ждать ли чуда. Но чудо случилось. Схватки прекратились. Адель благополучно вернулась домой, и через два месяца у неё родился крепкий здоровый сын.

Жюля позвали повидать малыша, которого назвали в его честь. Глядя на кроху, он смирился, что от судьбы не уйдёшь. Артефакторство — его призвание...

Яна отложила записи и потушила свет. Она лежала и прокручивала в голове прочитанное. Сама жизнь нашла Жюлю первого клиента, сама жизнь заставила сделать первый артефакт...

Отсутствие света Кузя воспринял как сигнал к отбою и пристроился в ногах, сопроводив свои действия мелодичным:

— Мэrrrrrr...

— И тебе спокойной ночи.

Уже засыпая, Яна поняла, что в страшной суете дня забыла кое о чём. Она же собиралась придумать, как спилить ветки дерева, которые подступают к самому окну спальни. Сегодня, честно говоря, было не до того. Ничего, завтра вместе с Бонифасом они что-нибудь придумают. За одну ночь ничего ведь не случится...

...но случилось...

Яна проснулась посреди ночи от странных шорохов и поняла, что кто-то лезет в окно. Моррис? Какая наглость! Двери, что, для слабаков? Да и что такого срочного ему понадобилось? До утра не мог подождать? И, вообще, он же собирался уехать из города на четыре дня.

Кузя тоже встрепнулся. Ну сейчас они вместе устроят Моррису тёплый приём. Яна соскочила с постели, готовая к сражению, но её пыл мгновенно остыл, когда она поняла, что её ночной гость — это ребёнок.

У неё чуть сердце из груди не выпрыгнуло: а что если малыш свалится? Яна подскочила к подоконнику, подхватила ребёнка и втянула в комнату. Нарушителем спокойствия оказалась хорошенькая девочка лет пяти.

Удивлению не было предела.

— Ты кто? — спросила Яна, разглядывая малышку. Она не похожа была на сорванца и хулиганку. Такое милое веснушчатое личико, весёлые кудряшки. — Почему лазаешь по деревьям, когда на дворе ночь?

— Я Жанетт, — ответила малышка. — Вы мне можете? — спросила доверчиво.

— Конечно, помогу, — даже не зная о чём речь, пообещала Яна. Как можно отказать такому ангелу? — Но давай сначала я отведу тебя домой. Знаешь, как расстроятся мама и папа, если не увидят тебя в кровати?

— Никто не расстроится. Я из приюта. Матушка Изидора крепко спит. Я проверила. Я успею вернуться назад, пока она не проснётся, — поведала малышка и перешла на заговорщицкий полусшёпот: — Я специально убежала ночью. Днём бы меня в вашу лавку никто не отпустил.

Естественно. Кто же пустит ребёнка туда, куда взрослые и то боятся нос сунуть.

А у Жанетт всё же было немного от сорванца. Когда рассказывала о

побега, её зелёные глазки озорно блеснули.

— Я слышала, что раньше здесь жил самый сильный артефактор в мире, — с нотками восхищения выдала малышка. — А сегодня узнала, что лавка снова не пустует. Вы же мне поможете? Мне нужен самый-самый сильный артефакт.

— Зачем? — Яна взяла маленькие ручки Жанетт в свои. Чувствовалось, что девочка очень волнуется.

— На мне проклятие, — грустно вздохнула малышка. — Ужасное проклятие. Самое ужасное в мире. Я снюсь разным людям. Не знаю, что я говорю им в их снах, но это очень неприятные сны. В нашем городе не осталось, наверное, ни одного человека, которому бы я не приснилась. Меня все избегают и не любят, — малышка прикусила губу. — Даже матушка Изидора. Ей я тоже снюсь. А несколько дней назад со мной перестал дружить Кристоф, — совсем сникла малышка. — Кристоф — мой самый лучший в мире друг. Наверное, я и ему приснилась... Вы же мне поможете?

Глава 21. Может, и не проклятие

Моррис знал самые короткие тропы, которые ведут к землям даманийцев, но всё равно дорога заняла несколько часов. Он прискакал к подножию Саульской пещеры в середине ночи. Однако у него ещё оставалось немного времени в запасе — третьего предвестника он ещё не ощутил.

Моррис спешил, привязал к дереву коня, но не стал сразу заходить внутрь. Он стоял, запрокинув голову вверх, прислушиваясь к звукам. Ему с детства нравилось это место. Тут всегда особая тишина — красивая и величественная. Звёзды безмолвно льют свой холодный свет на деревья-исполины, подпирающие кронами небо. Рядом есть ручей, но почему-то даже он не решается нарушить тишину журчанием. И воздух здесь особый — горный, чуточку хмельной.

Вдосталь насытившись тишиной, Моррис подошёл ко входу и положил ладони на обсидиановый монолит. Он ждал, когда ему позволят войти. Даже он не мог переступить порог пещеры без разрешения.

Среди людей графства ходят слухи, что Саульская пещера — это пристанище богини даманийцев — страшной свирепой колдуньи, пьющей людские души. Правда в этих слухах только в том, что здесь действительно живёт женщина.

Моррис ощутил, что поверхность монолита стала тёплой — это означало, что ему позволено войти.

Прежде чем переступить порог, он снял с запястья браслет. Хозяйка пещеры не станет с ним говорить, пока он под защитой родового амулета. Она работает только с обнажёнными душами. Ты должен быть перед ней весь на виду.

В пещере ярко пылал костёр. Зулу сидела рядом — грелась. На самом деле хозяйку пещеры зовут не так. Но она никому не открывает своего настоящего имени. Говорят, обратишься к ней по имени — навсегда останешься в пещере. Может, это пустые выдумки, но пока никто не решился проверить.

— Доброй ночи, — поприветствовал хозяйку Моррис.

— Была бы ночь доброй, ты бы не пришёл, — усмехнулась Зулу.

Она поворошила палкой поленья и кивнула на низкий топчан у костра:

— Садись.

Моррис принял приглашение.

Зулу не торопилась расспрашивать гостя о цели визита. Они немного посидели молча — смотрели на пляску языков пламени.

— Заварю-ка я тебе чай из листьев чёрной брусники, — нарушила молчание Зулу. — Он уймёт боль.

В ожидании третьего предвестника тело действительно ломило.

— В этот раз хуже, чем обычно, — поделился Моррис. — Почему?

— Оно и будет хуже, пока ты один, — Зулу повесила над костром котелок.

— Но ты уверена, что Вивьен — именно та девушка, которая мне нужна? Что-то не сходится. Она помечена.

Для этого Моррис и заглянул к Зулу. Хотел убедиться, что она не ошиблась. Последние дни он много думал об этом. Вивьен — необычная девушка, но та ли?

— Помечена? — Зулу насыпала в котелок сухих листьев и залила водой. — С чего ты взял? Разве у тебя была возможность проверить?

— Конечно нет, — с досадой ответил Моррис, — но знающие люди рассказали.

Как бы он проверил, если седьмая церемония не была завершена и теперь ещё неизвестно, когда брачный процесс возобновится.

— Что, девушка с характером? — усмехнулась Зулу. — Хотел бы

кого-то попокладистей? Восточная стена судьбы моей пещеры всё время обновляет имена. Могу помедитировать и, может, отыщется тебе другая амайо, которая подойдёт не меньше, чем Вивьен. Приходи через восемь дней.

Моррис и так знал, что Вивьен не единственная, кто может решить его проблему. Но с ней всё сошлось, как ему показалось вначале. Он полагал, что брак будет взаимовыгодным. Она сирота, которая нуждается в покровителе, а он нуждается в ней, как в амайо. Кто ж знал, что девчонка создаст столько проблем? Зулу предлагает простое решение — другую девушку, которая может оказаться куда менее проблематичной, но Моррис чувствовал стойкое и не совсем объяснимое желание добиться брака именно с Вивьен. Видимо, дело в привычке, он уже привык думать, что она станет его женой.

Жидкость в котелке закипела. Большим ковшом Зулу зачерпнула варево и наполнила кружку Морриса.

— Не нужно медитировать, — он сделал несколько глотков кисловатого чая. — Я только хотел убедиться, что ты не ошиблась насчёт Вивьен.

— Я никогда не ошибаюсь, — без гордости, просто как факт, сообщила Зулу. — Но тебе придётся запастись терпением, если ты решил остановиться на ней.

— Я уже понял, — усмехнулся Моррис.

У него исчезла уверенность, что Вивьен даст согласие возобновить брачную церемонию через пару дней. Потребуется неделя, не меньше. Но, к счастью, время у него есть. В последние месяцы его шахты работали, как часовой механизм. Всё было продумано и отлажено. Теперь со всеми делами прекрасно справлялись управляющие. Вмешательство Морриса практически и не требовалось.

— Наши уже готовятся к ритуалу. Скоро новая луна, — напомнила Зулу, когда его кружка опустела. — Тебя ждут.

Это был намёк, что гостю пора.

— Вы же мне поможете?

У Яны было чувство, как будто она первый раз встала на коньки, ещё и на ногах держаться не очень получается, а уже нужно сделать тройной тулуп и четверной аксель. Как она может помочь Жанетт, если пока все её способности к артефакторному делу заключались в том, что

ей понравился некий ничем не примечательный камень? Яна понимала, что выполнить просьбу малышки — для неё непосильная задача. Но как она может отказать, если Жанетт смотрит на неё с такой надеждой?

— Я никогда не делала артефактов, — призналась Яна. — И совсем не знаю, как их правильно делать.

Плечики малышки поникли.

— Но я попробую. Только мне нужна помощь. Ты мне поможешь?

Надо было видеть, каким восторгом вспыхнули глаза Жанетт.

— Конечно! Я буду очень-очень стараться!

— Во-первых, ты должна мне пообещать, что больше не будешь сбегать из приюта. Я сама буду к тебе приходить. Хорошо? Прямо завтра и приду. А ты за это время найди среди своих вещей самую-самую старую. Таковую, которая служила кому-нибудь ещё до тебя. Сможешь?

Малышка кивнула. Было видно, что в её кудрявой головке идёт интенсивная работа мысли.

— Ну а пока нужно вернуться в приют. Ты же знаешь дорогу? Покажешь мне, чтобы и я знала, а то как я буду ходить к тебе в гости?

— Он тут совсем недалеко, — оживилась малышка.

Всё то время, пока Яна разговаривала с Жанетт, Кузя доброжелательно крутился рядом. И, разумеется, не отпустил двух девушек одних гулять по ночному городу без присмотра — отправился с ними. Даже больше — он важно шёл впереди, а Яна и Жанетт, держась за руки, — следом.

Идти действительно оказалось недалеко. Хотя что тут, в Трэ-Скавеле, далеко? В этом милом маленьком городишке всё рядом — на расстоянии вытянутой руки.

По дороге Жанетт рассказывала о жизни в приюте. Детей немного — всего двенадцать. За ними приглядывают две Матушки, которые сменяют друг друга. Изидора — сердитая, а Лилиет — добрая.

— Она такая добрая, такая добрая, самая добрая в мире, — поделилась Жанетт. — Ей я тоже снюсь, только она на меня всё равно не сердится. Она мне сказала, что я хоть и говорю в её сне неприятные вещи, но они правда. А на правду сердиться нельзя.

Уже потом, когда возвращалась назад, Яна раздумывала над словами малышки. Какое странное на ней проклятие — являться в чужих снах и говорить неприятную правду. А может, это вовсе не

проклятие? Ведь действительно, сложно представить, чтобы такого милого ребёнка кто-то проклял. Это какой же надо быть бессердечной свиньёй? И если у Жанетт не проклятие, то, может быть, наоборот, редкий дар? Просто она пока не умеет им управлять...

Конечно, после таких ночных приключений заснуть было нереально. Яна до утра почти не сомкнула глаз. Всё думала о том, как помочь Жанетт. На изучение артефакторного дела, если даже посвящать этому всё свободное время, уйдёт не один месяц. А Яна всё же надеялась, что ей удастся в ближайшие дни совершить обратный обмен с двойником. Хотя кого она обманывает? Пары дней ей явно не хватит. Речь как минимум о неделе, не меньше.

Под утро Яна всё-таки заснула. Но бессонная ночь дала о себе знать. Проспала она до позднего утра и, может, прихватила бы ещё пару часиков, но её разбудил деликатный стук в дверь.

— Доброе утро, муазиль Вивьен, — поприветствовал Бонифас. — Прощу извинить за беспокойство, но к вам молодой человек, который уверяет, что он ваш близкий родственник.

Яна как ошпаренная подскочила с постели. Какой ещё молодой близкий родственник? Разве у Вивьен есть брат???

Глава 22. Потомственный

Глава 22. Потомственный

Яна быстро приводила себя в порядок, судорожно размышляя, как ей вести себя с неожиданно нагрянувшим родственником. Решила, что будет действовать по обстоятельствам — в смысле ориентироваться на реакцию Бонифаса. Если дворецкий окажет гостю тёплый приём, то Яне тоже можно быть приветливой, если же даже на порог не пустит, как Блеза, то лучше быть с таким родственничком начеку.

Она спустилась вниз и обнаружила, что гость фейсконтроль прошёл — пропущен внутрь. Однако это была единственная милость, которой он был удостоен. Бонифас не спешил усаживать гостя в удобное кресло и поить чаем, а держал недалеко от порога. Из чего Яна сделала вывод, что дворецкий хоть и считает явившегося безопасным для хозяйки, но особой симпатии он у него не вызывает.

— Кузина, моя прелесть, — гость раскрыл руки для объятий и

двинулся на Яну.

Двоюродный брат? Двойник ничего о нём не писала. Не посчитала нужным? Видимо, они виделись редко.

Парень производил вполне приятное впечатление. На вид — ровесник Яны, максимум на пару лет старше. Высокий блондин с карими глазами. Одет он был пёстро. Мужчины здесь предпочитали строгое сочетание чёрного с белым, а у кузена было и чёрное, и белое, и фиолетовое, и бирюзовое, и в довершение — малиновый шарф, который был хитрым узлом повязан на шее. Весь этот цветовой сумбур на удивление складывался во вполне гармоничный образ, вот только одежда новизной не сияла — выглядела потрёпанно.

Яна поглядывала, как он приближается с распростёртыми объятиями, и раздумывала, открывать ли ответные. Пусть парень и приятный, однако совершенно не знакомый. Объятий всё же избежать не удалось, но Яну обхватили очень аккуратно — именно по-братски.

— Не удивляйся, что не узнаёшь меня, Вивьен, — он отступил на шаг. — Я и сам узнал о твоём существовании совсем недавно. Маман призналась мне, кто был моим отцом на самом деле — Робьерт из рода Монпасьи. Брат твоего отца. Как жаль, что наши славные отцы уже на небесах, но какое счастье узнать, что у меня есть сестра!

Ситуация немного прояснилась. Выходит, в этом мире, у Яны был не только дядюшка Жюль по материнской линии, но и дядюшка Робьерт по отцовской линии. И парень, который стоит напротив, — его внебрачный сын. Так, что ли? Значит, он действительно двоюродный кровный брат Яны?

— Я здесь проездом, на гастролях, со своей театральной труппой.

— Ты актёр?

Вообще-то, похож. Вид у парня и впрямь творческий.

— Позволь представиться, — он сделал сложный шутливый реверанс, — ведущий актёр столичного театра Этьен. Прошу заметить, потомственный актёр. Моя маман, как и её маман, можно сказать, родились на сцене.

Ещё один потомственный. Везёт Яне на них.

— И надолго ты здесь?

— Дня два-три. Буду очень признателен, если позволишь остановиться у тебя.

— Но разве ты не знаешь, что лавка проклята? Вообще-то, её

обходят стороной.

— Проклятье — только на руку актёру, моя прелесть. Гол, бос и вечно голоден, и проклят — вот кто сыграет так, что зал будет рыдать.

Почерпнуть вдохновение в старом доме, овеянном легендами и дурной славой? Яна понимала кузена. Её посещали похожие мысли, когда она ехала с поверенным знакомиться с наследством.

— И потом, когда ещё судьба снова подбросит нам шанс провести время вместе? Мне хотелось бы познакомиться с тобой поближе, пока есть такая возможность. Ты же не откажешь мне в удовольствии узнать тебя, Вивьен?

— Конечно. Оставайся.

Яне тоже хотелось бы пообщаться с кузеном. Не так и много у неё родственников в этом мире, чтобы ими разбрасываться. Тем более, Этьен казался ей интересным. Она даже почувствовала в нём родственную творческую душу.

Яна взглянула на Бонифаса, который стоял в сторонке и достаточно скептически наблюдал за беседой хозяйки и её гостя. Заметив, что она ждёт его реакции, он выдал:

— Думаю, мы можем сдать молодому человеку угол в пристройке за десять луардов в день.

Вот жук! Предлагает брать деньги с родственника?

— За десять луардов? — укоризненно покачала головой Яна. — Бонифас, но он же мой кузен.

— Когда молодой человек предоставит нам в доказательство, что он ваш родственник, что-то более весомое, чем просто его слова, снизим ему плату вдвое.

Яна успела заметить, какую дразнящую клоунскую гримасу соорудил Этьен, когда смотрел на Бонифаса. Сразу видно — потомственный актёр. Но потомственного дворецкого этим не поймёшь — он остался чопорно непробиваемым.

Кузя сохранял нейтралитет. Он с любопытством переводил взгляд с одного мужчины на другого, оценивая силы противников.

— Согласен, — улыбнулся Яне кузен и снова развернулся к Бонифасу: — Надеюсь, завтраки в стоимость включены?

Через полчаса в гостиной был накрыт стол. Яна диву давалась, когда, где и как Бонифас раздобыл всё необходимое, но факт оставался

фактом — на завтрак была подана овсянка. Самая настоящая! Как в фильмах про Холмса: "Овсянка, сэр". Учитывая, как давно Яна не ела нормальной горячей еды, каша показалась ей пределом совершенства.

Бонифас продолжал строить из себя чинного дворецкого, чопорно поглядывая на Этьена. А тот, игнорируя его взгляд, с удовольствием уплетал кашу и рассказывал Яне о том, чем живёт.

— Я вырос в театре. Маман брала меня на репетиции с пелёнок. Уже в четырнадцать я получил свою первую роль. Я живу сценой. Моя пища — аншлаги и зрительские овации. Ради того, чтобы сыграть достоверно, я готов на всё, как и маман. Однажды она созналась, что ради того, чтобы правдиво сыграть беременность, она решилась на беременность.

Яна от удивления даже ложку отложила. Среди писателей тоже распространено мнение: чтобы что-то описать правдиво, нужно это испытать, но всё же она решилась бы далеко не на всё, о чём пишет в своих романах.

— Да, люди искусства отчаянные, — продолжил Этьен. — Однако последней моей выходке удивилась даже маман. Мне дали роль дамарийского юноши, и чтобы вжиться в эту роль я отправился...

— ...к дамарийцам? — снова удивилась Яна.

— Да. Я жил на их землях целую неделю.

— Ты видел дамарийцев? Какие они? Говорят, что уродцы. Такие страшные, что, взглянув, сразу приходишь в ужас.

— Они меня не подпускали близко и сами сторонились, но не все. Однажды одна дамарийская девушка осмелилась со мной заговорить. Не знаю, все ли дамарийцы такие, но Уйгу — красавица. Раскосые глаза, высокие скулы, гладкая смуглая кожа.

— О чём же вы говорили?

— Я рассказал ей, что актёр.

Яна невольно улыбнулась. Этьен и ей втирал про роли и про сцену.

— А что она? Делилась с тобой чем-то?

— Сказала только имя и то, что она полукровка. И убежала. Ей было пора. Дамарийцы готовились к ритуалу.

— Так ты был там в новолуние?!

— Да.

— И стал свидетелем их страшного обряда?

Этьен кивнул. У Яны вспыхнуло жгучее любопытство.

— Расскажи!

Глава 23. Страшный ритуал

Глава 23. Страшный ритуал

Моррис вышел из Саульской пещеры, оседлал коня и направил его горными тропами вверх по склону. Плато, где должен был пройти ритуал, располагалось высоко в горах — до него ещё несколько часов пути. Хотелось успеть до рассвета.

Верный конь не подвёл. Восточный край неба едва начал светлеть, а Моррис уже подъезжал к лагерю дамарийцев. Как только взгляду открылось плато, он сразу понял, что что-то случилось. Ритуальный огонь уже пылал, как и положено, постепенно набирая мощи. Но возле огня никого не было. Мужчины и женщины беспокойно перемещались с места на место, сбивались в группы, седлали коней.

Моррис спешил и направился к главному шатру.

— Что случилось? — спросил у первого встречного.

— Уйгу сбежала, — тревожно бросили ему.

Сердце самого Морриса тут же тоже наполнилось тревогой. Уйгу — юная дочь главы рода. Ей всего шестнадцать. Бунтарка по натуре — дерзкая, бесстрашная и своенравная. Она уже не раз доставляла хлопот всему роду. Но сбежать перед самым началом ритуала — это к большой беде. Ей, полукровке, особенно важно регулярно проходить очищение. Если пропустит сегодняшний обряд, что с нею станет до следующей новой луны? Она не понимает, что играет с огнём.

— Чем могу помочь, Н'наму? — обратился Моррис к главе рода, когда вошёл в шатёр.

— Два отряда ушли на север, к озеру. Два к вершине спящей горы. Где ещё может прятаться девчонка? В ущелье призраков? Туда я тоже послал людей.

Видно было, что Н'наму очень зол на дочь и одновременно его отцовское сердце щемит тревога. Всевышний долго не давал им с супругой детей. Уйгу — очень поздний ребёнок, его единственная дочь. Награда и наказание. Характером, как видимо, в отца. Не он ли в юности нарушил дамарийский закон, введя в свой род непосвящённую и сделав её своей супругой?

— Нашли! — неожиданно послышалось снаружи.

И словно эхо — десятки голосов повторили с облегчением и радостью:

— Нашли!

— Нашли!

— Нашли!..

Складки напряжения на лице Н'наму разгладились. Он поднялся с топчана и стремительно вышел из шатра. Моррис за ним.

Издалека на дикой скорости к лагерю приближался конный отряд. Моррис заметил, что один из всадников держит перед собой в седле юную беглянку.

— Приступаем, — махнул рукой Н'наму, и люди начали расходиться по своим шатрам, чтобы переодеться к ритуалу.

Всадник, который делил седло с Уйгу, остановил лошадь возле главы рода. Он спешил сам и снял из седла девчонку, передав её из рук в руки отцу.

— Ты очень разочаровала меня, Уйгу, — произнёс тот сурово. — И будешь строго наказана после ритуала. На четыре недели я запрещаю тебе конные прогулки. Пойдёшь в распоряжение Шанту — будешь чистить котлы. Я наложу заклятие, чтобы ты не могла отойти от неё дальше, чем на двадцать шагов.

Беглянка не проявила и тени раскаяния — смотрела прямо в глаза отцу.

— Я всё равно это сделаю. Не сейчас, так в другой раз. Я не хочу отказываться сама от себя. Я имею право познать, что я есть.

— Ты не понимаешь, о чём говоришь, — ещё сильнее нахмурился Н'наму. — Ступай готовиться к ритуалу. Шанту, проводи, — кивнул он своей помощнице и бросил дочери вдогонку: — После ритуала поговорим.

Утро постепенно отвоёвывало у ночи права — звёзды гасли, небосвод светлел. Люди, одетые в обрядовую одежду выходили из шатров и собирались у огня. Скоро начнётся дикий древний ритуал. Случайного свидетеля, который не понимает смысла происходящего, действо привело бы в ужас. Моррис знал, что со стороны это смотрится варварски...

— Ты уверена, что хочешь, чтобы я рассказал? — Этьен вопросительно посмотрел на Яну. — Это ужасный, варварский ритуал. У меня кровь в жилах стыла, когда я смотрел на то, что происходит.

Яне ли бояться историй о ритуалах? В фэнтезийных романах, которые она сочиняла, тоже бывали жутковатые моменты — и ничего.

— Раз распалил любопытство, то рассказывай, — улыбнулась она. — Если бы я боялась жутких историй, то не стала бы хозяйкой проклятой лавки.

Этот железобетонный аргумент убедил Этьена, и он начал рассказ.

— Их ритуалы проходят на высокогорном плато. Начинаются ранним утром и длятся целый день. Я прятался за кустом, далеко от места событий, но ракурс был удачным — я всё видел. Центром действа был огромный костёр. Непонятно, что горело — пламя вырывалось будто из-под земли и было невероятно высоким — три или даже четыре человеческих роста. Дамарийцы собрались возле костра. Они были в звериных шкурах и масках — жутковатое зрелище.

Пока Яне не было ни капли жутко. Она знала, что и у некоторых земных народов есть подобные ритуалы. Разрисуют лица и танцуют у огня под звуки бубнов или барабанов. Она в передаче о путешествиях такое видела.

— Может, поэтому про них и поговаривают, что они уродцы, — предположил Этьен. — Встретишь такого "красавца" в жуткой маске ночью в лесу — он тебе потом ещё месяц в страшных снах являться будет.

На Бонифаса рассказ Этьена пока, похоже, тоже не произвёл впечатления. Он с невозмутимым лицом разливал по чашкам чай.

— Но их уродливые маски — это ещё пол беды, — заверил Этьен. — Я быстро привык. Спокойно смотрел, как часть из них исполняют ритуальные танцы, часть читают заклинания. Я искал глазами Уйгу — пытался угадать, за какой маской прячется она. Мне

показалось, в одной из фигур я её узнал. Она больше других бесновалась в диком танце. А дальше стало происходить ужасное — взрослые вдруг начали прыгать в огонь, увлекая за собой подростков. Поднялся страшный душераздирающий крик, от которого у меня сердце остановилось. Огонь бушевал всё сильнее и сильнее. Мне показалось, Уйгу не хочет следовать общему безумству — она упиралась, но ей не дали выбора. Я видел, как жадное пламя поглотило и её.

Вот теперь история действительно стала жуткой.

— Этьен, но может, тебе только показалось? Возможно, они просто прыгали через костёр, а ты издалека принял это за прыжки прямиком в пламя.

— Пусть будет так, — не стал он настаивать на своей версии, видимо, просто, чтобы ещё больше не шокировать Яну.

— А что было дальше?

— Не знаю. Я сбежал. Не мог больше слышать их жуткие крики. Я вдруг резко понял, что уже достаточно узнал о дамарийцах, чтобы сыграть роль дамарийского юноши правдоподобно.

И хоть Этьен закончил рассказ с лёгкой иронией, Яна оставалась под впечатлением от страшной картины, которую нарисовало её воображение. Каша уже была съедена, и кузен ушёл в свой снятый угол обжиться, а Яна ещё какое-то время оставалась в гостиной с дворецким.

Ей нужна была ещё одна чашка чая, чтобы перебить впечатления от рассказа о дамарийцах. И чай действительно помог — мысли потекли немного в другое русло.

— Бонифас, мне показалось, вы несколько настороженно относитесь к Этьену? Почему? Ваше магическое чутьё подсказывает вам, что у него недобрые намерения?

— Моё магическое чутьё недобрых намерений не почувствовало — полагаю, он безвреден. Но зато моё житейское чутьё подсказывает, что он лгун. Я бы не верил ни одному его слову.

— Почему?

— Ведущий актёр столичного театра мог бы позволить себе немного обновить гардероб.

Да, Яна тоже заметила, что вид у Этьена несколько помятый. Однако это ничего не доказывает.

— Но ведь видно же, что он из артистических кругов, — возразила

Яна. — Просто живёт сценой. Не думаю, что он солгал, сказав, что он артист.

— И всё же я бы уточнил, какого именно из погорелых театров, — невозмутимо посоветовал Бонифас. — Не слышал, чтобы в Трэ-Скавель с гастролями прибыла театральная труппа. В наш городок они заглядывают так редко, что это всегда становится новостью номер один. Сегодня утром я прогуливался в бакалейную лавку за овсянкой и не заметил, чтобы афиши пестрели анонсами.

Яна была вынуждена признать аргументы Бонифаса убедительными. Выходит, Этьен солгал насчёт гастролей, и историю о том, как подглядел ритуал дамарийцев, тоже, видимо, придумал. Их земли заговорённые, как он мог провести там целую неделю? Но ладно ритуал, пусть это всё его фантазии, гораздо больше Яну волновало, что он с таким же успехом мог солгать и насчёт родства. Жаль, конечно. Она была готова поверить, что у неё нашёлся родственник.

— То есть он и не актёр, и далеко не факт, что кузен? Зачем же мы его пустили на постой?

— Пристройка всё равно пустует без дела, а деньги лишними не будут, — рачительно заметил дворецкий.

Каков Бонифас, а? Да у него коммерческая жилка есть!

— Я вот думаю, если ваше магическое чутьё подсказывает, что Этьен безвреден, и всё же мы знаем, что он кое о чём приврал, тогда с какой целью он здесь?

Яна оставляла некоторую вероятность, что неожиданный гость всё же приходится ей кузеном, и действительно хотел познакомиться, а приврал потому, что в последнее время у него какие-то неприятности по жизни. В конце концов, Бонифас тоже явился к Яне помятым.

— Я за ним присмотрю, — пообещал дворецкий.

Глава 24. Смутные воспоминания

Глава 24. Смутные воспоминания

Яна вышла из ратуши расстроенная и возмущённая. Она надеялась, что ей удастся попасть на приём к Шабролю, а если не к нему, так к одному из городских чиновников, ответственных за сбор налогов. Она подготовила несколько весомых аргументов в пользу того, чтобы ей отсрочили выплаты, но задумка не удалась. Её долго муржили в

секретариате — часа два. Секретарь уходил-приходил, уходил-приходил, что-то с кем-то согласовывал, и в итоге Яну поставили перед фактом, что у всех, абсолютно у всех до единого должностных лиц ратуши, очень плотное расписание приёма горожан, и ближайший день, когда один из чиновников сможет уделить Яне время — это после-послезавтра. А у монсира Шаброля, вообще, весь месяц расписан по минутам.

После-после-послезавтра, а уж тем более через месяц, согласно местным законам, Яна будет считаться злостным неплательщиком налогов — ей ведь дали всего три дня. Хотелось бы утрясти дело до того, как этот срок истечёт, но попытка оказалась безрезультатной. Яна, конечно, всё равно записалась на приём на после-после-послезавтра, но не будет ли та беседа похожа на махание кулаками после драки?

Сколько сарказма Яна слышала в земном мире по поводу неповоротливого механизма бюрократической системы. Но Трэ-Скавельский бюрократизм ещё фору земному даст. Может, если бы кресло градоначальника не пустовало, то работа в ратуше велась бы поживее?

Мечтая, что когда-нибудь Трэ-Скавель обзаведётся добропорядочным мэром, Яна направилась домой. К счастью, путь недалёкий — только площадь пересечь. Она шагала, почти не обращая внимания на суету и гул голосов, который свойственен центру города, и вдруг услышала:

— Вивьен, что случилось? — перед ней материализовался Этьен. — Ты расстроена?

— Бюрократы, — сказала она коротко. — А ты почему здесь?

Разве он не должен бы был в настоящий момент обжиться на снятой площади?

— Твой дворецкий, — Этьен скорчил строгую чопорную физиономию, пародируя Бонифаса, — начал делать уборку в пристройке и сказал, чтобы я пока убирался на улицу, потому что я ему мешаю. Вот скажи мне, моя прелесть, как я, человек творческой натуры, могу ему мешать? Я бы мог празднично полежать на кровати, пока он не закончит, но он и слышать не хотел.

Яна невольно улыбнулась. Вот, значит, как — Бонифас решил держать гостя в ежовых рукавицах.

— Полагаю, он не очень верит, что ты творческая натура. Если ты

актёр, то где твоя труппа? Почему афиши не пестрят объявлениями о ваших гастролях?

— Они чуть задержались. Скоро подъедут, — выкрутился Этьен и тут же сменил тему. — Слушай, где ты нашла такого сердитого и въедливого дворецкого? Он меня не возлюбил с первого взгляда, — последовал театрально трагичный вздох. — Пришлось его задабривать.

А вот это уже интересно.

— Как?

— Я сказал ему, что сегодняшней обед — за мой счёт. И он стал ко мне хоть чуточку милосерднее. Если, конечно, можно допустить, что этот чопорный образец дворецкого величия способен на милосердие.

Яна снова не сдержала улыбки.

— Прелесть моя, вижу, что ты уже не хмуришься. Я так рад, что развеял твоё плохое настроение. Но всё же расскажи, чем эти далёкие от искусства люди в ратуше тебя расстроили.

Почему бы не рассказать? Не выбирая лестных выражений в адрес работников ратуши, Яна поведала, как её бесцеремонно отфуболили.

Этьен слушал и так искренне возмущался, так негодовал, что ей стало легче. Расстались они на пороге лавки.

— Отлучусь организовать обещанный обед, — пояснил Этьен.

— Мило с твоей стороны позаботиться об обеде. И, может быть, этого хватит, чтобы задобрить Бонифаса, но не меня, — Яна решила его отчитать. — Мне не понравилось, что ты солгал про гастроли. Как я могу после этого верить, что ты не солгал и про наше родство? Жду, что за обедом ты расскажешь честно, кто ты и что у тебя случилось. Я же вижу, что в последнее время у тебя началась в жизни чёрная полоса.

— Видишь? — немного растерянно переспросил Этьен.

— Кто ещё будет напрашиваться на постой в проклятую лавку, которую могут вот-вот забрать за долги, как не человек, которому нечего терять?

До обеда ещё оставалось немного времени, и Яна решила посвятить его чтению записей Жюля. Перед ней на данный момент стояло две неразрешимые проблемы — как погасить долг перед казной города и как помочь славной маленькой Жанетт с её очень редким проклятием (или даром?). Яна надеялась, что найдёт в записях дядюшки подсказки, которые помогут в решении хотя бы одной проблемы.

Она, как всегда, быстро увлеклась чтением и с головой погрузилась в описываемые события. Случай с пассажиркой корабля окончательно утвердил Жюля в мысли стать артефактором. Он поступил в столичную академию магии, но учился в основном заочно, так как его отец захворал и Жюль не хотел надолго отлучаться из Трэ-Скавеля. Профессора академии этому не препятствовали, так как Жюль показал себя исключительно старательным и талантливым студентом.

Параллельно с учёбой Жюль начал работать. Совместным решением отца и сына было превратить антикварную лавку в артефакторную. Тем более, что некоторые диковинные антикварные вещишки годились быть переделанными в артефакты.

В лавку потянулись первые клиенты. Все они оставались довольны, и слава о способном артефакторе быстро распространялась по Трэ-Скавелю и за его пределами.

Некоторые места в записях Жюля были похожи на рецепты — настолько тщательно и скрупулёзно описывались в них способы приготовления того или иного артефакта. Яна даже начала улавливать некую логику, хотя иногда ей казалось, что логики нет — Жюль действовал творчески, слушал лишь свою интуицию.

Яна читала всё дальше и дальше и вдруг артефакторная тема сменилась семейной. Описывалось, что у сестры Жюля родилась дочь — Вивьен. На Яну накатило волнение. Интересно это — читать о собственном рождении.

Из записей следовало, что её родители жили не в самом Трэ-Скавеле, а в пригороде. У них был небольшой, но уютный дом. Там-то, оказывается, Яна и появилась на свет. Жюль недолго думал, как поздравить сестру с новорожденной. Что подарить? Конечно же, артефакт! Он сделал парные кулоны — для мамы и для малышки. Тогда он уже поднаторел не только как артефактор, но и как ювелир. Кулоны получились изящными. Белый с прожилками синего камень в обрамлении белого металла...

Артефакт был описан так подробно, что Яне не составило труда его представить. Он просто встал перед глазами и вдруг... на неё нахлынули какие-то смутные воспоминания. Она же видела этот камень, она помнит, какой он гладкий на ощупь.

...Яна бежит по лесу. Быстро-быстро. Вокруг никого. Только деревья — такие высокие, что крон не видно. И странная тишина. Ей

страшно, и она отчаянно сжимает в кулачке кулон. Она знает, что он защитит. На него вся надежда...

Деликатный стук в дверь вырвал Яну из воспоминаний. Но ей хотелось ещё немного задержаться в том лесу. Ей хотелось понять, что за эпизод только что промелькнул в голове. Что-то из раннего детства? Что-то очень важное? Но смутные образы растворились, будто их и не было.

— Муазиль Вивьен, — раздался из-за двери голос Бонифаса. — Вас желает видеть посыльный из ратуши.

Чтоб его! Что, интересно, ему нужно? Ничего хорошего с ратушей у Яны не ассоциировалось, но она мужественно направилась к лестнице.

Спустившись на первый этаж, Яна обнаружила, что у входа её ждёт взволнованный и запыхавшийся молодой мужчина в униформе.

— Муазиль Вивьен, — произнёс он, глотая слова, — меня прислали передать, что у монсира Шаброля высвободилось время, и он готов вас принять.

Яна ушам своим не поверила. Не её ли уверяли, что у него ближайший месяц расписан по минутам?

— Благодарю, — кивнула она. — Передайте монсиру Шабролю, что через четверть часа буду.

Посыльный не сдвинулся с места и посмотрел умоляюще.

— Муазиль, ради всего святого, прошу вас отправиться в ратушу прямо сейчас. Меня обещали уволить, если я вернусь без вас.

Отфуболили, а теперь так настойчиво приглашают? Поворот событий был настолько неожиданным, что Яна не знала, что и думать. Однако идти в ратушу без промедления, как её просят, согласилась. Ей же это и самой выгодно.

Глава 25. Символическая жертва бюрократической волокиты

Глава 25. Символическая жертва бюрократической волокиты

— Низкий поклон Вам, муазиль Вивьен, что согласились идти со мной в ратушу, — всю дорогу благодарил Яну посыльный, — у нас такое творится... — снизив голос, обмолвился он.

К сожалению, что именно творится, конкретизировать посыльный не стал. Оставалось только гадать. Проводив Яну до двери кабинета Шаброля, он испарился со словами:

— Заходите, вас ждут.

Однако сразу заходить она не стала — дала себе пару секунд настроиться. И пока настраивалась, уловила, что в кабинете кто-то разговаривает. Тяжёлая дубовая дверь плохо пропускала звуки, но сложилось впечатление, что разговор происходит на повышенных тонах. Яна даже засомневалась, стоит ли заходить, когда обстановка и без неё накалена. Шаброль кого-то отчитывает, так и Яна под горячую руку попадёт.

Минутное ожидание ничего не дало. Хозяин кабинета продолжал расходиться. И стало понятно: тянуть дальше — себе дороже.

Яна постучала и вошла. Она полагала, что застанет хозяина кабинета сидящим за столом и мечущим громы и молнии в бледного от страха клерка, который стоит, потупившись перед начальником. Однако картина была несколько иная, если не сказать, прямо противоположная. Хозяин кабинета действительно сидел за столом, однако громы и молнии не метал. Потный и красный, как рак, он втянул голову в плечи и подобострастно смотрел на возвышающегося над ним мужчину в чёрном плаще.

— Мне уже не раз поступали жалобы от жителей Трэ-Скавеля, но я и подумать не мог, насколько всё плохо, монсир Шаброль, — суровым начальственным голосом произнёс обладатель плаща.

Его манера держаться, взгляд, движения не оставляли сомнений, что он какая-то очень важная персона — кто-то, кто гораздо выше по положению, чем заместитель градоначальника.

— Когда я прибыл сюда с проверкой, надеялся, что работа городской ратуши налажена, как часы, но что я вижу?! — пригвоздил он Шаброля взглядом. — Разгильдяйство! Безответственность! Самодурство!

Теперь понятно — человек в плаще, видимо, инспектор. Он произносил слова смачно и с чувством, и с каждым его словом Шаброль всё сильнее и сильнее втягивал голову в плечи.

— Какая безалаберность и дармоедство! — продолжал обличать проверяющий.

Его речь звучала патетично, как смертный приговор. Хозяин кабинета уже чуть под стол не сполз. При этом они оба, казалось, даже не замечали Яну.

— Я всё исправлю, — дрожащим голосом пообещал Шаброль. —

Видите, муазиль уже здесь. Приму её прямо сейчас.

Внимание обоих мужчин, наконец, переместилось на Яну. Интересно, сейчас, когда инспектор смотрел на неё, его взгляд не казался разгневанным, а наоборот, немного ироничным. Но как только его карие глаза вновь взглянули на Шаброля, в них вспыхнул испепеляющий гнев. Какая стремительная метаморфоза. Удивительно.

— Уж будьте добры, примите, — с назидательным сарказмом выдал человек в плаще. — Заметьте, это не просто муазиль. Эта муазиль — символическая жертва бюрократической волокиты! — пафосно подчеркнул он. — Её пример показателен. Он — прямая демонстрация того, как всё здесь прогнило!

После этих слов картинка для Яны окончательно сложилась. В ратушу прибыл важный начальник с инспекцией. Начал он, видимо, с проверки того, как здесь организован приём горожан, и что же он обнаружил? Разгильдяйство и чиновничий произвол. Яне отказали в аудиенции, хотя в ратуше полно свободных чиновников, которые валяют дурака, вместо того, чтобы принимать горожан. Ах, как проверяющий отчитывал Шаброля и бичевал пороки! Яна смотрела бы и смотрела. Он, вообще, ей понравился. А его живые карие глаза почему-то казались знакомыми.

— Муазиль Вивьен, по какому вопросу вы хотели обратиться к монсиру Шабролю? — вместо хозяина кабинета пригласил Яну к беседе проверяющий. — Он готов вас выслушать и помочь, ведь так, монсир Шаброль?

— Готов, — нервно икнул он, ни жив ни мёртв.

Яна поняла, что настал её звёздный час, и произнесла заготовленную пламенную речь о том, как несправедливо требовать погашение задолженности у человека, который к этой задолженности не имеет прямого отношения, и только-только вступил в наследные права. Она просила о реструктуризации долга. А также напоминала, что у всего есть срок давности.

— Таким образом, я прошу, чтобы выплату разбили на части и растянули во времени, а также настаиваю, чтобы сумму долга пересчитали с учётом срока давности, — подытожила Яна.

— Но позвольте, — осмелился возразить Шаброль, — городская казна и так долго не получала от владельцев лавки налогов, а вы просите ещё отсрочить выплаты?

Он гусем вытянул шею и поднял взгляд на проверяющего в поисках одобрения. Видимо, расчёт был на то, что неплательщиков налогов не любит ни один чиновник.

— Да, городская казна крайне нуждается в этой сумме... — инспектор мягко похлопал Шаброля по плечу, и тот приободрился, учувя поддержку, но ненадолго, — ...крайне нуждается, если она пуста. Так это правда, что казна опустошена? — поинтересовался он вкрадчиво.

Шаброль побледнел.

— Нет-нет. Конечно, нет, — скороговоркой заверил он и покрылся испариной. — Все средства на месте.

— Вот и хорошо, что казне ничего не грозит, — проверяющий снял руку с плеча Шаброля и посмотрел на Яну. — Значит, поводов отказать муазиль нет.

Она поймала его взгляд, и он снова показался ей знакомым. Яна готова была голову на отсечение отдать, что где-то этого мужчину уже видела. Но где? Ему лет сорок пять. Крупные, но благородные черты лица. Да нет, пожалуй, такого носа с горбинкой нет ни у одного её знакомого. Наверное, показалось. Но неожиданно инспектор ей подмигнул.

Глава 26. До первой жалобы

Глава 26. До первой жалобы

Яна провела в кабинете Шаброля ещё около четверти часа. Всё это время хозяин кабинета составлял документ, в котором были отражены все пункты, о которых она просила. Ей отсрочили первую выплату на четыре недели. А дальше она должна будет вносить в городскую казну по пятьдесят луардов раз в месяц, пока долг не будет погашен полностью. Но насчёт суммы долга тоже удалось внести правки. Был учтён срок давности, и размер долга скостили вдвое.

Чувствовалось, что Шаброль идёт на уступки скрепя сердце. Но медлить или пытаться вставить слово против ему не давали. Каждый раз, когда он открывал рот, чтобы возразить, инспектор назидательно понукал его.

— Вижу, у вас совершенно нет опыта составления деловых бумаг. Вы от безделья писать разучились? Столько времени убить на простой

документ! Может, пора устроить проверку чистописания у чиновников ратуши?!

Слово "чистописание", на котором проверяющий сделал акцент, заставило Шаброля вздрогнуть. Он нервно стиснул автоперо и принялся всё больше и больше увеличивать скорость письма. Чувствовалось, что проверка чистописания — это последнее о чём он мечтал.

Яна внутренне праздновала победу. Инспектор, в те моменты, когда переводил на неё взгляд, тоже выглядел провокационно весёлым и торжествующим. Он уже не просто подмигивал — он целые месседжи ей посылал при помощи мимики.

Обычный человек не так уж и много информации может передать простым гримасничаньем, чего не скажешь об актёрах. У них гримасы — рабочий инструмент. И, кстати, не так уж много Яна знала в этом мире актёров — одного единственного, поэтому ей в голову пришла невероятная догадка. А что если мужчина в плаще, который так профессионально измывается над Шабролем, — никто иной, как Этьен? И пусть внешнего сходства было немного — только глаза, но ведь актёр на то и актёр — он может наложить грим. А изменившиеся до неузнаваемости голос и манеры можно объяснить свойственным актёрам искусством перевоплощения.

Неужели действительно он? Чем больше Яна присматривалась к инспектору, тем больше убеждалась в правильности своей версии. И пока кто-либо не докажет ей обратного, она решила считать мужчину в плаще Этьеном. Яну очень тронуло, что он проникся её проблемой и поспешил на помощь. И ведь как креативно подошёл к делу! Талант! Большой грозный начальник в его исполнении был бесподобно вьедлив, придирчив и обличителен! Да, сцена по Этьену плачет. Он заслуживал цветы и овации. Но пока, конечно, Яна могла лишь послать ему благодарную улыбку.

Шаброль закончил составлять документ — осталось его завизировать, но он замешкался. Нервно ёрзал на стуле и не спешил прикладывать палец к метке внизу листа. Как всё-таки чиновников заклинивает, когда дело касается того, чтобы кому-то что-то разрешить, чтобы кого-то от чего-то освободить или дать послабление.

Он рыбьими глазами смотрел на написанные им же самим строчки, и у Яны закралась тревога, что весь мастерски придуманный Этьеном план может провалиться. Однако Этьен совершенно не намерен был

сбавлять обороты и продолжил спектакль.

— Готово? Ну наконец-то, — недовольно выдал он. — А я уж думал, вы до ночи не справитесь. Что ж, придётся доложить кому следует, какие нерасторопные в Трэ-Скавельской ратуше чиновники. Полагаю, меры последуют незамедлительно.

Шаброль нервно сглотнул. Чувствовалось, что "кого следует" он боялся, трепетал и благоговел.

Документ тут же был завизирован и протянут Яне.

— Монсир инспектор, не нужно, — посмотрел Шаброль заискивающе и начал лебезить: — Мы всё исправим.

Яна уже выходила из кабинета, но успела услышать последнюю фразу "инспектора":

— Хорошо, я повременю докладывать наверх о разгильдяйстве, которое здесь обнаружил. Но до первой жалобы от горожан.

Яна возвращалась в лавку в приподнятом настроении. Вопрос с уплатой налогов хотя бы частично был решён и хотя бы немного отсрочен. А когда настроение хорошее, то и день кажется чудесным. И это несмотря на то, что солнце зашло за тучи, и на улице сделалось довольно прохладно, пасмурно и ветрено.

Торговцы на площади озабоченно поглядывали на небо, опасаясь, не собирается ли зарядить дождь и не нужно ли прятать товары под навесом. А вот у лотка с пирожками продолжалась бойкая торговля. Розовощёкой булочнице даже на небо некогда было взглянуть. Она только и успевала отоваривать покупателей. Яна, кстати, давно заглядывалась на её пирожки — такие аппетитные. Но уж больно дорогие — по два луарда за штуку. Поэтому и в этот раз Яна мужественно прошла мимо. Тем более, что сегодня Этьен пообещал позаботиться об обеде.

Она уже подходила к лавке, когда услышала за спиной шум.

— А ну, стой, маленькая дрянь! — прорычал мужской голос.

Яна обернулась и увидела, как по краю площади со всех ног бежит девочка, а за ней гонится здоровенный бородатый мужчина. Не понятно было, что случилось. Но он выглядел таким разъярённым, что у Яны невольно включился инстинкт защитника — захотелось помочь малышке. Тем более, Яна её узнала — Жанетт.

— А ну, стой, кому сказал?! — снова зарычал бородатый.

Яна бросилась к ребёнку, взяла за руку и потянула через бурьян ко входу в лавку. Они бежали быстро-быстро, но расстояние стремительно сокращалось. Последний рывок — Яна подхватила Жанетт на руки и в несколько гигантских прыжков добралась до порога. Едва они успели заскочить внутрь, бородатый уже был у входа. От его перекошенной от ярости рожи, волосы дыбом вставали. Яна попыталась захлопнуть перед ним дверь, но не успела — он протиснул свою огромную тушу в лавку. Яна инстинктивно задвинула Жанетт за спину, прикрывая от него. Силы были неравны, Яна это понимала. И вдруг раздался кошачий вой и одновременно страшный грохот. Стало темно, как ночью. И пол злоево закрипел, будто доски заходили ходуном. Ох, что происходит?..

Глава 27. Древняя как мир забава

Глава 27. Древняя как мир забава

Домотрясение продолжалось недолго. Всего несколько секунд — и обстановка сделалась привычной: всё на своих местах, ничто не ходит ходуном. У Яны успела даже проскочить мысль, что ничего необычного и не происходило. Просто на улице началась гроза — резко сгустились тучи, прогремел гром, сверкнула молния, а всё остальное — игра воображения, вызванная испугом. Но, увы или к счастью, — нет. Расцарапанная физиономия бородача, который пятился к двери и орал не своим голосом, уж никак не могла Яне просто привидеться.

Выпучив глаза, он выскочил из лавки прямо так — задом наперёд. Это вышло ему боком — он споткнулся на ступеньках и грохнулся всей тушей в бурьяны. Оттуда бородач тоже выл и чертыхался. Но вдруг подскочил, как ужаленный, и, неловко припадая на правую ногу, всё так же — задом наперёд, помчался от лавки прочь, продолжая сыпать проклятиями.

Яна специально не стала сразу закрывать за ним дверь, чтобы Жанетт могла увидеть, как неуклюже драпает её преследователь. Детская психика очень ранима, поэтому пусть лучше в сознании малышки отложится этот комичный образ, а не тот разъярённый.

— Теперь он будет обходить тебя десятой дорогой, — прокомментировала Яна бегство бородатого.

Малышка смотрела на его удаляющуюся фигуру во все глаза. И в

них уже не видно была страха, только удивление. Она ощущала, что опасность миновала, и силилась понять, что же произошло.

— Бородатый монсир так сильно испугался вашего кота?

Жанетт посмотрела на Кузю, который восседал на подоконнике с самым невозмутимым видом: а я что? а я и ничего — сижу тут, никого не трогаю, усы на солнце грею.

Солнца-то, пока как раз видно и не было — накрапывал дождь.

— А я котов не боюсь. Наоборот, люблю, — Жанетт подошла к Кузе, и он милостиво позволил ей себя погладить.

От Яны ему тоже досталась порция потискиваний. А чего он хотел? Защитил двух девочек, теперь будет испуганным в ласке.

Однако Яна, конечно, понимала, что бородач испугался не только и не столько кота. Кузя действовал, как настоящий тигр, но ведь кроме его атаки было кое-что ещё — весь дом трясло, свет погас, что-то громыхало. Может, это сама лавка показала свой проклятый нрав? Или спрятанный в ней артефакт из обсидиана шалит? До сих пор Яна не очень понимала, почему горожане побаиваются этого места, ведь ни с самой Яной, ни с Бонифасом, ни с Этьеном ничего плохого не случилось, хоть они тут живут. И вот теперь убедилась, что лавка-то действительно с подвохом. Далеко не каждому подходит энергетика этого места, далеко не каждому здесь безопасно.

— Какой же ты красивый, котик, — продолжала гладить Кузю Жанетт. — Самый чёрный кот в мире!

— Мрррырр, — выдал что-то глубоко философское вконец заласканный Кузя.

А вообще-то, он прав. Нужно проводить Жанетт в приют. Наверное, девочку уже хватились — волнуются.

Уговаривать малышку не пришлось.

— Да, надо поскорее вернуться. Не хочу расстраивать Матушку Лилиет.

Яна помнила, что именно эту воспитательницу малышка называла "самой доброй в мире".

По дороге Жанетт принялась рассказывать, почему за ней гнался бородач. Дети есть дети. Она уже настолько оправилась от пережитого страха, что могла поведать все подробности.

— Мы отправились на прогулку в ботанический сад. Матушка Лилиет очень добрая — она нас туда почти каждый день водит. Мы

шли-шли, там так красиво. Матушка говорит, что наш ботанический сад самый красивый в мире...

Так вот у кого малышка научилась с восхищением смотреть на мир.

— ...я увидела синюю птицу. Мне захотелось подойти к ней поближе и рассмотреть. Я всё смотрела и смотрела. И немного отстала от остальных. А потом вдруг ко мне подошёл бородатый монсир. Он был очень зол. Я сразу поняла, что я ему снюсь ночами. На меня сердятся все, кому я прихожу во снах, — горько вздохнула Жанетт.

У Яны сердце сжалось. Малышка уже и не удивляется, когда совсем незнакомые люди подходят, чтобы сорвать на ней злость.

— Он стал спрашивать, откуда я знаю о его делах. Сказал, что голову оторвёт, если не расскажу. А я не знаю. Я испугалась и решила убежать. А он погнался за мной...

Какой этот бородач недалёкий. Он что, не понимает, что малышка ему просто приснилась, и она понятия не имеет, о чём говорила ему в его сне? И видно, что он замешан в каких-то грязных делишках, раз его так переполошило то, что она сказала. Но Яна надеялась, что сегодняшний случай стал для него хорошим уроком.

Она стиснула маленькую ладошку Жанетт и начала горячо убеждать, что бородатый монсир больше к ней не подойдёт, потому что Кузя его как следует проучил. А ещё очень просила, чтобы она больше ни на шаг не отставала от Матушек на прогулках. А себе самой пообещала, что сегодня же начнёт тренироваться в артефакторном искусстве. В записях Жюля столько подробных описаний, что можно использовать их как рецепты и инструкции. Как же хотелось хоть чем-то помочь Жанетт.

Когда они подходили к приюту, им навстречу вышла взволнованная женщина, такая невысокая и худенькая, что Яна не сразу догадалась, что это и есть Матушка Лилиет. Почему-то представлялось, что воспитательницы должны быть дородными и крупными.

— Жанетт, хвала всевышнему, с тобой всё в порядке, — она прижала малышку к себе. — Мы обыскали весь ботанический сад. Где ты была?

Жанетт начала сбивчиво рассказывать про бородатого монсира, а Лилиет глядя на Яну, одними губами произнесла:

— Спасибо.

Теперь можно было быть спокойной за Жанетт. Яна попрощалась и

уже успела отойти на несколько шагов, когда услышала, что девочка снова бежит к ней.

— Муазиль Вивьен, я же нашла то, что вы просили.

А что Яна просила? Ах да, какую-нибудь вещичку, у которой долгая история. Из таких вещичек, если верить записям Жюля, получаются неплохие артефакты.

Жанетт достала из кармана и протянула Яне небольшой предмет — диск, жёстко закреплённый на оси.

— Что это?

Малышка улыбнулась, удивляясь, что Яна не знает таких простых вещей.

— Волчок.

А, игрушка. Яне вспомнилось, что в детстве в киндер-сюрпризе ей попадалось что-то подобное. Можно раскрутить волчок, вращая в пальцах ось — древняя как мир забава.

— Это очень старая игрушка, — объяснила малышка. — Самая старая в мире. Матушка сказала, что в неё играли ещё праотцы.

Яна сжимала в руках волчок, прислушиваясь к ощущениям. Вещичка, стопроцентно, необычна. Уж какие там с ней игрались праотцы, непонятно, но три-четыре поколения владельцев у неё точно были. Жанетт — умница. У Яны появилась уверенность, что волчок пригодится, хотя, сказать по правде, в записях Жюля ни разу не упоминалось об артефактах, сделанных из детских игрушек.

Яна возвращалась в лавку чуть не бегом. Её гнала мысль, что, возможно, Этьен уже организовал обед, как обещал. Очень не хотелось, чтобы мужчинам пришлось её ждать, с досадой глядя на остывающие яства.

Однако, когда Яна пришла, ни обеда, ни Этьена ещё не было. Только Бонифас, который отчитался, что навёл порядок в пристройке. Самое интересное, что он, как оказалось, всё это время не слышал ни одного постороннего шума. То есть когда дом ходил ходуном, в пристройке было тихо. Видимо, она хорошо звукоизолирована от основного помещения.

— Бонифас, мне столько нужно вам рассказать, — улыбнулась Яна. Он будет счастлив не меньше неё, когда узнает об отсрочке выплат. — Но лучше, наверное, за обедом.

— Когда ещё тот обед будет, — проворчал дворецкий. — Бывают люди, на которых в плане обеда совершенно нельзя положиться.

У Яны тоже живот сводило от голода, но она верила, что если Этьен пообещал, то не подведёт. И действительно, в дверь постучали.

Но это был не Этьен, это был тот, кто исполнит её давнюю мечту...

Глава 28. Чтобы спасти её и проучить его

Глава 28. Чтобы спасти её и проучить его

По форменной одежде и толстой сумке, перекинутой через плечо, Яна догадалась, что к ним пожаловал почтальон.

— Вам письмо. Из столицы, — скороговоркой произнёс он и испарился, оставив Яну в недоумении.

Бонифас со свойственной ему церемонностью передал хозяйке конверт и посчитал своим долгом повторить:

— Из столицы.

Из столицы-то — это хорошо, но вот от кого? Яна ума не могла приложить. Она с интересом изучала конверт, который смотрелся солидно из-за огромного количества штемпелей и марок. Они были так густо натканы и с одной, и с другой стороны, что обратный адрес прочесть было не так и легко. Единственное оставшееся не задетым место содержало название города — Клосквиль, что свидетельствовало: письмо действительно из столицы.

Ладно, с адресом можно разобраться потом. Любопытно было посмотреть, что внутри. Яна достала сложенный вдвое плотный голубоватый лист бумаги и начала читать выведенные витиеватым почерком строчки.

Как нам стало известно, вы являетесь автором нескольких исключительно интригующих историй...

У Яны внутри похолодело. Кто и как мог это узнать??? Никогда и никому она не рассказывала о своей земной профессии, ни разу и нигде не упоминала, что пишет книги. Только тот, кто причастен к их обмену с двойником, мог знать о её земной жизни и о её земных занятиях.

— Плохие новости? — обеспокоено спросил Бонифас.

Яна не знала, что ответить. Новости хоть и были очень неожиданными и обескураживающими, но, казалось, не несли в себе ничего плохого. Наоборот, она мечтала выйти на того человека, кто

помог Вивьен поменять их с Яной мирами. Ей есть, что ему сказать. Хотелось бы спросить, зачем он это сделал, и попросить или даже потребовать обратного обмена.

— Нет, Бонифас, новости хорошие.

Яна принялась читать письмо дальше.

...Мы крайне заинтересованы в тесном сотрудничестве. Поэтому просим вас выслать нам рукописи на рассмотрение...

Обычно такие письма приходят из издательств и являются для автора пределом мечтаний. Если издатели заинтересовались твоими работами и собираются пустить их в печать, это означает, что ты получишь тысячи новых читателей и новых источников вдохновения, а также, не исключено, и солидный гонорар. Особенно это было важно в эпоху, когда ещё не существовало электронных книг, и ты мог найти читателей, только если твои книги издадут.

Но что подобное письмо означает в этом мире? У Яны не получалось выстроить логическую цепочку. Допустим, в столице живёт некий маг, который помог Вивьен с обменом, а значит, знает, кто такая Яна и, более того, знает, что она писатель. Но зачем ему её книги? Он что, параллельно работает в издательстве?

Яна настолько ушла в свои мысли, что не услышала ещё один стук в дверь. Спасибо Бонифасу, он всегда начеку и готов встретить гостя.

На этот-то раз, Яна полагала, наверняка явился Этьен. Но нет, на пороге стояла женщина с подносом. Яна с удивлением узнала в ней булочницу, которая торгует на площади пирогами. "Эти с гусятиной и лавандским перцем. Эти с рыбой и брынзой. А эти с дикой смородиной". У Яны всегда слюнки текли, когда она проходила мимо её лотка. Но целых два луарда за один пирожок она себе позволить не могла.

Зачем же булочница пришла в лавку? Дождь разогнал покупателей, и она ходит с товаром по домам?

Пироги настойчиво пахли сытным обедом, намекая на свой непревзойдённый вкус. А вот булочница ни на что не намекала — молчала как рыба. Она всегда отличалась розовощёкостью, а сейчас и вовсе покраснелась как маков цвет. Чем-то взволнована? Наверное, как и все горожане, боится проклятой лавки. Но зачем же тогда пришла? Она никак не могла собраться с мыслями. Но дворецкий пришёл на помощь.

— Прекрасная мьедам, что привело вас к нам в этот чудесный день?

Ну, день, прямо скажем, далёк от чудесного, что не мешало Бонифасу выглядеть подозрительно довольным.

Его вопрос вывел булочницу из транса, но вместо ответа, она возмутилась:

— Что вы себе позволяете, монсир?

А что, собственно, Бонифас себе позволял кроме голодного взгляда?

— Не мьедам, а муазиль, — пояснила булочница, что именно её возмутило.

Значит, она не замужем. Но зачем возмущаться-то? Откуда Бонифасу знать, есть у неё муж или нет?

Она вскинулась всем своим пышным телом, из-за чего её грудь подалась вперёд вместе с подносом. Какое испытание для голодного Бонифаса. Впрочем, он держался мужественно.

— Прошу извинить за оплошность, прекрасная муазиль. Вам не тяжело? — указал он взглядом на поднос.

Булочница, недолго думая, вручила его Бонифасу со словами:

— Это вам.

Такого поворота событий дворецкий не ожидал. Но даже после этого остался невозмутимым.

— Сколько мы вам должны?

— Нисколько.

Булочница развернулась и плавно поплыла прочь.

Яна и Бонифас несколько секунд недоумённо переглядывались. Это и есть то, что подразумевал Этьен, когда говорил, что позаботится об обеде? Купил у булочницы целый поднос пирогов с доставкой?

Долго гадать не пришлось. Бонифас ещё не успел накрыть на стол, когда Этьен появился в лавке и подтвердил, что гора румяных пирожков, у которых бока ломаются от начинки — это тот самый обед, который он обещал.

Если судить по времени, то больше подошло бы слово "ужин", но это не помешало трапезе быть изумительно вкусной. Неспроста к булочнице всегда выстраивается очередь, хоть цены и кусаются. Её пироги стоили двух луардов.

Уловка Этьена удалась — с каждым пирожком Бонифас всё больше

и больше добрел к нему. Но гвоздем программы стали даже не пирожки. Яна и Этьен в лицах рассказали Бонифасу о спектакле в ратуше, в результате которого удалось отсрочить выплаты и уменьшить их размер.

Теперь, когда всё осталось позади, вспоминать о приключении было весело. Даже донельзя сдержанный Бонифас, которого Яна ни разу не видела чрезмерно эмоциональным, посмеивался.

— Этьен, но как у тебя получилось так преобразиться? — задала Яна вопрос, который не давал ей покоя. — Грим?

— Грим, — подтвердил он, — но не только. Мне кажется, у меня есть дар перевоплощения.

— Конечно, есть! — Яна не могла понять, почему Этьен употребил слово "кажется", когда тут без вариантов. — Ты чудесный актёр!

Она добавила ещё несколько самых искренних восторженных слов. Яна знала, как актёрам важен фидбек от зрителей. Так же, как и для писателя — фидбек от читателей.

— Спасибо, моя прелесть, — расцвёл Этьен. — Но я имею в виду не только актёрский дар перевоплощения, но и магический. Моя маман говорит мне: "Когда ты вживаешься в роль, даже я не могу узнать, что это ты". Она верит, что мой дар больше, чем просто актёрский. Правда, кроме неё, никто.

— И я верю, — подбодрила Яна. Она всегда считала, что искусство — это магия. — Я тебя тоже совершенно не узнала, когда ты был в образе инспектора. Просто догадалась, потому что ты мне очень выразительно подмигивал. И, вообще, спасибо тебе, — она посмотрела благодарно.

Этот парень её сегодня, можно сказать, спас. Как настоящий друг или брат. Яне хотелось, чтобы он всё-таки оказался её кузеном. Хотя не важно. Кем бы ни был, она чувствовала, что он отличный парень.

— Этьен, а теперь рассказывай свою историю. Всё как есть. Мы поймём. Мы ведь тут тоже каждый со своей бедой и со своей надеждой.

Под чай Бонифаса очень тянет откровенничать — Яна на себе испытала. Вот и Этьен поддался.

— Меня выгнали из столичного театра, — грустно улыбнулся он. — Насовсем. И не возьмут ни в какой другой.

— Почему?

— Я слишком хорошо сыграл одну роль.

— Разве за это выгоняют? — удивилась Яна.

— Это была женская роль.

— Ну и что?

Сколько Яна видела фильмов, где мужчины играли женщин. Чудесные комедии. Взять хотя бы "Здравствуйте, я ваша тётя" или "В джазе только девушки".

— Я сыграл свою маман.

— Ого!

— Но не на сцене, а в жизни. Однажды я перевоплотился в её образ и пришёл к директору нашего театра.

— Зачем?

— Чтобы спасти её и проучить его...

Глава 29. У меня есть, что тебя заинтересует

Глава 29. У меня есть, что тебя заинтересует

Этьен ещё ничего и не рассказал толком, а Яна уже невзлюбила директора театра. И, кстати, правильно сделала. Потому что человек он оказался гнилой.

— Моя маман давно служит в столичном театре, — Этьен решил поведать свою историю с самого начала. — Она талант. Я всегда восхищался её игрой. И, разумеется, не только я — зрители её любят и часто купают в овациях. Она всегда получала главные роли. Не за красивые глаза, а потому что так, как сыграет она, не сыграет никто.

Этьен говорил настолько увлечённо и искренне, что Яне нестерпимо захотелось побывать на спектакле, где в главной роли блистает его мама.

— Так было до тех пор, пока в нашем театре не сменился директор. Сириль начал устанавливать свои порядки. У него появились любимчики, а кого-то он, наоборот, невзлюбил. Обстановка в театре сделалась напряжённой. Подняли головы старые завистники маман. Сплетни и доносы — не лучшие друзья вдохновения, но косые взгляды и наговоры она перенесла бы с лёгкостью, а вот с тем, что ей стали давать всё меньше и меньше ролей, трудно было смириться.

К сожалению, в творческих кругах не всегда бывает тишь да гладь. Яна это знала не понаслышке.

— Её стали ставить в эпизоды. А потом она лишилась и этих

крохотных ролей. Маман может обходиться без еды и воды, может сутками не спать, но она не может без сцены. Я видел, как она начала увядать на глазах. Маман ничего не говорила, но в театральной среде слухи распространяются со скоростью пули. Я узнал в чём дело. Сириль невзлюбил её, потому что она ему отказала. Она очень красивая женщина. Судите сами — я похож на неё, — Этьен улыбнулся первый раз с момента как начал рассказывать свою историю. Впрочем, тут же снова стал серьёзным. — Сириль жаждал закрутить с ней интрижку, преследовал, не давал прохода, а когда она жёстко дала понять, что интрижки не будет, начал ей мстить.

Какой негодяй! Воображение Яны нарисовало премерзкого мужичёнку с маленькими сальными глазками и непропорциональной фигурой.

— Маман хотела перейти в другой театр. Ей не настолько важна столичная жизнь, как важна сцена. Она могла бы быть не менее счастливой и в провинциальном театре. Её приглашали в Шамбриз. Но она не могла уехать. Тридцатилетний контракт, который она заключила со столичным театром, не позволял ей играть на других сценах. На это и рассчитывал Сириль — надеялся сломить маман тем, что и ролей не даст, но и не согласится аннулировать контракт.

Добиваться женщины шантажом? Как такие люди сами себе не противны? Радовало только то, что в самом начале рассказа Этьен употребил слово "проучить". И Яна с кровожадным нетерпением ждала этой части истории.

— А она могла разорвать контракт в одностороннем порядке? — спросил Бонифас, который, было заметно, очень проникся судьбой матери Этьена, и в точности, как и Яна, ждал кульминации, в которой Сириль получит по заслугам.

— Могла, но такой разрыв подразумевал заоблачные суммы штрафных санкций. У маман не было столько сбережений. Я долго думал, как ей помочь. Идея пришла, когда однажды я стал невольным свидетелем того, как Сириль намекал маман, что он пойдёт на уступки — аннулирует контракт, если она придёт к нему на поздний ужин. Хотелось придушить негодяя с его намёками, но моя творческая натура подвигла пойти другим путём — у меня созрел гораздо более безумный и изощрённый план, чем удушение.

— Явиться к нему на ужин в образе мамы? — догадалась Яна.

— Да, моя прелесть, так я и сделал. Потребовалось много грима, но результат получился впечатляющий. Я стал похож на маман как её отражение в зеркале. Впрочем, как я уже говорил, мы с ней и так очень похожи.

— Значит, Сириль не заметил подмены?

— Поначалу нет. Он был уверен, что перед ним маман.

— Полагаю, этот ужин он запомнил надолго, — на обычно беспристрастном лице Бонифаса промелькнул сарказм.

— Да, я очень старался, чтобы трапеза стала для Сириля незабываемой, — Этьен косо усмехнулся. — Пришлось выдержать его ухаживания, — он состроил глумливую гримасу омерзения: — Его рука на моём бедре. Это худшее, что случилось в моей жизни. Но меня грела мысль, в какой ужас придёт Сириль, когда поймёт, кому нашёптывал на ухо свои мерзкие фантазии. Впрочем, реализовать их я ему естественно не позволил. Кокетливо объяснил, что продолжение ему светит только после того, как он подпишет аннуляцию контракта. Сириль к тому моменту был так распалён, что завизировал все бумаги не глядя.

Этьен исполнил небольшую пантомиму, показывая, как судорожно спешил закончить с документом Сириль.

— Я сунул бумаги в сумочку. Он посчитал, что теперь имеет на меня полное право. Откуда ему знать, что с этой минуты для него начнётся самое интересное. Он страстно стянул с моих плеч платье. Уж какие картины рисовало его воображение в тот момент, не знаю, но увидел он мужскую небритую грудь. Пару мгновений молчал ошалело. Потом заорал, как ошпаренный, отскочил и остолбенел.

Яна беззвучно смеялась. Она представляла, какая кондрашкахватила старого ловеласа, когда он в самом разгаре любовной горячки обнаружил кардинально не то, что искал. Он, наверно, заикой после той небритой груди сделался.

— Я поднялся и ушёл не попрощавшись, — усмехнулся Этьен. — Документы отдал маман, и она уехала в Шамбриз. Служит теперь в местном театре. Сириль ей уже ничего плохого сделать не может. Но меня, конечно, после всего случившегося выгнали из труппы. Сириль — влиятельный человек в театральной среде и позаботился, чтобы ни один театр не хотел меня видеть у себя. Я не настолько знаменит, как маман, чтобы директора театров рисковали ради меня испортить отношения с Сирилем. Меня никуда не берут. Но я нисколько не жалею о том, что

сделал. Тот случай оставил на Сириле неизгладимый след. Говорят, что его отвернуло от женщин. Он стал бессильным в любовных утехах, потому что в нём навек поселился страх, что любая из женщин в самый пикантный момент может оказаться мужчиной.

Поделом ему! Не сможет больше ни одной женщине сломать жизнь.

— Маман звала меня к себе, в Шамбриз, но я не поехал. Появись я там, Сириль и туда добрался бы со своей мстью. Мне не хотелось подвергать риску карьеру маман. Пусть сначала скандал немного уляжется. Я сказал ей, что поеду пока лучше познакомиться с кузиной. Она не стала возражать. Сказала, будет мило, если мы поладим.

— Так мы действительно двоюродные брат и сестра?

— Конечно. Зачем маман говорить мне неправду о том, кто мой настоящий отец? Да и разве ты сама не чувствуешь, что между нами родственная связь? Мы же похожи!

Бонифас, наклонив голову вбок, посмотрел сначала на Яну, потом на Этьена. Затем проделал то же самое, наклонив голову в другой бок. Потом поразглядывал их одним левым глазом, закрыв правый. И, видимо, именно такой ракурс позволил ему вынести окончательный вердикт.

— Какое-то сходство есть.

Вот этого еле уловимого сходства и слов мамы Этьена Яне хватило, чтобы поверить, что у неё есть кузен. Да ещё какой! Талантливый актёр, любящий сын и, как Яна уже успела убедиться, преданный друг!

— Тебе нравятся эти минуты, да? — Уйгу сидела на низком топчане возле шатра и смотрела на Морриса.

Он догадывался, что она имеет в виду те мгновения, когда ритуальный огонь отпускает тебя, и ты возвращаешься из небытия обновлённый, но истощённый. В тебе постепенно просыпаются чувства, но не силы. Ты ощущаешь лёгкость и невесомость в теле и в мыслях, но движения даются с трудом. Кто-то находит в этой истоме блаженство. Да, есть что-то приятное в ощущениях — будто ты сделал очень тяжёлую, но очень важную работу.

— А мне не нравится, — дерзко вздёрнула подбородок Уйгу. — Ни до, ни после. Я ощущаю лишь одно — что меня хотят сломать, изменить

мою сущность. Однажды я всё равно это сделаю — пропущу ритуал.

К Моррису ещё не вернулись силы, чтобы попытаться найти для девчонки-бунтаря нужные слова. Да и что сказать, если даже отец не знает, как победить её упрямство? Отца, кстати, пока не было рядом. Ещё никого не было. Ритуальный огонь держит каждого столько, сколько нужно. От чего зависит время, не знает никто. В этот раз пламя отпустило Морриса вторым. Первой была Уйгу.

Не дождавшись от него ответа, она решила занять себя забавой с волчком. Уйгу держала ладонь над вращающейся игрушкой и управляла скоростью и наклоном. Интересно, Моррис видел подобные игрушки и у детей графства, но никогда не понимал, зачем они им. Раскрученный волчок обязательно остановится и завалится на бок. Разве не досадно? Другое дело, когда волчок дарят дамариийским подросткам. Он нужен им, чтобы на этой простой игрушке учиться управлять движением, структурой, балансом и временем.

— Помоги мне сбежать, — Уйгу вскинула на Морриса глаза. — Не отказывай сразу — выслушай. У меня есть то, что тебя заинтересует.

Он покачал головой. Не существует ничего, что заставило бы его подыграть юной бунтарке.

— Нет, — сказал Моррис коротко и однозначно.

— Даже не выслушал, — в глазах Уйгу проскочила обида. — А зря. Разве тебе не было бы интересно иметь возможность в любой момент наблюдать за своей амайо?

Она про Вивьен?

— В лавке спрятан осколок нашего священного обсидиана. А значит, с ней можно установить связь. Я умею. Смотри.

Она поднесла вторую ладонь к волчку, и он начал набирать обороты. Он вращался так быстро, что казалось, раскручивает пространство вокруг себя. Оно стало неясным, туманным, матовым. Оно раздвинулось, чтобы отобразить картинку...

Вивьен... Она стояла спиной к нему полуобнажённая рядом с бадьёй для омовения. Стройная с манящими женственными изгибами. Всё мужское в Моррисе мгновенно вспыхнуло и отозвалось. Но он успел уловить в её образе нечто гораздо более важное, чем то, что вызывает в мужчине влечение. Он напряжённо всматривался, чтобы понять, не показалось ли ему...

Глава 30. Не невинные мысли

Глава 30. Не невинные мысли

Моррис ещё не успел убедиться в своих предположениях, а картинка уже исчезла. Уйгу развернула ладонь тыльной стороной к волчку, и он остановился.

— Кроме меня, никто так не умеет, — она спрятала игрушку в карман. — Даже отец.

Моррис ощущал досаду. Ему не хватило каких-то мгновений. А теперь он будет сомневаться, действительно ли видел на Вивьен знак Атай. Что за таинственная пока-не-жёнушка у него? С ней всё не так. Почему он не заметил метки, которая должна была бы быть, зато увидел то, чего уж точно быть не могло?

— Говоришь, отец такое не умеет, но и ты не очень преуспела, — пошёл Морис на хитрость. — Удерживала связь совсем недолго. А смогла бы повторить, увеличив время?

Уйгу его уловку раскусила.

— Смогла бы. Но повторять не буду, пока ты мне не пообещаешь помощь. Сними с меня заклятие, которое наложил отец, и я ещё раз запущу волчок. А хочешь, даже научу устанавливать связь с лавкой. Ты сможешь сам в любое время это делать.

Соблазн был велик. Но Моррис не мог пообещать Уйгу того, что она просит. Н'наму не просто так наложил на неё заклятие, мешающее ей удаляться от лагеря. Она мечтает сбежать и пропустить ритуал, чтобы её дамарийская сущность проявила себя. Она хочет ощутить свою природу. Но Уйгу не представляет, насколько это опасно. Моррис не будет ей подыгрывать. Подобные игры закончатся очень плохо, и в первую очередь для неё самой.

— Нет, Уйгу, заклятия снимать не буду. Поверь, отец наложил его на тебя для твоего же блага.

— Отец не может знать, что лучше для меня, — с горячностью упрямого подростка заявила она. — Я полукровка. Никто не понимает, каково мне!

— Все подростки, не важно — дамарийцы, уроженцы графства или полукровки, считают, что их не понимают, что целый свет против них. Но это не так. Пройдёт время, и ты убедишься.

— Ты говоришь, как мой отец, — фыркнула Уйгу.

Она насупилась и замолчала. Но хватило её ненадолго. Недовольно поёрзав на топчане, она достала из кармана волчок и снова начала его раскручивать. Однако скорость была недостаточна, чтобы картинка открылась — Уйгу просто дразнила и провоцировала Морриса.

Конечно, он бы многое отдал, чтобы иметь возможность ещё несколько мгновений понаблюдать за Вивьен, но, тем не менее, идти на поводу Уйгу в её желании навредить себе не собирался. В конце концов, что ему та картинка, когда он может придумать способ увидеть Вивьен такой же полуобнажённой вживую. Моррису даже пришло с ходу несколько идей, правда, одна другой сомнительней, но он над ними поработает.

Ритуальный огонь начал отпускать дамарийцев одного за другим. Они располагались у шатров на низких топчанах, чтобы прийти в себя. Над лагерем сонным облаком витала тишина.

Моррис любил сливаться с этой тишиной, но в этот раз не получалось. Мысли о Вивьен будоражили воображение. Они были не совсем невинными, но он считал, что имеет на них право — она ведь почти его жена. С этими мыслями Моррис провёл несколько часов, пока к опустошённому ритуалом телу не начали возвращаться силы.

Густая ночь опустилась на лагерь дамарийцев, логично было бы остаться здесь до утра, но что-то побуждало Морриса отправиться в обратный путь, не дожидаясь рассвета.

Он попрощался с Н'наму и с приятелями-дамарийцами и, оседлав коня, направил его знакомыми тропами вниз по склону в долину.

Сегодняшним вечером Яна решила, как обычно сделать несколько записей в свой блокнот, но это были не наброски к будущему роману, а список неотложных дел.

В списке оказалось три пункта. Во-первых, необходимо было разобраться с письмом из столицы — выяснить, от кого оно, и придумать, как отреагировать. Во-вторых, перед Яной стояла глобальная задача наведения порядка в лавке. И хоть Бонифас добровольно взял эту проблему на себя и неплохо справлялся, но для Яны чистота была не самоцелью. Она надеялась, что во время разбора завалов отыщется обсидиановый артефакт. Пока Бонифасу ничего похожего не попало, а значит, нужно заняться поисками

целенаправленно.

Третьим пунктом в списке насущных дел значилось изготовление артефакта для Жанетт. И хоть Яна пока не знала, с какого бока лучше к этой задаче подступить, но считала её первоочередной.

Для того, чтобы вызвать в себе артефакторское вдохновение, она решила немного почитать записи Жюля. Как всегда продолжила с того места, на котором остановилась. А остановилась она на том, что Жюль отправился к сестре поздравить с новорожденной и подарил малышке и маме парные артефакты.

Жюль стал частым гостем у сестры. Ему нравилось нянчиться с племянницей. Вивьен тоже тянулась к нему. Молодая семья владела плантациями горького кофейного ореха, с этого и жила. Работы было много. Жюль с удовольствием брал девочку к себе, когда родители были особенно заняты. Но находилось у них время и на отдых. Однажды родители Вивьен вместе с дочерью проводили выходной день на берегу реки...

С этого места почерк Жюля, который особой аккуратностью не отличался, сделался особенно неровным. Будто ему тяжело было описывать то, что произошло. Да оно и не удивительно. Во время того пикника Вивьен потерялась.

Родители сами не могли объяснить, как так получилось, что не досмотрели за дочкой. Им казалось, она постоянно была в поле их зрения. Но в какой-то момент оба одновременно спохватились, что девочка исчезла. Они обыскали место вокруг, но нашли только оброненную Вивьен игрушку — соломенную куклу. Кукла лежала на земле довольно далеко от места пикника — в лесу, на склоне холма.

Родители позвали на помощь соседей. Несколько десятков человек принялись прочёсывать лес, но усилия не дали результатов.

Девочку искали третий день. Был прочёсан холм, на котором она потерялась. Потом все соседние. Лес в тех местах густой, непроходимый, ведь сразу за ним начинаются земли дамарийцев. Никто не говорил этого вслух, но каждый думал, что девочка у них. Кто-то молился, пусть так, главное, чтобы осталась жива. А кто-то напротив считал, что оказаться у дамарийцев хуже смерти.

Яна уже однажды читала эти строчки. Когда книга с записями дядюшки впервые оказалась у неё в руках, она открыла её случайно именно на этой странице. Тогда она не знала, что потерявшаяся девочка

— это сама Яна. Или то уже была Вивьен? Когда их с двойником поменяли: до случая в лесу или после? А может, как раз там, в лесу, и произошёл обмен?

Воспоминания смутными обрывками начали всплывать в голове...

...Вокруг Яны незнакомые люди.

...Их лица ужасны. Они похожи на зверей.

...Она видит огромное высокое пламя.

...Её ведут к огню. Что они хотят сделать?..

Глава 31. Кое-что нашёл

Глава 31. Кое-что нашёл

Весь вечер Яна провела в комнате, которая когда-то служила дядюшке мастерской. Бонифас здесь ещё не прибирался, поэтому Яна сама занялась наведением порядка. К счастью, работы было немного. Мастерская порадовала отсутствием кавардака. Яна протёрла пыль со шкафов и тумб и рассортировала бессистемно валявшийся на рабочем столе инструмент. На этом уборка закончилась.

Любопытно, что в мастерской не было окна. Комната освещалась исключительно масляными лампами — благо, Яна уже научилась ими пользоваться.

Она устроилась за столом и положила перед собой два предмета, которые с её точки зрения могли стать заготовками для артефакта: камень, когда-то позаимствованный у торговца баранками, и волчок, который передала Яне Жанетт.

Среди рабочих инструментов Жюля имелась огромная лупа. Кстати, это чуть ли не единственный инструмент, которым Яна знала, как пользоваться. С её помощью принялась изучать вещички. Смотрела и смотрела, но никаких конкретных мыслей в голову не приходило. Честно говоря, чувствовала себя мартышкой из басни про очки. Там обезьянка, не знающая, как работает оптика, что только с очками не делала: и лизала, и нюхала, и к хвосту привязывала, а толку — ноль. Вот и Яна понятия не имела, что ей с этим камнем и волчком делать.

Стук в дверь на время спас от напряжённых мыслей.

— Прелесть моя, не помешал? — в мастерской материализовался Этьен с подносом. — Твой чопорный дворецкий, — кузен соорудил невозмутимую физиономию, пародируя Бонифаса, — отправил меня

принести тебе чай.

Чай был очень кстати. У Яны уже давно в горле пересохло. Вот только удивительно, что Бонифас доверил такое ответственное, с его точки зрения, дело Этьену. Либо он сильно занят, либо сильно устал.

Кузен поставил перед Яной чашку и сел за стол напротив неё. Себя тоже чаем не обделил.

— Вижу, ты занята чем-то творческим, — с любопытством посмотрел он на разнородные предметы в её руках. — Помочь? Я просто умираю без творчества.

Произнесённые Этьеном с грустной улыбкой слова заставили Яну остро почувствовать, как кузен тоскует по сцене.

— Слушай, Этьен, а тебе не приходила в голову мысль попробовать пробиться в одну из театральных трупп не как Этьен, у которого был конфликт с директором столичного театра, а в совершенно другом образе? Ты же хорошо умеешь перевоплощаться.

— Не получится, моя прелесть. Я могу вжиться в любую роль так, что меня и маман не узнает, но долго находиться в чужом образе не могу. Проживать чужую жизнь гораздо сложнее, нежели быть собой. Чем правдивей игра, чем больше ты отдаёшься роли, тем сильнее откат. Даже пара часов, прожитых под чужой личиной, истощают меня так, что требуется целый день на восстановление.

Яна посмотрела на Этьена с пониманием. Иногда с ней случалось подобное. Чтобы написать правдиво какой-нибудь волнующий эпизод в романе, тоже необходимо проникнуться ситуацией. Нужно очутиться там, где сейчас герои, нужно их глазами взглянуть на их мир, пережить те же эмоции, прочувствовать, выстрадать, вкусить. Тогда получится трогательно и честно, без пафоса, без фальши, простыми словами, западающими в душу. Но после таких моментов у Яны тоже бывают откаты. Требуется время — несколько часов или несколько дней, пока ты снова сможешь вернуться к роману.

— А знаешь, Вивьен, что делает актёр, когда его не берут ни в одну труппу? — Этьен лукаво улыбнулся. — Я имею в виду гениального актёра, такого как я.

— Ума не приложу, — Яна тоже улыбнулась. Как ей нравилось, что кузен, подобно ей самой, не умеет долго унывать. Видимо, розовоочковость — их семейная черта.

— Он создаёт труппу из одного актёра, — выдал Этьен. — Я

подумал, что могу выступать один. Прямо здесь — на площади перед ратушей. Я знаю короткие шуточные скетчи. Думаю, смогу исполнить их так, что прохожие будут аплодировать и не пожалеют пару монеток.

Наверное, не очень весело становиться уличным артистом после того, как выступал на столичной сцене. Но Этьен не выглядел подавленно. Его состояние, наоборот, было ближе к сияющему.

— Знаю, что ты подумала, — усмехнулся он. — Но у уличного артиста есть огромное преимущество — он ни от кого не зависит. Он сам себе директор, режиссёр, постановщик, декоратор и костюмер.

Стать свободным художником? Этьен прав — в этом что-то есть.

— Завтра на площади будет проходить "щедрая" ярмарка. Я подумал, это подходящее событие для дебюта моей труппы одного актёра.

"Щедрой" ярмаркой, насколько Яна знала, называют здесь что-то среднее между земной "чёрной пятницей" и "гаражной распродажей". Горожане придут на площадь, чтобы по дешёвке продать свой ненужный хлам и приобрести опять же по дешёвке хлам нужный. Мероприятие обещает быть многолюдным и пёстрым. Туда действительно как нельзя лучше впишется выступление уличного актёра.

— Этьен, ты гений! И идея у тебя гениальная, — поддалась Яна энтузиазму кузена.

— Нуууу, — многозначительно протянул он, — идея не только моя.

— А чья ещё? — немного удивилась Яна.

Хотя зачем она спрашивает. Вообще-то, в лавке кроме неё и Этьена находится всего один человек — дворецкий.

— Вторым генератором идеи был Бонифас?

— Да, твой чопорный дворецкий, — кузен не преминул снова симитировать невозмутимое выражение лица Бонифаса. Но шарж получился совершенно беззлобным. — Он уже рисует афиши с анонсом моего выступления.

Ого! Теперь понятно, почему Бонифас отправил принести чай Этьена. Сам-то занят куда более важным делом. Вот это у Яны команда подобралась!

Они с кузеном ещё долго пили чай — растягивали удовольствие. Он делился с ней планами, которые выглядели грандиозно. Этьен

надеялся подзаработать денег на уличных выступлениях и ни много ни мало открыть свой театр.

— Понимаю, моя прелесть, звучит неправдоподобно. Но мечта и должна быть несбыточной и заоблачной, чтобы окрылять и вдохновлять. Легко достижимые цели творческого человека не будоражат. Согласна? У тебя есть несбыточная мечта?

Спроси её об этом Этьен всего несколько часов назад, она бы ответила — есть. Имея в виду возвращение в земной мир. Но после того, как во время чтения записей Жюля на неё нахлынули обрывочные воспоминания из детства, она уже не была так уверена. В смысле, возвращение домой уже не казалось ей чем-то несбыточным и туманным.

Хоть воспоминания и были смутными, но одно Яна поняла точно — в детстве она побывала у дамарийцев и, может быть, даже приняла участие в их ритуале, конечно, не по своей воле.

Ведь всё сходится — Этьен описывал, что перед ритуалом дамарийцы надевают звериные шкуры и маски, поэтому Яне они и показались похожими на зверей. И описание огня, которое он дал, было похоже на то, что ей вспоминалось — огромный столб до самого неба. И хоть она не смогла восстановить в памяти, чем закончился тот день, но её посетила догадка — что если страшный ритуал дамарийцев как раз и перенёс её в земной мир. И если так — если однажды, в детстве, она уже попадала из этого мира в земной через ритуальный огонь дамарийцев, то что мешает сделать это снова?

И даже если дело не в огне, то дамарийцы всё равно должны что-то знать о перемещениях между мирами. Столько разговоров про их загадочные магические способности, так может, в этом их и суть — межмировые путешествия в пространстве и времени? Яна почти не сомневалась, что именно они замешаны в том, что их с двойником в детстве поменяли. Одна девочка потерялась в лесу, а нашлась через две недели уже другая.

Все эти мысли подтолкнули Яну вот к чему: для того чтобы вернуться домой, ей не столько нужен артефакт из обсидиана, спрятанный в лавке, сколько контакт с дамарийцами.

— У меня есть мечта, — ответила она Этьену. — Но надеюсь, она всё же сбыточная. Мне только понадобится твоя помощь. Ты рассказывал, что смог прожить на землях дамарийцев целую неделю.

Мне тоже хотелось бы к ним наведаться. Но как? Говорят, их земли заговорённые. Никто не может добраться до них целым и невредимым. Как же тебе удалось?

— Я знаю кое-какую хитрость, — сделался загадочным Этьен. — Могу проводить, но, прелесть моя, зачем тебе такое опасное приключение? Любопытство не стоит риска.

— Дело не в любопытстве. Это очень важно для меня, — сделалась серьёзной Яна.

— Хорошо. Но мне надо подготовиться. Хотя бы пару дней. Когда бы ты хотела к ним отправиться?

Простой вопрос, но он поставил Яну в тупик. Она так смертельно всё это время хотела домой, но через пару дней — это очень рано. А вдруг дамариёйцы действительно знают о перемещениях и согласятся её сразу без всяких условий отправить прямёхонько назад? Но Яна пока не готова. Ей нужно помочь Жанетт. Пока малышка не будет в безопасности, Яна не может исчезнуть. А ещё ей хотелось бы убедиться, что у Бонифаса всё будет хорошо. Она не могла оставить его в подвешенном состоянии. Да и Этьен тоже сейчас переживает не лучшие времена. Не понятно, получится ли у него с уличными выступлениями. И если не получится, кто-то должен будет его поддержать и сгенерировать вместе с ним новую гениальную идею. А ещё почти-муж, будь он неладен. Ещё начнёт волноваться, если его почти-жена бесследно исчезнет. Надо как-то его к этому подготовить.

— Давай дней через десять.

За десять дней всё должно утрястись и наладиться. Тогда Яна и начнёт активные действия по поиску пути домой.

На этой оптимистической ноте она допила остатки чая, и одновременно с её последним глотком в мастерскую зашёл Бонифас. Он был крайне взволнован. Таким взволнованным Яна его ещё мне видела.

— Я кое-что нашёл!

Глава 32. Беру всё

Глава 32. Беру всё

Сегодня перед сном Яна принимала ванну дольше обычного. Если, конечно, можно назвать ванной местное приспособление для омовения. Большая бадья, в которой Яна вполне помещалась сидя, автоматически

наполнялась тёплой водой. Вместо мыла использовались жидкие ароматные масла, которые в земном мире назвали бы гелем для душа. Яне повезло, что в лавке нашлось несколько флаконов этих масел. Хватит надолго.

Она привычными движениями натирала тело, а в голове прокручивался сегодняшний вечер. Из положительного — Бонифас нашёл в одном из шкафов встроенный в стену тайник. Из отрицательного — непонятно было, как его открыть. Яна, конечно, успела нафантазировать, сколько всего интересного может скрываться за тяжёлой металлической дверцей, в частности обсидиановый артефакт, но узнать, так ли это, пока не удалось.

Однако тайник — ещё полбеды. Бонифас и Этьен обязательно что-нибудь придумают — если не откроют, так взломают. Яну гораздо больше беспокоило, что она, хоть и просидела в мастерской дядюшки до позднего вечера, гипнотизируя взглядом волчок, но так и не поняла, с чего начать изготовление артефакта для Жанетт.

Жюль часто поступал так: сжигал, растирал в порошок или растворял в кислоте заготовки для артефактов, а уже потом лепил из них нечто. И что же из этих милых варварских способов выбрать Яне?

Она начала смывать с себя масла и вдруг на неё накатило озарение. Если бы её попросили объяснить свои странные догадки, она бы не нашла, что ответить, но интуиция отдавала чёткие подсказки-приказы. Никакое механическое воздействие на волчок не требуется. Не нужно его сжигать или растирать в порошок. Его нужно всего-то положить под подушку. Несколько ночей подряд Яна должна спать, ощущая, что он рядом — прямо под её головой.

Так она и сделала. Ещё и камень, который у булочника позаимствовала, тоже на всякий случай под подушку положила. Камешек ведь не простой, с секретом.

Где-то в глубине души Яна подозревала, что от такого соседства ночью может что-то произойти, но абсолютно ничего не приключилось. Она проснулась бодрая, свежая и немного разочарованная. Однако быстро успокоила себя тем, что одной ночи мало. Может, что-то ещё и случится, но в следующий раз.

Сразу после завтрака Яна и её команда полным составом решили прогуляться на ярмарку, разведать обстановку и присмотреть удобное

место для выступления Этьена.

Площадь так преобразилась, что Яна её не узнала. Масштаб события впечатлял: яркие вывески, лотки, украшенные флажками и гирляндами, полевые кухни, где прямо на открытом огне жарились колбасы и пеклись лепёшки, весёлый оживлённый гул, пёстрые толпы людей, перетекающих от одного прилавка к другому.

Любопытство подвигло пройти по торговым площадкам, посмотреть, что горожане продают и покупают друг у друга. У Яны глаза начали разбегаться. Чего только ни красовалось на лотках: кухонная утварь, игрушки, бижутерия и галантерея, столярные и садовые инструменты, горшки и вазы, тазы и ведра, мётлы, совки, тележки, корзины. Всё, разумеется, бывшее в употреблении, а следовательно, разной степени изношенности, но зато очень дёшево.

Хорошая задумка. Торговля шла бойко. Но Яна и её спутники ни на что особо не заглядывались. Всё самое необходимое для ведения хозяйства у них и так было, а на что-то не очень нужное тратить деньги не было смысла. У них и так их не густо. Вся компания, выстроившись гуськом, равнодушно проходила мимо прилавков, но возле одного Этьен неожиданно остановился.

— Почём мандолина? — поинтересовался он у крепкой дамы среднего возраста, и стало понятно, что его внимание привлёк музыкальный инструмент.

Деревянный корпус мандолины поблёскивал на солнце дорогим лаком и инкрустацией. Яна догадывалась, что вещь недешёвая, но всё равно цена огорошила.

— Сто луардов. Половина от её начальной стоимости. Брали сыну, думали отдать его обучаться музыке, но искусство ему не даётся. Мандолина совсем новая, он к ней почти и не притрагивался, — дама протянула инструмент Этьену, чтобы он мог разглядеть его получше.

Яна видела, как кузену хочется взять мандолину в руки. Наверное, хорошо умеет играть. Актёры — народ музыкальный. Но Этьен отрицательно помотал головой.

— Нет-нет, я только спросить, — он развернулся и потопал дальше.

Яна и Бонифас, переглянувшись и вздохнув, за ним.

Они обошли всю площадь по периметру и самым лучшим местом для выступления признали пятачок у входа в ратушу. Там не было торговых лотков и вполне можно было организовать

импровизированную сцену.

Бонифас достал из чемоданчика, который захватил с собой из лавки, самодельный раскладной стенд. Установил его и прикрепил яркую афишу, которую вчера собственноручно нарисовал.

Ведущий актёр столичного театра с гастролями в нашем прекрасном Трэ-Скавеле

Раскрытый чемоданчик был оставлен на мостовой возле стенда, как намёк, что актёр будет рад благодарности от зрителей в виде нескольких монет.

— Уважаемая публика, прошу вашего внимания, — поставленным голосом произнёс Этьен.

Несколько проходящих мимо горожан заинтересованно развернули к нему головы.

— Только сегодня и только для вас миниатюры из жизни Трэ-Скавеля. Для начала — случай в булочной...

Этьена было не узнать. Вот же, минуту назад, он был обычным простым парнем, а сейчас от него искрило энергией и актёрским обаянием. Он в доли секунды преображался то в булочницу, то в сапожника, то в градоначальника, то в бедного студента. Он разыгрывал короткие шуточные сценки, иногда ещё и остросатирические. Зрители улыбались и аплодировали. Публика начала прибывать — встала плотным полукругом вокруг ступеней ратуши. В призывно раскрытый чемоданчик посыпались первые монеты.

Яна с Бонифасом стояли чуть поодаль, поэтому первыми заметили, что буквально в двадцати метрах от них готовится ещё одна артистическая площадка. Конкуренты? Одетый в яркую красно-жёлтую одежду, на площадку вышел жонглёр и принялся развлекать публику, подбрасывая в воздух яблоки. Часть зрителей, особенно те, что были с детьми, переключились на него.

Яна с Бонифасом переглянулись.

— Наш лучше, — авторитетно заявил дворецкий. Понаблюдав, как малышня восхищается жонглёром, добавил: — Только ему бы ещё мандолину. Музыку все любят: и взрослые, и дети.

Чуткий Бонифас, конечно, тоже заметил, как мечтательно смотрел Этьен на инструмент. Для уличного артиста это, можно сказать, орудие производства. Музыкой легко украсить любой номер — она всегда привлекает внимание. Если Этьен будет зарабатывать себе на жизнь

выступлениями на городских площадках, то инструмент ему просто необходим. Но цена! Даже если Бонифас и Яна сложат вместе всё, что у них осталось, и то не хватит.

— А что если нам тоже поучаствовать в "щедрой" ярмарке? — заговорщики предложил Бонифас. — Во время уборки мне попадались кое-какие вещи, которые, мне кажется, нам не пригодятся.

Яна сама секунду назад хотела именно это предложить Бонифасу.

Сказано-сделано. Уже через час Яна со своим дворецким раскладывали на одном из прилавков товар, который представлял собой разношёрстную мелочёвку: щётки для одежды, набор для бритья, несколько пустых бутылей для хранения жидкостей, подставка под зонты (просто в лавке их было две, зачем им вторая?) и ещё с десятков всякой всячины. Яна и Бонифас надеялись выручить около пятидесяти луардов, а дальше идти к даме, которая продаёт мандолину, и торговаться до победного конца.

Они приветливо зазывали покупателей, но не очень-то те заирились. При том, что на соседних прилавках похожие товары расходились неплохо. Прошло около часа, а к их лотку так никто и не подошёл. Яна начала понимать почему. Похоже, горожане догадались, что на лотке предметы из проклятой лавки, и побаивались не то что купить, а хотя бы просто поинтересоваться.

Яна уже было совсем поставила крест на затее, как вдруг к их лотку бодренькой походочкой подошёл первый покупатель. Она глазам своим не поверила. Удивило даже не то, что нашёлся-таки смельчак, а то, кто этим смельчаком оказался — Моррис.

Он же уезжал из города на четыре дня. Выходит, уже вернулся. Такой свежий. На курорт, что ли, заскакивал? Последний раз, когда Яна его видела, он был не в форме.

Поздоровавшись, Моррис с исключительно заинтересованным видом взял с прилавка один из товаров.

— Это что? — любопытствовал он.

— Венчик для взбивания теста, монсир, — ответил Бонифас.

Моррис довольно кивнул — будто всю жизнь мечтал о венчике для теста и вот, наконец-то, близок к исполнению мечты.

— В какую цену?

— Один луард. Прошу заметить, монсир, очень качественный венчик. Им можно взбивать и мягкое тесто, и кремы, и сливки.

— Полезная вещь, — безоговорочно согласился с Бонифасом Моррис, словно в его планы входило регулярно месить тесто.

— А это что? — покрутил он в руке ещё одну из вещиц.

— Ситечко для чая.

— Надо же, — ухмыльнулся Моррис и снова чему-то обрадовался.

— Два луарда, — выдал Бонифас.

Вообще-то, за ситечко они собирались просить пол луарда, но дворецкий тонко учуял заинтересованность покупателя и решил повышать ставки.

— Беру всё за двести луардов, — заявил Моррис, лишая обоих продавцов дара речи.

Ну явно же какой-то подвох. Все эти венчики-ситечки не нужны Моррису даже даром, не то что за двести луардов.

— Будут условия? — подозрительно прищурилась Яна, показывая, что её не проведёшь.

— Всего лишь одно. Я покупаю весь ваш товар за двести луардов, а вы соглашаетесь принять от меня подарок.

Неожиданно.

— Какой? — ещё сильнее сощурилась она.

— Самый невинный — платье. Я собственно и шёл вам его вручить.

Яна судорожно пыталась понять, какой может быть подвох в платье. Вроде бы никакого. Хотя всё равно подозрительно.

— Я приму подарок, и буду чувствовать себя обязанной.

— Ну что вы, никаких обязательств, — Моррис обворожительно улыбнулся. Ага, так Яна и поверила в его обворожительность. Викинги опасные. — Хотя об одном одолжении я всё же вас попросил бы. Примите приглашение на ужин. Ни к чему не обязывающий ужин, — тут же уточнил он, заметив, как нахмурились Яна. — Мне бы польстило, если бы вы пришли как раз в новом платье.

Яна пребывала в сомнениях. Не слишком ли много Моррис хочет: и платье, и ужин? Хотя с другой стороны, если он прямо сейчас купит у них весь этот хлам за целых двести луардов, они смогут тут же приобрести для Этьена мандолину, и у них останется ещё целых сто! Уж не такая каторга поужинать с викингом. Соглашаться? Но ведь он явно что-то задумал. Сомнения так захватили Яну, что она не заметила, как к лотку подошёл ещё один покупатель.

— Беру всё за триста луардов.

И кто же такой щедрый?

Яна с удивлением узнала в покупателе Блез. Тоже тесто собрался месить?

Бывают люди, которые одним появлением накаляют обстановку. Яна почувствовала, как напрягся Бонифас, а оба покупателя схлестнулись взглядами.

— Простите, монсир Блез, но вы опоздали, — вежливо отфутболила его Яна. — Товар уже продан.

Уж лучше ужин с Моррисом, чем любая сделка с Блезом.

Глава 33. В чём подвох?

Глава 33. В чём подвох?

— Вам упаковать? — невозмутимо поинтересовался Бонифас у Морриса.

Яна уже хорошо знала своего дворецкого, чтобы разглядеть через его невозмутимость, насколько он доволен сделкой.

— Буду благодарен, — кивнул викинг.

Конечно, будет. Унести в руках всю разношёрстную мелочёвку, которую он только что приобрел, весьма проблематично.

— В корзину? — уточнил Бонифас.

Моррис снова кивнул. Выбора-то у него не было. Другой упаковкой, кроме корзины, дворецкий и Яна не располагали. В ней они всё это добро сюда и принесли.

— Она будет стоить вам двадцать пять луардов, — тут же воспользовался ситуацией Бонифас. — Очень ценная лоза.

Вот жук! По правде говоря, красная цена в базарный день этой корзине пять луардов. Время сыграло с ней злую шутку. Она была потрёпанная и разохшаяся. Однако Морриса ни заломленная кругленькая сумма, ни плачевное состояние упаковки не смутили. Он достал бумажник и невозмутимо отсчитал двести двадцать пять луардов.

Блез наблюдал за продавцами и покупателем с холодной отстранённостью. И, убедившись, что ему ничего не светит, распрощался и испарился. Вот и чудесно. Даже как-то светлее сделалось.

— Поздравляю, — Бонифас протянул корзину Моррису. — Вы стали счастливым обладателем поистине полезнейших вещей.

Моррис принял "полезнейшие" вещи и всё с той же обворожительностью, какая неожиданно сегодня на него снизошла, произнёс:

— Посыльный сейчас дежурит возле лавки, чтобы передать вам мой подарок, как только вы вернётесь.

— Хорошо, — смирилась Яна.

Договор, что называется, дороже денег. Раз уж она пообещала, то примет, что бы там ни было.

— Я буду у вас в семь вечера, чтобы отвезти на ужин.

А вот это уже нет. Никакой конкретной даты не оговаривалось. Почему сегодня? Яне нужно время понять, что за подвох готовит Моррис.

— К сожалению, должна отказать. Сегодняшний вечер у меня расписан по минутам. Столько дел, столько дел, — Яна посмотрела на Бонифаса, и тот с солидным видом подтверждающе кивнул.

Нет, ну дела-то действительно есть — вон, тайник надо вскрывать, с письмом из столицы разбираться.

— Хорошо. Тогда завтра в семь, — гнул своё обворожительно опасный викинг.

"Завтра" — это был относительно компромиссный вариант, и Яна решила согласиться. Тем более, что времени долго спорить не было. Вдруг кто-нибудь купит мандолину, пока они тут разглагольствуют?

— Договорились.

Моррис её ответом остался доволен (он, вообще, сегодня какой-то подозрительно довольный) и отчалил вместе с венчиком, ситечком и прочим снаряжением.

Как только, он отошёл на несколько шагов, счастливые Яна и Бонифас помчались покупать мандолину. Им повезло — на инструмент пока никто не позарился, и продавщица даже сделала небольшую скидку.

Теперь предстояло обрадовать Этьена. Он по-прежнему развлекал публику перед входом в ратушу. Зрителей было немало, ему удавалось постоянно держать их внимание. Но как же, оказывается, Яна и Бонифас вовремя с мандолиной! Этьен уже перешёл от миниатюр к исполнению сатирических куплетов. Какой приятный голос! Яна всегда была

неравнодушна к бархатным баритонам, а у кузена был именно такой.

Только петь ему приходилось а капелла — без музыкального сопровождения. Но Бонифас это исправил. С невозмутимым видом, будто так и было задумано, он прошествовал к Этьену и протянул мандолину. Тот сбился. Но всего на одно счастливое мгновение, которое дало ему понять, что это подарок от друзей.

Его руки знали, что делать. Инструмент мгновенно отозвался на ловкие движения пальцев, и на зрителей полилась музыка. Этьен даже не смотрел на струны. Опыт позволял играть не глядя. Но Яна знала, что потом, дома, он будет долго и благоговейно рассматривать мандолину и наслаждаться мыслью, что стал её хозяином.

А пока он продолжал выступление, теперь уже музыкальное. Звуки получались весёлыми и задорными — под стать ярмарочному настроению, а сами тексты куплетов — зубастыми.

Наш орешник засыхает —

Нужно расчищать канал.

В ратуше большой начальник

Совещание собрал.

"Как решать проблему будем?

Денег нет в казне", — сказал.

Может дать ему лопату,

Чтоб вручную расчищал?

Публика хохотала и аплодировала, но Яна заметила, как один из зрителей, нервно потоптавшись на месте, протиснулся сквозь толпу и быстрым шагом удалился. Может, это и был один из начальников ратуши? Побоялся народной лопаты?

Ярмарка начала сворачиваться только к вечеру. За это время Этьен сделал в своём выступлении всего один перерыв на обед. Обедали они всей компанией прямо на площади за раскладным столиком, купив на полевой кухне всего самого вкусного — и куриную похлёбку, и жареных колбас, и печёных лепёшек. Гулять так гулять! Сегодня они могли себе это позволить. Сегодня они были богатенькими буратинами. Мало того, что Яна с Бонифасом выгодно продали хлам, так ещё и Этьену щедрые горожане накидали монетками целых сорок три луарда. Если бы так можно было зарабатывать каждый день, так вообще бы проблем не было. Жаль, что "щедрые" ярмарки бывают только раз в месяц.

По возвращении в лавку Яну ждал обещанный подарок от Морриса. Посыльный передал ей упакованное в аккуратный чехол платье. Кто-то мог бы, наверное, чинно заниматься делами, а на подарок взглянуть попозже. Но Яну распирало любопытство. Самым же первым делом она отправилась в свою комнату, чтобы изучить презент.

Ох, ну, Моррис не стал мелочиться. Платье было роскошным. Гладкий, прохладный на ощупь материал отливал разными оттенками зелёного в зависимости от угла зрения. Лиф по местной моде — облегающий, юбка — чуть более свободная. Мелкие изумрудные камешки изящно украшали вырез горловины. Но что больше всего удивило — так это полупрозрачная вставка на спине, которая широкой узорной полосой спускалась до самой талии. Очень красиво. Хотя, пожалуй, немного нарушает местные консервативные устои. А викинг, выходит, любит пооткровеннее?

Яна смотрела-смотрела на платье, смотрела-смотрела... и... девочки поймут... не выдержала, чтобы не примерить.

Оно село хорошо — прильнуло к телу так мягко и ласково, будто признало Яну хозяйкой. Хотелось повертеться перед зеркалом, и Яна с удовольствием повертелась. Платье ей шло. Одно непонятно — зачем Моррису так настаивать на подарке. Яна разворачивалась к зеркалу и так, и этак, пытаясь разглядеть в изумительной работе местных мастериц какой-то подвох, но не находила.

Она ещё не успела переодеться в свою обыденную одежду, как в дверь постучали.

— Минутку.

— Вивьен, — раздался из-за двери взволнованный голос Этьена. — Идём скорее. Мы взломали тайник!

Глава 34. Должно быть что-то ещё!

Глава 34. Должно быть что-то ещё!

— Даже не надеялся, что так скоро увижу тебя снова, — магистр встретил Морриса на ступенях храма и по-отечески обнял. — Ты как раз вовремя. У нас ужин, — он увлёк гостя за собой в трапезную.

По правде говоря, Моррис не собирался сегодня наведываться в храм. Идея пришла после того, как он посетил "щедрую" ярмарку и неожиданно для себя приобрёл целую корзину хозяйственных

принадлежностей. Он и на ярмарку-то не собирался идти, просто не застал Вивьен в лавке и решил поискать. А когда увидел её, осознал, что соскучился, испытал необъяснимую радость и непреодолимое желание купить скопом, всё что они с дворецким продавали, чем бы оно ни было.

И только после того, как стал, говоря его словами, счастливым обладателем "полезнейших" вещей, задумался, куда их девать. К счастью, быстро вспомнил, что в храме есть хозяйственный двор, где всё это может пригодиться.

— Вот, был на ярмарке, купил кое-что для храма, — кивнул Моррис на корзину.

Магистр с любопытством взглянул на подарок и довольно хмыкнул.

— А ты изменился. Вижу, что созрел для брака, — Модестайн усадил за стол и поделился своей нехитрой едой. — Мне нравится, что именно я проведу тебя и твою невесту через все семь брачных процедур. Кстати, ты так и не сказал, когда первая.

Если бы Моррис знал. Его пока-не-жёнушка состоит из одних секретов — поди пойми, как к ней лучше подступиться. Но первые шаги сделаны. Моррис был доволен собой. Одно платьице с секретом и приглашение на ужин убьют сразу двух зайцев. Во-первых, Моррис сможет проверить, правда ли то, что ему показалось, когда он увидел Вивьен полуобнажённой. А во-вторых, поздний разговор при свечах располагает к откровенности. У него будет возможность спросить напрямую, почему она передумала завершить брачную процедуру и что ей мешает начать новую.

— После того, как ты почистил и смазал храмовые часы, они стали идти точнее, — не дождавшись ответа на вопрос, начал новую тему магистр. — Но всё равно, спешат на несколько секунд в день.

— Механизм старый — видно, одной смазки мало, — предположил Моррис. — Но я выберу время заняться часами более основательно.

В уголках глаз Модестайна собрались морщинки — доволен.

— Ты стал ответственным и... — он ещё раз скользнул взглядом по корзине, — хозяйственным. Как раз такой градоначальник нам и нужен. Ты думал о моём предложении?

Занять пустующее кресло? Да, Моррис думал. Когда возвращался от дамарицев, он специально сделал небольшой крюк, чтобы собственными глазами взглянуть на плантации горького кофейного

ореха. Увиденное сильно опечалило. Кустарники выглядели чахлыми, листва пожухла, плодов почти не было. Дело ли в том, что на плантации попадает мало дождевой воды из-за засорённых каналов или виной всему нашествие вредителей, сразу не поймёшь. Зато кое-что было понятно моментально — городские власти пустили всё на самотёк.

Моррис помнил, какими зелёными и обильно плодоносящими были плантации когда-то. Ему настолько захотелось вернуть им былое процветание, а родному городу — источник доходов, что он и впрямь задумался о должности градоначальника.

— Я мог бы стать главой ратуши временно, — ответил Моррис магистру. — На несколько недель.

Он понимал, что застрял здесь минимум на месяц, так почему бы не посвятить время тому, к чему лежит душа, тем более, что основное дело налажено было так, что не требует его вмешательства. Сегодня утром Моррис получил очередной отчёт от главного управляющего Тальскими шахтами, из которого следовало, что объёмы добычи магических минералов только растут.

— Тогда на ближайшем заседании совета ратуши я внесу твою кандидатуру, — оживился магистр.

— Как, думаешь, проголосует совет?

— Полагаю, желающих проголосовать против тебя не найдётся, — усмехнулся Модестайн.

Яна выскочила из своей комнаты, так и не переодевшись. Решила сделать это потом. Хотелось поскорее взглянуть, что же хранится в тайнике Жюля.

Уже через минуту она стояла возле шкафа, в котором Бонифас обнаружил тайник. Металлическая дверца была открыта настежь, при этом почти не покорёжена — вот у Яны какие мужчины сноровистые!

— Без вас мы не стали ничего тут трогать, — объяснил дворецкий.

То есть почётное право обшарить хранилище предоставили Яне.

Этьен подсветил переносной лампой внутреннее пространство. Тайник оказался достаточно вместительным и... практически пустым. Яна обнаружила только одну коробочку.

Сердце забилось сильнее. Она догадывалась, что внутри — артефакт из обсидиана. Легендарная вещица, которая круто изменила всю жизнь Жюля. Из-за неё он забросил артефакторное дело, из-за неё

покинул лавку. Это место считается проклятым тоже из-за неё.

Станным было только то, что этот мифический артефакт, который принёс столько бед, ничего плохого не сделал пока ни Яне, ни Бонифасу, ни Этьену. Конечно, возможно, все неприятности ещё впереди, но пока жизнь не спешит катиться под откос, а наоборот, налаживается. Однако всё же Яна не решилась открывать коробку в присутствии своей команды. С ней самой точно ничего страшного не случится (разве стал бы дядюшка ей лавку завещать, если бы не был уверен, что тут для племянницы безопасно?), но никто не гарантировал безопасность Этьену и Бонифасу.

— Лучше я открою это в своей комнате. А то мало ли...

Мужчины возражать не стали.

Яна вернулась к себе и, затаив дыхание, извлекла из коробки кулон. Именно так она и представляла обсидиановый артефакт — чёрный с зелёными прожилками камень в обрамлении чёрного металла. Этот предмет должен был помочь графу Шерези-Шико невредимым пробраться на земли дамарийцев и найти свою дочь, сбежавшую к дамарийскому юноше.

Если артефакт до сих пор в рабочем состоянии, то, выходит, с помощью него и Яна может пробраться на земли дамарийцев и найти дочь графа. Теперь Мериан уже в возрасте и у неё, наверное, подрастают дети-полукровки. Интересно было бы с ней познакомиться, а ещё интереснее пообщаться с дамарийцами о перемещениях между мирами. Только вот у Яны возникли сомнения, что артефакт до сих пор действует. Она не чувствовала исходящей от него энергии, не чувствовала, вообще, ничего. А ведь должна была! Её артефакторский дар отозвался бы на кулон, если бы в нём была магическая сила.

Там, в тайнике, должно быть что-то ещё! Что-то такое, что оживило бы артефакт. Без этого чего-то кулон — простая бижутерия, не больше. Наверное, Яна невнимательно обследовала хранилище.

Она оставила артефакт на столе, а сама снова отправилась к тайнику. Бонифаса и Этьена в комнате уже не было. Зато был Кузя. Причём, он не придумал ничего лучшего, как залезть внутрь хранилища и сверкать оттуда зелёными глазами.

— Ну вот, Кузя, вместо того, чтобы помочь, мешаешь, — Яна одной рукой гладила своего любимца по спине, а другой шарила по дну и стенкам.

Чтобы дотянуться до дальних углов, пришлось чуть ли не самой залезть внутрь. В какой-то момент Яна услышала за спиной неожиданный звук и инстинктивно резко выпрямилась, ударившись головой об верхнюю планку тайника. Ай! Но голова-то ничего — выдержала. Хуже, что одновременно с ударом Яна почувствовала, что ткань платья за что-то зацепилась...

Глава 35. Сильный тёмный дар

Глава 35. Сильный тёмный дар

Надо было видеть, как оба диверсанта — и Этьен, и Бонифас, корили себя и друг друга, что подошли к Яне, исследующей тайник, почти беззвучно, чем сильно напугали.

Она, потирая ушибленный затылок, успокаивала их, что сама виновата — слишком увлеклась, поэтому и не услышала их шагов. Да ведь и ничего страшного не случилось. Шишка от ушиба быстро пройдёт, а чуть надорванное в области спины платье можно зашить.

— Я сам починю его тебе, — вызвался Этьен. — Я умею.

Яна подарила кузену удивлённую улыбку.

— Мне не раз приходилось самостоятельно подгонять под себя театральные костюмы, — объяснил он. — Завтра, прелесть моя, твоё платье будет как новое. Даже лучше.

Когда Яна переделалась и отдала кузену на починку свою пострадавшую обновку, она и представить не могла, что такое "лучше" с точки зрения творческого человека.

Вечер Яна снова посвятила чтению записей Жюль. Надеялась найти там ответы на вопросы, которые пока только множились. Взять, к примеру, тайник. Она ведь так и не обнаружила в нём ничегошеньки, кроме коробки с неактивным артефактом. У Яны даже закрались мысли, что тайник в шкафу Жюль сделал для отвода глаз. Это обманка для воришек. Уж слишком легко тайник отыскался. Что может быть более предсказуемым, чем шкаф со встроенным сейфом? Да и взломать тайник труда не составило — потребовалось всего лишь немного грубой мужской силы. Никакого хитрого магического замка. Может, где-то, в гораздо более неожиданном месте есть ещё один тайник с гораздо более интересным содержимым?

Яна с интересом погрузилась в чтение. На той странице, где она в прошлый раз остановилась, про тайник, правда, речи не шло. Но, тем не менее, от истории захватывало дух. Рассказывалось, что произошло после того, как маленькая Вивьен потерялась в лесу. Поиски шли круглосуточно, но результатов не дали. На шестой день они были остановлены, надежды угасли. Но к концу второй недели Вивьен неожиданно нашлась. Один из жителей пригорода заметил девочку сидящей на траве и играющей с соломенной куклой недалеко от берега реки.

Родители плакали от радости и не верили своему счастью, однако быстро заметили, что с малышкой что-то не так. Она не узнавала близких, была замкнутой и молчаливой. Стало понятно, что она побывала у дамарицев, и они сильно напугали её, а может даже, провели над ней свой ужасный ритуал. Кое-кто полагал, что они специально выкрали девочку, чтобы воздействовать на неё своей страшной магией и через неё наслать проклятья на людей графства и их земли.

Самым лучшим выходом посчитали провести над малышкой очистительный ритуал, который снимает любые заклятья. К нему прибегают крайне редко, потому что он очищает не только от заклятий, но и от магии. Навсегда. Обратного пути нет. Однако все, даже родители, считали, что так будет лучше для Вивьен.

В записях Жюля не было описано, как проходит ритуал. Но информацию о нём, наверное, можно будет найти в одной из книг, которые Яна захватила с собой. Упоминалось только о том, что после проведения ритуала на теле, чуть выше поясицы, появляется метка. Поэтому тех, кто прошёл через это испытание, называют помеченными.

О том, что собой представляет метка, не было ни слова. И вот тут Яна призадумалась. Дело в том, что у неё как раз где-то в описанном районе спины был небольшой зигзагообразный шрам. Он там с раннего детства. Откуда взялся, не знали даже воспитательницы интерната, в котором Яна росла.

Сейчас шрам стал белёсым и почти не заметным. Но возникал вопрос, не мог он быть как раз той меткой, которая остаётся, после очистительного ритуала? Это разрушило бы всю, выстроенную в голове хронологическую цепочку. Яна считала, что их с двойником поменяли в тот момент, когда одна девочка потерялась, а другая нашлась. Но если

так, то помеченной должна быть Вивьен, а не Яна.

Она отложила записи дядюшки и принялась искать в книгах упоминание об очищающем ритуале. Листала их часа два, пока наткнулась на нужную информацию. Когда прочла, вздохнула с облегчением — метка, которая остаётся после ритуала очищения, ни на какой шрам не похожа. Её, вообще, могут видеть немногие — только сильные маги. И это означало, что шрам Яны — просто шрам. Поранилась обо что-то в детстве — вот и всё.

Следующий день был так насыщен делами, что пролетел незаметно. Яна с Кузей и Бонифасом занимались хозяйством. Кузя, разумеется, взял на себя самую главную задачу — наблюдал и мысленно руководил, а остальные участники процесса наводили порядок, разбирали завалы, мыли и чистили. В лавке становилось всё уютнее. Любо-дорого смотреть.

Этьен же отправился на площадь в надежде дать небольшое выступление. Конечно, в рабочий день сложно собрать много зрителей, но в центре города всегда найдутся прохожие.

Вернулся он довольный — какой-никакой улов есть, и сразу же пошёл дорабатывать платье для Яны. Для неё оставалось загадкой, как он справится с проблемой, ведь задета была полупрозрачная вставка на спине. Сделает на месте повреждения фигурную заплатку?

Нет, Этьен поступил по-другому. На месте повреждения была не фигурная заплатка, а фигурный вырез. Элегантный слегка вытянутый ромб, обшитый по краям тесьмой в тон платья. Он будет открывать взору часть спины. Этот элемент смотрелся гармонично на полупрозрачной вставке. Будто так и было задумано.

— Нравится, моя прелесть? Маман любит такой фасон.

— Красиво.

В земном мире платье посчитали бы верхом изящества. Яна видела что-то подобное на голливудской звезде, когда той вручали Оскар. Но для этого мира — довольно смело.

— Платье вышло необычным, да? — лукаво улыбнулся Этьен, — Предназначенным для особых встреч. Но ты пока не решила, считать ли встречу с бывшим женихом особенной?

Это был не вопрос, а констатация факта. Не зря считается, что артисты хорошо разбираются в амурных делах. Кузен учуял все нюансы. В предстоящем ужине действительно нет ничего романтического. Яна согласилась на него под давлением обстоятельств, а Моррис, вообще, готовит какой-то подвох.

— А раз так, я подумал, что к такому наряду нужна накидка, — как добрая фея из "Золушки", Этьен достал из пакета удлинённую пелерину. — Вот, купил сегодня в модной лавке.

— Мррряяяя, — одобрил Кузя.

Яну затопило чувство благодарности. Этот подарок был гораздо больше, чем красивая вещица. Этот подарок — братская забота. Платье ведь и до того, как с ним вынужденно поработал Этьен, было довольно откровенным. Кузен беспокоился, хотел подстраховать.

— Теперь ты хозяйка положения. Будет прохладно, можно кутаться в накидку, а станет жарко, можно снять.

Это он сейчас о температуре в помещении?

Время двигалось к семи часам. Пора было переодеваться к ужину. И почему-то только в этот момент Яну озарила догадка, которая должна была бы прийти раньше. Что если Моррис специально выбрал платье с полупрозрачной вставкой на спине, чтобы проверить, есть ли на Яне метка? Он ведь вполне мог знать историю о пропаже Вивьен, и о том, что родители решились её пометить. Хочет убедиться, что это так? Ему нужна обнажённая спина Яны? Какой наглый хитрый викинг! Нет, так просто доступ к спине он не получит! Яна надела пелерину и наглухо завязала завязки.

Моррис явился ровно к семи, как истинный джентльмен — ни минутой раньше, ни минутой позже. Проводить Яну вышли все трое её мужчин: Кузя, Бонифас и Этьен. С последним Моррис ещё был не знаком, поэтому Яна представила ему кузена.

Вся троица явно давала гостю понять, что они рады ему или не рады в зависимости от обстоятельств и его поведения. Они именно так ему и улыбались — условно приветливо. Мол, волос с её головы упадёт, мы за себя не отвечаем, а так-то мы белые и пушистые.

Моррис мужественно выдержал условно приветливых и, взяв Яну под локоток, повёл к экипажу.

— Вечер сегодня душный, не находите? — поинтересовался он, как

только они заняли места.

Этим вопросом викинг выдал себя с головой. Сомнений оставалось всё меньше — он нацелился на её поясницу. Будет постоянно намекать на жару и необходимость расстаться с накидкой. То есть вечер обещает быть весьма нескучным.

— Не замечаю духоты. Напротив, ветерок довольно свежий, — невинно улыбнулась ему Яна.

Сам-то тоже в рубашке с длинным рукавом и, к слову, ни одной полупрозрачной вставки.

— Вы никогда не бывали в Рамин-Стивье? — сменил Моррис тему. — Приятная пригородная таверна на берегу озера. Мы направляемся туда.

Яна ещё почти нигде не бывала. Звучало вполне приемлемо.

Экипаж пересёк площадь и свернул в одну из боковых улочек. Яна расслаблено глядела в окно, и вдруг её взгляд выхватил нечто тревожное. Настолько тревожное, что она настороженно прильнула к окну. Жанетт. Она мчалась по мостовой. Почему-то в одной сандалиии. Яна моментально оценила ситуацию.

— Остановите! — крикнула она кучеру, и на ходу начала вылезать из экипажа.

Малышка бежала из последних сил, а за ней гнался всё тот же уродец, от которого они пару дней назад спасались в лавке. Ему что, прошлого раза мало было? Он уже практически настиг Жанетт. У Яны сердце остановилось от мысли, что его мерзкие лапы сейчас схватят девочку.

— Убью, мелкая дрянь!

Малышка тоже чувствовала, что сейчас окажется в его свирепой хватке, она развернулась, потеряла скорость и равновесие, и запнулась. В груди снова похолодело. Но девочке не дали упасть. Моррис успел раньше Яны в три прыжка достичь места событий и подхватил Жанетт на руки. Громила вместо девочки поймал воздух и грохнулся на мостовую.

Парой секунд позже к ним подбежала Яна. Она ощущала, какая в Моррисе бушует ярость. Таким суровым и жёстким она его ещё не видела. Голубые глаза стали дикими и стальными. Он аккуратно передал ей девочку.

— Ребёнку не нужно видеть, что сейчас произойдёт, — тихо

произнёс он.

Яна прижала головку Жанетт к своему плечу и сама тоже отвернулась. Почему-то вспомнились строчки из записки двойника:

...у него скверный тяжёлый характер и сильный тёмный дар...

Глава 36. Самый сильный в мире!

Глава 36. Самый сильный в мире!

Яна почувствовала, как в одно мгновение похолодало. Казалось, будто из душного летнего вечера её перенесло в студёную позднюю осень. Поднялся ветер, который продувал насквозь. Ощущение было настолько неуютным, что она быстрым шагом пошла к экипажу с малышкой на руках.

Яна заскочила внутрь, усадила Жанетт на лавку и только тогда перевела дыхание. Она поняла, что Моррис решил провести с громиллой воспитательную работу при помощи тёмной магии. Наверное, негодяй ждёт непередаваемо ужасные ощущения, если даже просто стоять невдалеке было жутко. Но в сердце не закралось ни капли сострадания к бородатому недоумку. Умела бы Яна насылать проклятия, сама бы давно наслала. Какое-нибудь поизощрённое. Как можно обижать маленьких?! Такую доверчивую беззащитную кроху?

Яна нежно прижимала Жанетт к себе и шептала ей на ухо успокаивающие слова. Какого страху малышка натерпелась. И куда, спрашивается, Матушки смотрят? Почему не доглядели за ребёнком, почему не защитили? Но корила она не только их, но и себя. Если бы получилось сделать для Жанетт правильный артефакт, малышка бы перестала сниться всем подряд и таким вот криминальным элементам в частности.

Правильно ли Яна поступает, что пока ничего с волчком не делает, а просто держит его под подушкой? Долго ещё нужно его там держать, чтобы от него появился хоть какой-то толк? Яна надеялась, что после нравоучительной беседы с Моррисом у громилы пропадёт желание преследовать Жанетт, но где гарантия, что какой-нибудь другой не блещущий умом негодяй не причинит ей вреда?

Яна ещё не нашла ответы на эти невесёлые вопросы, когда в экипаж вернулся Моррис. Он выглядел совершенно спокойно и невозмутимо — как обычно. В нём не осталось ни капли того

разъярённого и негодующего Морриса, каким он был, когда спасал малышку из лап полоумного бородача.

— Больше он тебя не побеспокоит, — он взглянул на девочку совершенно серьёзно. Так серьёзно, что они обе сразу поверили: и Яна, и Жанетт. — А теперь расскажи, где ты живёшь. Мы отвезём тебя к родителям.

Вместо Жанетт отвечать Моррису взялась Яна. Она сообщила, что девочка живёт в приюте. Кучеру дали распоряжение ехать в нужном направлении, а Жанетт со всей детской непосредственностью принялась рассказывать Моррису про своё проклятие. Самое ужасное в мире.

Моррис невольно сравнивал, какой девочка была в его сне и какой оказалась в жизни. Во сне она разговаривала как взрослая. Она будто укоряла, что он не рассказал Вивьен о своей тайне. Она сказала то, что сам Моррис не хотел себе говорить, заставила думать о том, о чём он старался не думать. Она является во снах, чтобы сказать неприятную правду, от которой сам человек пытается спрятаться. Действительно, тяжёлое проклятие. Страшно представить, с какими словами девочка явилась во сне Херву, который за ней гнался. Моррис догадывался, насколько грязные делишки могут числиться за этим бандитом. Он знал его ещё с юности. Уже тогда Херв водился со всяким отребьем. Их компания промышляла набегами на плантации. А потом они и вовсе занялись перепродажей запрещённых зелий.

Моррис всегда испытывал по отношению к Херву неприязнь — в его привычках было задеть того, кто слабее. Но когда глазам открылась премерзкая картина, как он с угрозами гонится за беззащитным ребёнком, в Моррисе всколыхнулась уже не неприязнь. Тёмная жуткая лютость вырвалась изнутри наружу. Такое не должно было случиться, ведь всего пару дней назад Моррис прошёл через очищающий огонь дамарийцев, но, тем не менее, он не смог удержать контроль над собой. Однако впервые Моррис не жалел о том, что произошло.

— В нашем городе не осталось, наверное, ни одного человека, которому я не снилась, — делилась с ним девочка. — А может, и во всём мире.

Её зелёные глаза взметнулись на него. Доверчивые, хотя весь мир против неё. Пожалуй, только дети умеют прощать судьбе несправедливость и ждать, что чудо всё равно произойдёт.

— Никто не любит, когда я снюсь, — вздохнула малышка. — Но тот бородатый монсир больше всех. Он опять подкараулил меня и погнался. Я убегала, а он кричал: "Убью!".

Скорее, Моррис его приберёт. Кажется, получилось очень доходчиво объяснить Херву, что он жив, пока не подходит к Жанетт ближе, чем на пушечный выстрел.

Моррис не умел обращаться с детьми. Как-то ни разу не приходилось. Но ему хотелось найти слова, чтобы утешить ребёнка.

— Тот монсир понял, что был не прав. Мы с ним поговорили, и он попросил передать, что приносит тебе извинения.

Моррис не знал, те ли слова он произнёс, но заметил, что Вивьен едва заметно улыбнулась. Её улыбка ему тоже была нужна. Он видел, как она сильно расстроена из-за того, что произошло. А с недавних пор, ему не стало нравиться, когда она грустит.

Девчушка на слова Морриса прореагировала неожиданно. Её лицо сделалось лукавым.

— Я видела, как вы разговаривали, — созналась она и тут же добавила: — Я знаю, что вы просили не смотреть, но я совсем чуть-чуть. Я только один раз открыла глазки, и сразу закрыла.

Как много она успела увидеть? Как-то приятель, обзаведшийся семьёй и тремя детьми, сказал о своих отпрысках в частности и о детях в целом: не покупайтесь на их милые личики — в каждом ребёнке живёт чертёнок, цель которого — перевернуть вашу жизнь вверх дном.

— Монсир, вы дамариец? — подтверждая слова приятеля, спросило это невинное любопытное создание.

— Конечно, нет!

— А что это был за тёмный дым, которой обволок бородатого монсира?

Отвечать на вопрос, к счастью, не пришлось. Экипаж как раз подъехал к приюту и остановился.

Моррис подхватил девочку на руки. Получилось само собой, произвольно. Малышка была в одной сандали. Вторую потеряла, видимо, когда убегала от Херва. Моррису не хотелось, чтобы ребёнок ступал по холодной земле босой ногой.

Бесёнок не возражал — напротив, доверчиво обвил шею руками. Моррис вынес её из экипажа. Вивьен шла следом.

— Монсир Моррис, а вам я снилась? — немного настороженно

спросила Жанетт.

— Да, — не стал он лгать.

— Это был неприятный сон? Что я сказала?

— Правду.

— И вы всё равно на меня не сердитесь?

— Разве на правду можно сердиться?

— Матушка Лилиет тоже так говорит. Она добрая. Самая добрая в мире. И вы добрый, — с детской непосредственностью заверила малышка. — А ещё сильный. Самый сильный в мире!

В груди родилось незнакомое щемящее чувство.

— Только сегодня с нами другая Матушка — Изидора.

К этой другой Матушке у Морриса было много вопросов. Как только она вышла из приюта навстречу, он сразу же и спросил, почему не уследила за девочкой.

— Вы знаете, что Жанетт — особенный ребёнок? Её нельзя оставлять без присмотра.

— Конечно, знаю — я тоже вижу сны. Но что я могу поделаться? Я одна, а их двенадцать, — оправдывалась она. — Поварихи у нас нет. Готовить приходится мне. Как всё успеть? К вечеру я с ног валюсь.

Вид у Матушки действительно был измождённый.

— Мы просили у городского начальства выделить средства на повариху. Просили охрану или хотя бы сторожа. Но ответ всегда один — денег в городской казне на это нет.

Гнать в шею нужно такое начальство! Дети-сироты — это последнее на чём можно экономить. Если до этой минуты у Морриса ещё оставались какие-то сомнения насчёт того, чтобы стать градоначальником, то сейчас окончательно развеялись.

— Охрана и повариха будут, — пообещал он Матушке. — Я организую.

Она недоверчиво покачала головой. Видно, привыкла к пустым обещаниям, которые никогда не выполняются.

— Отнесите Жанетт в опочивальню девочек, — попросила Матушка. — Сейчас всё равно уже пора спать. А к утру я постараюсь найти ей какую-нибудь обувь, — кивнула она на босую ногу малышки.

Та виновато поджала пальчики.

Моррис знал, что обрекает себя на дикую головную боль на ближайшие день-два, но с того момента, как его назвали самым

сильным, он чувствовал необъяснимую ответственность, поэтому всё равно сказал то, что сказал:

— Я забираю Жанетт под свою опеку на пару дней, пока в приюте не будет организована надёжная круглосуточная охрана.

Он знал, что просто не сможет оставить ребёнка под присмотром падающей с ног от усталости Матушки. Любому проходимцу не составит труда зайти в приют и причинить малышке вред.

Вивьен испугала его в удивлённом взгляде. Да Моррис и сам себе удивлялся. Скажи ему кто-то ещё сегодня утром, что он добровольно вызовется сутки нянчиться с ребёнком, он бы воспринял как неудачную шутку. Но вот этот ребёнок у него на руках. И что же ты будешь делать, Моррис? Ты ведь понятия не имеешь, как обходиться с детьми. Наймёшь няню?

Глава 37. Викинг-няня

Глава 37. Викинг-няня

Моррис с Жанетт на руках и Яна вернулись в экипаж. Чинно расселись и...

— Монсир, куда теперь? — спросил кучер, и этим совершенно простым вопросом ввёл викинга в ступор.

Яна тоже была слегка ошарашенной. Она совершенно не ожидала от Морриса того, что он сделал. У неё сердце ныло оставить Жанетт в приюте. После всего, что случилось, вряд ли малышка чувствовала бы себя там в безопасности. И Моррис тоже это прекрасно понимал — пообещал Матушке организовать охрану приюта. Яна сразу добавила ему плюсик в карму, но это она ещё не знала, что он сделает дальше — заберёт Жанетт под свою опеку, пока не будет обеспечена надёжная охрана. Для холостого мужчины это смелый поступок. Надо было видеть, какой радостью вспыхнули глаза малышки. Приютские дети моментально пропитываются тёплыми чувствами к своим защитникам. А Моррис в глазах Жанетт был не просто защитником, а самым сильным в мире защитником. Десять плюсов ему в карму! Но он хоть понимает, на что подписался? Яна взглянула на слегка шальное лицо викинга и пришла к выводу — ему нужна помощь.

— Пожалуйста, отвезите нас в обувную лавку, что на центральной площади, — ответила она кучеру вместо Морриса, а ему пояснила: —

Сейчас начало девятого — ещё успеем до закрытия.

У Яны тоже совершенно не было опыта присмотра за детьми, но женская логика ей подсказывала, что надо решать проблемы в порядке первоочерёдности. А самым насущным в данный момент была босая ножка Жанетт.

Моррису, судя по всему, идея понравилась. К нему вернулась невозмутимость и привычный уверенный вид хозяина положения.

Им повезло. Обувная лавка действительно ещё была открыта. Они вошли внутрь втроём и сразу привлекли внимание обувщика.

— Доброго вечера, дорогие монсир и муазиль, весь к вашим услугам, — расплылся он в улыбке. — Не хотите взглянуть на замечательные театральные женские туфельки? Только вчера закончил над ними работу. У меня и мужских ботинок богатый выбор.

Он суетливо пододвинул пуфики для примерки обуви, приглашая присесть. До Яны только теперь дошло, почему обувщик так старается — они с Моррисом производят впечатление состоятельной пары. Яна-то не в своей поношенной одежде, а в новом шикарном платье, а викинг, вообще, всегда выглядит статусно. Вот обувщик и оживился в надежде хорошо подзаработать.

— Нам нужны детские башмачки, — направил Моррис мысли обувщика в нужное русло.

Тот, кстати, сам бы мог догадаться. Он что, не видит, кто тут в первую очередь нуждается в обуви?

— Так вы за башмачками для дочки?

Почему-то ни Яна, ни Моррис не одёрнули обувщика, что это не их дочь. Наверно, не хотелось тратить время на объяснения. Жанетт тоже возражать не стала, а с детской непосредственностью объяснила продавцу:

— Я потеряла сандалию, — она пошевелила пальчиками на ноге.

Чувствовалось, что с высоты роста Морриса мир стал казаться ей безопасным и спокойным.

— Такого размера башмачков сейчас у меня нет, только домашние парчовые туфельки, — развёл руками обувщик, — но я могу сшить на заказ.

— Сколько займёт времени? — спросил Моррис.

— Если монсиру нужно поскорее, это будет стоить в полтора раза дороже.

— Я доплачу за срочность. Нам нужны четыре пары лучших башмачков на любую погоду.

— Как скажете, — услужливо склонил голову обувщик.

— К завтрашнему утру, — Моррис достал бумажник. — И домашние туфли сейчас.

Обувщик пересчитал купюры и так обрадовался щедрости покупателя, что собственноручно надел парчовые туфельки на ножки юной клиентки, которая не пожелала слезать с рук Морриса на пуфик для примерки обуви.

Жанетт смотрела изумлёнными глазами на свои ноги в розовой парче с золотистыми бантиками. Ещё никогда, наверно, у неё не было такой совершенно не практичной, и одновременно потрясающе красивой обуви.

— В этом можно ходить? — с опаской и удивлением спросила она у Морриса.

— Конечно, — заверил он её, однако на пол не опустил. Так и вынес из лавки на руках.

Яна смотрела на них, и губы непроизвольно растягивались в улыбку. Ей посчастливилось увидеть редчайшее явление природы — викинг-няня. Кто бы мог подумать, что мужчина со скверным тяжёлым характером и сильным тёмным даром может быть не только воинственным, но и заботливым? Яна даже почти простила ему его наглую уловку насчёт платья. Хотя это не означало, конечно, что она добровольно покажет ему спину.

Она собиралась выйти вслед за ними из лавки, но вдруг обувщик преградил ей путь.

— Задержитесь на минутку, муазиль.

Чего ему нужно? Яне не понравилось, что выражение его лица перестало быть приветливым и сделалось напряжённым.

— Что вы хотели?

— Я ведь вас узнал, — сказал обувщик с укором.

Что он имеет в виду? Что Яна хозяйка проклятой лавки? Кое-кто действительно уже стал её узнавать. Но пока никто её за это не упрекал и никто не шарахался. Люди считают проклятой саму лавку, а не того, кто в ней живёт.

— То, что вы затеяли, — плохая идея. Этот номер у вас не пройдёт, — шепнул он ей, и стало понятно, что дело не в лавке.

— Не понимаю, о чём вы?

— Прекрасно понимаете.

— Вы меня с кем-то путаете.

Яне в руку вложили какую-то вещицу.

— Надеюсь, это вас устроит? — он, наконец-то, отступил в сторону, освобождая ей путь к выходу.

Она с радостью воспользовалась возможностью ускользнуть.

— Это плата за молчание, — кинули ей вслед.

Глава 38. Никому кроме себя

Глава 38. Никому кроме себя

Выскочив из лавки, Яна первым делом взглянула на вещицу, которую ей сунул в руку обувщик. Это была красивая аккуратная брошь. Видимо, вещь не дешёвая. И камень, и металл, из которых она была сделана, казались благородными.

Яна спрятала брошь в сумку и скорым шагом направилась вдогонку Моррису. Она собиралась, когда останется одна, изучить вещицу, а потом, при первом удобном случае, вернуть владельцу. Что ещё за "подарочки" за молчание? У Яны не было никакого компромата на владельца обувной лавки, да если бы и был, шантажировать его она не стала бы в любом случае.

Яна видела два возможных объяснения странному поведению обувщика. Либо его что-то связывало с Вивьен, и произнесённые им слова предназначались ей. Но трудно даже представить, какие общие дела могли у них быть, если они жили в разных городах. Либо ему снится Жанетт, и он боится, что малышка успела рассказать Яне то, что говорит ему в его снах. Видимо, за ним водятся грешки, и он не хочет огласки — вот и попытался купить молчание Яны. И как до них всех не доходит, что сама Жанетт не знает, что говорит им во снах? Это же их сны, а не её.

Моррис остановился, поджидая, когда Яна догонит его.

— Присматривали что-то себе? — по-своему объяснил он её задержку. — Давайте вернёмся. Сделаю вам подарок к платью.

Нет уж, спасибо. Яне хватило платья с подвохом.

— Ничего не присматривала. Обувщик задержал. Заверял, что сделает работу качественно и в срок, — слегка приврала Яна.

Она пока не решила, рассказывать ли Моррису о том, что на самом деле сказал ей лавочник.

Они снова заняли места в экипаже, и в этот раз не создавалось впечатления, что Моррис не знает куда ехать.

— Я помню, что обещал ужин. Сейчас наймём няню для Жанетт и отправимся.

И где это, интересно, викинг надеется найти няню поздним вечером? Звучало мало осуществимо.

— У вас есть кто-то на примете?

— Есть, — он многозначительно глянул на Яну.

— Я?

— Вы. Полагаю, лучшей няни мне не найти. Во-первых, вы знаете, насколько Жанетт особенный ребёнок, во-вторых, вы с ней подружились, в-третьих, только вам я доверяю как себе, поэтому никому другому доверить Жанетт не могу.

Третий пункт Яне понравился. Непонятно почему, но было приятно слышать, что викинг ей доверяет. Хотя, конечно, никто не исключал, что он откровенно льстит, чтобы задобрить Яну, потому что другой няни ему в данный момент не найти.

— Как лучшей няне предлагаю вам плату сто луардов в день. Согласны?

Почему-то Яна была уверена, что даже самые лучшие, самые профессиональные няни не получают и половины от названной суммы. А Яна, между прочим, не имеет ни малейшего опыта ухода за детьми. Но, тем не менее, она решила согласиться. Потому, что тоже не может доверить малышку никому кроме себя.

— Договорились.

Жанетт сидела между Яной и Моррисом и переводила свой лукавый довольный взгляд с одного на другого. Чувствовалось, что её очень устраивает развитие событий.

Вот же лисёнок. Яна с радостью поселит её у себя на эти пару дней, пока не наладят охрану приюта.

— Жанетт будет жить со мной в лавке. Там ей ничего не угрожает, — выдала первое распоряжение вступившая в должность Яна.

Она уже видела, какую "тёплую" встречу устраивает её жилище тем, кто хочет навредить хозяйке или её друзьям.

Моррис не возражал. Оно и логично. Сам он, насколько Яна знала,

снимает номер в таверне. Вряд ли малышке будет там уютно.

— Тогда мы с Жанетт выйдем из экипажа прямо здесь, — решила Яна.

От лавки обувщика до её лавки пять минут ходьбы — они обе расположены на центральной площади.

— Но у нас же запланирован ужин, — напомнил Моррис.

— Уже поздно — не выйдет.

Тянуть малышку за город — плохая идея. Хватит с неё сегодня приключений.

Моррис молча кивнул в знак согласия. Конечно, чувствовалось, что ему хотелось бы провести вечер за столиком в пригородной таверне, но он мужественно признал, что Яна права — Жанетт нужен отдых.

И всё бы хорошо, но... эх, добрые мы, девушки. Яна решила принять во внимание всю совокупность мужественных поступков Морриса за сегодня и выдала:

— Могу предложить поужинать у меня.

Сегодня гостиная стала свидетелем небывалого скопления народа — сразу пять человек сидели за столом. Три постоянных обитателя лавки и два гостя — Жанетт и Моррис. И это Яна ещё забыла посчитать Кузю. Он величественно следил за порядком с подоконника.

Ужин был организован Бонифасом, а оплачен Моррисом. Поэтому стол ломился от яств. Яна давно не видела столько деликатесов в одном месте в одно время. Даже в земной жизни.

Бонифас и Этьен из условно приветливых сделались безусловно приветливыми. Этьен развлекал Жанетт, показывая ей мимикой и жестами разных животных. Она заливалась звонким смехом. А Бонифас напротив сделался донельзя серьёзным и важным. Он сообщил, что ему приходилось служить в доме, где были маленькие дети, и он знает абсолютно всё, что касается ухода за ними. Яне расцеловать его хотелось. Хоть кто-то тут действительно может быть настоящим нянькой.

Ужин ещё не закончился, а дворецкий уже пошёл организовать для Жанетт спальное место в комнате Яны. Сегодняшний день и Яну порядком вымотал, и она была очень рада, когда Бонифас вернулся и отчитался, что для отдыха двух муазиль всё готово.

Провожать отужинавшего Морриса отправились Этьен и Кузя —

спасибо им, а Яна и Жанетт поднялись в спальню, быстренько подготовились ко сну и с блаженством плюхнулись в заботливо расстеленные дворецким постели.

У Яны уже стало традицией полистать перед сном записи Жюля. Сегодня она читала их вслух для Жанетт как сказку перед сном.

— Матушка Лилиет тоже читает нам на ночь, — поделилась малышка. — Только эта сказка интересней.

В записях повествовалось о том, что Яна уже знала из рассказа Гастона. Только он назвал свою историю легендой старой лавки, а в записях дядюшки эта легенда оживала.

Граф Шерези-Шико обратился к Жюлю с просьбой помочь найти сбежавшую к дамарийцам красавицу-дочь. Жюль отважился пробраться к их святыне — обсидиановому монолиту, и отколоть кусочек. Он бился над артефактом семь дней, и у него получилось то, о чём просил граф. Всё это Яна уже знала. Но вот насчёт того, что случилось дальше, были только догадки.

В ту ночь Жюль крепко спал, поэтому не услышал, что кто-то залез в окно его спальни. Когда он открыл глаза, то увидел, что у окна стоит девушка. Она представилась дочерью графа, Мериан.

Девушка провела у Жюля около часа. Всё это время она рассказывала, как познакомилась с дамарийским юношей и полюбила его всем сердцем. Их пути пересеклись ещё в подростковом возрасте. Жюль не знал, верить Мериан или нет, но она утверждала, что случайно нашла короткую дорогу к дамарийцам, когда залезла в дупло дерева, росшего недалеко от крепостной стены их замка.

Жанетт уже задремала, поэтому Яна продолжила читать безмолвно.

Дупло это было входом в туннель, который вывел к подножию холма — там начинались земли дамарийцев. Там-то она и встретилась с подростком из их племени. Первый раз она так испугалась, что просто убежала. Но любопытство заставило её пробраться к дамарийцам через туннель ещё раз. Паренёк снова был там. Потом он ей расскажет, что, увидев её однажды, специально стал приходить к этому месту в надежде повстречать снова. С тех пор они виделись регулярно, между ними завязалась дружба, которая со временем переросла в пылкую любовь.

— С ним я первый раз познала мужчину, — призналась Мериан. — Мы понимали, что не имеем права быть вместе, но взаимное влечение было сильнее нас.

Она рассказала, в какое отчаяние пришла, когда отец сосватал её одному состоятельному монсиру. Для неё не существовало других мужчин, кроме Н'наму.

— Люди графства говорят про дамарийцев, что это дикий варварский народ, который следует жутким традициям. Частично это правда. В каждом из них живёт демон, берedit душу страстями, но сильный мужчина может победить своего демона. За это я и полюбила Н'наму — мужественный и страстный.

Мериан молила Жюля, чтобы он не отдавал артефакт её отцу.

— Будет много горя. Я всё равно не вернусь в замок. Это моё решение, а обвинят дамарийцев. Между ними и людьми графства снова может вспыхнуть вражда.

Конечно, Жюль внял мольбам Мериан — пообещал, что не отдаст артефакт её отцу.

Яна отложила записи и удобно устроилась на кровати. Перед глазами ещё долго стояли яркие картины недалёкого прошлого. Но постепенно начал накатывать сон. Она машинально проверила, на месте ли заготовки для артефактов — волчок и камень. Они лежали себе там, где Яна их и оставила — под подушкой. Они здесь уже третью ночь. Зачем? Зачем интуиция дала подсказку держать их рядом во время сна, если всё равно ничего не происходит? Может, хоть сегодняшней ночью что-то произойдёт?

Глава 39. Без картинок и буковок

Глава 39. Без картинок и буковок

Блез ещё с вечера наметил визит в ратушу. Собирался "нежно" побеседовать с Шабролем. Видимо, мало он его припугнул — толстяк совершает ошибку за ошибкой. Позволил Вивьен отсрочить выплату долга. Разве его об этом просили?

Впрочем, новый день принёс новую пищу. Блез с самого утра отправился в ратушу, но целью был уже не Шаброль. Планировалось "нежно" поболтать с другим чиновником — главой попечительского совета города. В обязанности Готьё входило заботиться о маленьких горожанах, под его опекой школы и, самое главное, приют. Поэтому-то Блезу и был нужен именно он.

Готьё нервно привстал с кресла, когда увидел на пороге своего кабинета гостя. Блезу нравилось, как менялись в лицах люди, стоило ему проявить к ним интерес.

— Рад видеть, монсир Б-блез, — глаза Готьё забежали. — Чем могу быть п-полезен?

Страх. Их всех охватывает страх. Не важно, улыбается Блез или смотрит презрительно — люди дрожат в его присутствии.

— Я пришёл с жалобой.

— С ж-жалобой? На кого?

А вот это правильный вопрос. Блез здесь из-за Морриса. Тот стал сильной помехой — постоянно рядом с девчонкой. Поначалу Блез полагал, что ему не составит труда сломить её. Так бы и было, если бы братец не крутился неподалёку. Она чувствует в нём поддержку, поэтому такая несговорчивая.

Сколько лет Блез ждал, чтобы у лавки появился хозяин. Ею нельзя завладеть без его на то добровольного согласия. Какая удача, что лавка была завещана юной наивной девчонке — думалось, с нею не будет проблем. Вот только оказалось, что сначала нужно убрать с дороги её бывшего женишка.

Отец Блеза любил говорить: "Порою, чтобы победить врага, совсем не нужны поединки. Просто жди и наблюдай. Враг сам сделает ошибку". Вот Блез и дождался. Моррис взял под опеку убогую сироту из приюта. Пожалел? О, зря. Жалость делает человека слабым и уязвимым. Теперь не составит труда вывести Морриса из игры.

— Монсир Готьё, — Блез зашёл ему за спину. Он любил разговаривать так, чтобы собеседник не видел его лица. — Мне стало кое-что известно.

— Ч-что?

Готьё не решился развернуться. Блез не моргая смотрел на его затылок. Люди не догадываются, что затылок — самое уязвимое их место. Именно там рождается страх, который сковывает тело и леденит душу.

— Произошло нечто вопиющее. Одна из Матушек приюта отдала воспитанницу под опеку страшному человеку. Разве это допустимо, чтобы любой проходимец мог забрать себе ребёнка?

— Нет-нет, — проблеял Готьё. — Конечно, нет. Только попечительский совет своим решением может позволить кому-либо

взять под опеку сироту из приюта. Я сурово накажу Матушку.

— Матушка не виновата, — Блез положил руку на плечо Готьё, и тот вздрогнул. — Полагаю, она согласилась на этот необдуманный поступок под влиянием магии того страшного человека, о котором я говорю.

— Но кто он?

— Моррис Буаселье. Думаю, вы достаточно слышали об этом человеке, чтобы осознать, насколько он опасен для ребёнка.

— С-слышал.

— Едва он забрал сироту из приюта, сразу же подверг риску — поселил в артефакторной лавке. Только безумец или злодей способен на такое. Мало того, что лавка проклята, так ещё, насколько мне известно, там поселились бродяги и отщепенцы. Разве может глава попечительского совета закрывать глаза на подобное?

— Н-не может.

— Только представьте, как будут возмущены горожане, если узнают, что вы позволили столь опасному человеку опекунство. Особенно те, кто ещё помнит тот страшный случай, который произошёл по вине Морриса, когда он был юн.

Это случилось до того, как семья братца вместе с ним переехала из Трэ-Скавеля в столицу. Они, в общем-то, и сбежали отсюда из-за того, что слухи о произошедшем поползли по городу. Именно тогда знающие люди и заподозрили связь Морриса с дамарийцами. Никто точно не знал, что это за связь, но поговаривали, что его обратили. Родители постарались замести следы, поэтому доказать, что именно он был причастен к тому жуткому происшествию, не удалось, но всё равно с тех пор за ним тянутся слухи о его страшной тайне.

— Думаете, город забыл о событиях тринадцатилетней давности?

— Н-нет.

— Тогда позаботьтесь, чтобы сироту немедленно вернули в приют.

Никакие заготовки для артефактов, оставленные под подушкой, не помешали крепкому здоровому сну Яны. Когда она открыла глаза, удивилась, как много солнечного света льётся в комнату — стало понятно, что уже позднее утро. Вот Яна спать мастак.

Первым делом она отыскивала глазами Жанетт. Та уже проснулась.

Сидела в кресле и листала книгу — записи Жюля.

— Муазиль Вивьен, вы проснулись? — обрадовалась она. — А я сидела тихо, как мышка. Боялась вас разбудить.

Яну умилило, как малышка оберегала её сон.

— А чем же ты занималась? — Яна поднялась с кровати и начала приводить себя в порядок.

— Я спустилась вниз. Сначала ваш кузен заплёл мне косички, и пока заплетал, научил песенке про кота... Кузя — чёрный коооооот, в лавке он живёёёёёёт... а потом дядюшка Бонифас меня накормил. Он сказал, что знает четырнадцать способов сварить ребёнку кашу.

Дядюшка Бонифас — прозвучало трогательно. Кто-то уже успел втереться малышке в доверие.

— А потом я снова вернулась сюда. И чтобы не шуметь, стала смотреть картинки к сказке, которую вы мне вчера читали. Но тут нет картинок. Тут даже буковок нет. А у нас в приюте книги с буковками.

— Как же так? Буковки должны быть, — улыбнулась Яна.

Странно, что Жанетт их не видит.

— Тут только пустые листы, — продолжала удивляться малышка.

Яна подошла к креслу и взглянула на открытую страницу. Всё, как обычно — не совсем ровные строчки уже знакомого дядюшкиного почерка.

— Вот буковки, — Яна провела пальцем по одной из строчек. — Видишь?

— Нет, — Жанетт покачала головой.

Они обе призадумались. Яне успела прийти в голову тревожная мысль, что у малышки проблемы со зрением. Близорукость? Дальтонизм? У взрослых так всегда: чуть что — сразу думают о плохом, не то что дети. Жанетт рассуждала просто, поэтому и выдала мудрую догадку:

— Наверное, эти буковки можете видеть только вы.

Ого! А что если так оно и есть? Возможно, эта книга — тоже артефакт. Записи здесь сделаны какими-то такими хитрыми чернилами, что видеть их под силу только человеку с даром артефактора. Поэтому Яна спокойно может прочесть всё, что здесь написано, а кто-то другой — нет.

Надо бы проверить на Бонифасе и Этьене. Яна собиралась закончить с наведением марафета и спуститься вниз. Но марафет

пришлось отложить. Она услышала какой-то неприятный тревожный звук и голоса, раздающиеся снизу, и поспешила проверить, что случилось.

Глава 40. Вы прекрасно знаете

Глава 40. Вы прекрасно знаете

Яна спустилась в холл и сразу увидела четырёх мужчин, которые толпились у порога. Все в солидных костюмах-тройках, с одинаковыми выражениями лица — официально-чопорно-серьёзными. С такими лицами только какие-нибудь поборы собирать. Яне подумалось, что это судебные приставы — пришли требовать уплату налогов. Но почему? Ей же отсрочили выплаты.

Бонифас мужественно сдерживал их напор, но силы были не равны. Яна поспешила на помощь. Один из приставов — квадратнолицый усач, заметив её приближение, оживился.

— Муазиль Вивьен, ознакомьтесь, — он протянул ей бланк с печатью.

И пока она читала, посчитал долгом ещё и озвучить своими словами то, что изложено в документе.

— Нам стало известно, что в нарушение закона, вы забрали из приюта воспитанницу и удерживаете у себя.

У Яны в груди похолодело. Речь не о налогах. Всё гораздо хуже.

— Почему же незаконно? — постаралась она говорить спокойно. — Матушка не возражала и сама воспитанница тоже.

— Согласно городскому кодексу сирота может быть отдана под чью-то опеку только с разрешения попечительского совета, — отчеканил квадратнолицый.

— Хорошо, я обращусь за разрешением, — Яна знала, что в таких делах лучше не спорить. В земном мире тоже просто так любому желающему ребёнка из интерната не отдадут.

— Это ваше право, а пока у нас приказ доставить девочку назад — в приют.

Усач попытался отодвинуть Яну с дороги. С его комплекцией это не составило ему труда.

— Подождите, — она не собиралась сдаваться. — Я обязательно получу все необходимые разрешения и оформлю все полагающиеся

бумаги, но пусть Жанетт останется у меня. Ведь речь всего о нескольких днях, пока в приюте не организуют охрану. Здесь ей комфортнее и безопаснее.

— Безопаснее? — усач язвительно скривил губы. — В проклятой лавке? Рядом с бродягами?

Он пренебрежительно глянул на Бонифаса. Бонифас, кстати, этот взгляд совершенно не заслужил. Его фрак давно был аккуратно подлатан Этьеном, рубашка сияла свежестью и чистотой, а бабочка у него и сразу выглядела безупречно.

Как же было обидно за своего любимого дворецкого. Яна искала слова в его защиту, когда увидела спешащего на шум Этьена.

— Что происходит?

— Найди Морриса, — шепнула она ему.

Дважды повторять не пришлось. Кузен всё понял и выскользнул из лавки.

— Муазиль Вивьен, будьте добры приведите воспитанницу, — скомандовал усач, — не то я дам распоряжение обыскать лавку.

Как поступить? Позволить им забрать Жанетт в приют? Душа противилась такому повороту событий. Но если начать сопротивляться, если довести дело до скандала, как это отразится на малышке? Каково ей будет, если эти огромные шкафообразные приставы начнут гоняться за ней по лавке?

Хотя гоняться им, кажется, не придётся. Жанетт сама спускалась по лестнице в холл. Весёлая и ничего не подозревающая.

У Яны в висках стучало от напряжения.

— Матушка Лириет, забирайте воспитанницу, — скомандовал усач.

Мужчины расступились, и Яна увидела воспитательницу из приюта. Ту самую, которую Жанетт называла "самой доброй в мире". Оказывается, Матушка всё это время стояла за широкими спинами приставов, поэтому Яна её не замечала.

Лириет подошла к ней и тихонечко произнесла:

— Позвольте мне забрать Жанетт. Так будет лучше. Если вы сейчас воспротивитесь, если будете мешать, попечительский совет навсегда включит вас в чёрный список и вы никогда не получите право опеки даже на пару часов. Но не волнуйтесь. Обещаю, я не отойду от малышки ни на шаг, пока в приюте не организуют охрану, и никому её в обиду не дам.

В этих тихих словах было что-то успокаивающее. От сердца отлегло.

— Матушка Лилиет, — Жанетт увидела воспитательницу и радостно подскочила к ней.

— А я за тобой, — мягко улыбнулась та. — Мы скучаем. Особенно Кристоф.

Кристоф, насколько Яна помнила, лучший друг Жанетт.

— Он больше на меня не сердится?

— Нет. Он нарисовал для тебя рисунок.

— А что на нём?

— Кристоф никому не показывает. Ждёт тебя.

Какой же Лилиет — замечательный педагог и добрая душа. Она нашла такие слова, что малышка с радостью засобиралась в приют. Любопытство толкало её поскорее посмотреть, какой подарок-секрет подготовил ей друг.

Она переобулась из домашних туфелек в сандалии, которые сегодня утром доставили из обувной лавки. А Бонифас упаковал ей с собой ещё три пары новых башмачков.

Яна вышла из лавки проводить Жанетт. Решила прогуляться до самого приюта. Лилиет вела малышку за руку, а та напевала песенку про кота — хотела продемонстрировать, чему научил её Этьен.

— Кузя — чёрный кооооот, в лавке он живёёёёёт...

Вся братия приставов тоже была вынуждена слушать песню про Кузю, так как в их обязанности входило сопровождать воспитанницу приюта до места назначения.

— Кузя — чёрный кооооот, в лавке он живёёёёёт... — снова и снова эмоционально и протяжно выводила тоненьким голоском Жанетт — уж больно ей понравилась песня.

Разделяли ли её восторг невольные слушатели, неизвестно. Но почему-то квадратнолицый пристав сделался слегка кислым.

Надо заметить, и куплет, и припев замечательной оды про Кузю состоял из одной и той же единственной фразы. Видимо, Этьен сочинял песенку на ходу по принципу чукчи — что вижу, то пою — и дальше одной строчки ничего не придумал.

— Кузя — чёрный кооооот, в лавке он живёёёёёт... — когда малышка в который раз затянула куплет, у квадратнолицего начал подёргиваться глаз.

Жанетт подходила к процессу творчески. Однообразие текста она компенсировала разнообразием исполнения. На какие только лады ни пела. Особенно пробирало квадратнолицего на протяжном "живёёёёёт", когда высокий детский голосок срывался в ультразвук. Пристав неистово тёр челюсть, будто у него нестерпимо разболелись зубы.

Яна мысленно злорадно улыбалась. Это месть приставу за Бонифаса! Идти ещё минимум минут десять. Так что песенка про Кузю прозвучит ещё не один десяток раз.

Примерно на середине пути Яна заметила кое-что любопытное. Самый младший из приставов стал подавать ей какие-то непонятные мимические сигналы. Поравнявшись с Яной, он тихо, чтобы слышала только она, произнёс.

— Можете рассчитывать на мой голос, если будете подавать документы на опеку.

Неожиданно.

— Но моего голоса, конечно, будет недостаточно. Если хотите рассчитывать на поддержку других — подготовьтесь. Предпочтение отдаётся семейным парам.

Ничего себе совет. Предлагает Яне срочненько выйти замуж?

— Одинокой муазиль опеку могут позволить, только если она предоставит документы, что имеет стабильный доход.

Полезная информация. В земном мире похожие требования к опекунам. Вот только одно непонятно.

— Монсир, почему вы мне помогаете?

— Зачем вы спрашиваете? — укоризненно посмотрел он. — Вы прекрасно знаете.

Поставив Яну своим ответом в тупик, молодой пристав ускорил шаг и догнал своих побратимов.

Глава 41. После того, что между нами произошло

Глава 41. После всего, что между нами произошло

Моррис нанял четырёх помощников и с самого утра отправился в приют. Он решил: чем обивать пороги кабинетов ратуши, лучше организует охрану сам. Получится гораздо быстрее и надёжнее. По его расчётам на всё про всё уйдёт пара часов.

Он распределил своих помощников по периметру территории

приюта и велел устанавливать магические сенсоры. Моррис приобрёл пару десятков самых лучших — они настроены различать свой-чужой. Матушки и воспитанники приюта смогут беспрепятственно гулять по территории, но если появится посторонний, сенсоры дадут знать.

Работа продвигалась быстро. Мысль о том, что скоро будет закончено важное нужное дело, приносила удовлетворение и успокоение, в которых Моррис нуждался после бессонной ночи. Но в спокойном состоянии ему суждено было находиться недолго. Неожиданно возле приюта появился кузен Вивьен. Запыхавшийся и встревоженный, он рассказал, что в лавку пришли люди из попечительского совета города и собираются вернуть Жанетт в приют.

С каждым словом Этьена в Моррисе вскипало всё большее возмущение. Если попечительский совет действительно печётся о девочке, разве не должны были они сейчас быть на месте Морриса — устанавливать охрану на территории приюта? Чутьё подсказывало ему, в чём причина неожиданного интереса чиновников из ратуши к судьбе сироты. Им нет до неё дела. Это удар по Моррису. Видимо, уже пошли слухи, что он может занять место градоначальника и те, кто опасаются, что их головы полетят, как только Моррис сядет в кресло главы ратуши, начали вставлять палки в колёса.

Нет ничего более подлого, чем играть беззащитной сиротой ради достижения своих мелких целей. Гнев затопил сознание. Лютый и неистовый, он разрастался и разрастался. Моррис не мог его остановить. Он ощутил, как пробуждается его тёмная сущность.

Перед глазами встала красная пелена. Он сжал кулаки, пытаясь взять над собой контроль. Почему демон рвётся наружу? Ещё так далеко до новой луны, прошло всего несколько дней с того момента, когда ритуальный огонь выжег скверну из сердца.

Моррис мучительно боролся с собой. Это не должно произойти здесь, рядом с приютом. Он слишком хорошо помнил, что бывает, когда демон выходит из-под контроля. Однажды это случилось. Моррис не должен допустить, чтобы повторилось снова.

Этьен всё ещё что-то говорил, однако Моррис не мог вникнуть в суть. Силы, сдерживающие демона, иссякали. И всё же через застилающую глаза пелену он увидел, как к приюту приближается большая компания. Вивьен и Жанетт тоже были там. Они последние, кого Моррис хотел испугать. Он, стиснув зубы, снова попытался

совладать с собой. Желание не причинить им вред оказалось сильнее рвущегося наружу демона. Тот затих и смирился, затаился глубоко внутри, где ему и место.

— Монсир Моррис, — девочка заметила его и подошла, улыбаясь, будто одно то, что увидела Морриса, — для неё радость. — Мне Кристоф рисунок нарисовал. Раньше он на меня сердился, а теперь не сердится, — поделилась она, видимо, самой главной для неё на сегодня новостью.

Моррис видел, что Жанетт несколько не расстроена тем, что её вернули в приют. Здесь у неё друзья. Здесь ей привычно. Значит, и Моррису нужно принять ситуацию, тем более, что охрану он организовал. Девочка будет в безопасности. Сенсоры, правда, требуют регулярной замены — они быстро истощаются, но дней на десять их хватит.

Жанетт увлечённо рассказывала о том, как прошло её утро, а Моррис изучал четверых мужчин, которые сопровождали её в приют. Они разговаривали между собой и не спешили подойти к нему. И правильно делали. У Морриса были к ним вопросы, но затевать напряжённый разговор в присутствии малышки не хотелось. Однако один из них — судя по солидным усам, самый главный — всё же решил приблизиться. Не терпится побеседовать?

Он подошёл ровно в тот момент, когда Жанетт рассказывала, какой песенке научил её Этьен.

— Кузя — чёрный кооооот, в лавке он живёёёёёт...

Усач отчего-то беседовать расхотел. Он скривился как от зубной боли и быстро ретировался к своим. Девочка с удовольствием ещё раз пропела песенку на разные лады.

— Жанетт, нам надо идти, — к ней подошла Матушка.

Малышка попрощалась и послушно вложила свою ладошку в её руку. Моррис машинально отметил, какое хрупкое у Жанетт запястье. И почему-то вспомнился негодяй Херв, огромный, как кабан, который чуть было не схватил малышку за это её тоненькое запястье своей лапицей. Его Моррис хорошо припугнул, он к Жанетт больше не подойдёт, но ведь может кто-то другой. Магические сенсоры надёжно защищают территорию приюта, но детей регулярно выводят на прогулки. За пределами приюта малышка уязвима.

Матушка уже отвела её на несколько шагов, но Моррис, повинувшись

сильному внутреннему порыву, догнал их.

— Жанетт, у меня есть для тебя подарок, — он снял со своего запястья родовой дамарийский браслет и надел на ручку малышки.

Браслет подстроился под её тонкое запястье — плотно, но аккуратно обхватил его. Её глаза вспыхнули восторгом.

— Какой красивый! Самый красивый в мире!

Моррис не должен был этого делать. Он нарушил все существующие правила. Браслет принято передавать только кровному родственнику — собственному ребёнку, например. Но желание защитить девочку оказалось сильнее правил и сильнее него.

Матушка посмотрела на Морриса то ли с удивлением, то ли с осуждением, и продолжила путь. Через минуту они скроются в здании приюта. Но теперь, когда Жанетт под защитой родовой магии, Моррис за неё спокоен.

Оставалось ещё одно важное дело. Крайне важное. Он выразительно посмотрел на Вивьен, которая всё это время с небольшого расстояния наблюдала за развитием событий. Конечно, взглядом невозможно выразить всё то, что Моррис хотел сказать, поэтому он направился к ней.

Яна с удивлением смотрела, как изумрудный браслет, который Моррис подарил Жанетт, уменьшился в размерах, чтобы соответствовать тонкому запястью малышки. Будто сделан из эластичного материала. Та даже ахнула от восхищения.

Но ведь браслет — дамарийский. Моррис сам сказал об этом Яне при первой встрече. Не опасна ли для малышки такая бижутерия?

Хотелось верить, что Моррис не способен сделать ничего, что могло бы навредить Жанетт. У Яны ещё не стёрлись воспоминания, каким он был заботливым вчера. Мужчина, заказавший ребёнку сразу четыре пары обуви на любую погоду, по определению надёжный и не может быть опасным.

Хотя... взгляд, которым он окатил Яну, как только Лилиет увела малышку, безопасным назвать было нельзя. Это был выразительный и на что-то намекающий взгляд. На что? Ох уж эти викинги, никогда не знаешь, что от них ждать. Ещё хуже взгляда оказались слова, которые он произнёс, когда подошёл.

— Сейчас перекинусь парой слов с монсирами из попечительского

совета, — он кивнул в сторону приставов, — потом найму экипаж и поедем ко мне.

— Зачем? — опешила Яна.

— Нам нужно поговорить.

— О чём?

Он снова посмотрел всё с тем же выразительным намёком.

— После того, что между нами произошло сегодняшней ночью, вы ещё спрашиваете?

Яна дар речи потеряла. А что произошло-то? Она спала, как убитая, — вот и всё. Или нет? Яна совершенно ничего не помнила...

Глава 42. Зачем же ждать завтра?

Глава 42. Зачем же ждать завтра?

Яна решила согласиться на сомнительное предложение Морриса — у неё были на это веские причины. Он нанял экипаж, и они отправились в таверну, где он снимал комнату.

Она поглядывала в окно и размышляла: может быть, зря согласилась? Не самая лучшая идея ехать с мужчиной в гостиничный номер. Двусмысленная. Особенно если бы подобное происходило в земном мире. Но здесь ей чего бояться? Ну, не набросится же викинг на неё? Она скользнула по нему взглядом. Такой может. Вон, какой довольный сидит — радуется, что Яна согласилась. Хотя... нет. Мужчина, который покупает ребёнку четыре пары обуви на любую погоду, не способен на не благородные поступки.

И потом, им действительно нужно поговорить. Моррис — уже третий человек за два дня, который намекает на что-то, чего Яна не помнит. Крайне подозрительно. Расспрашивать двух других — обувщика и пристава — ей не хотелось, а вот с викингом почему бы и не поговорить? Пусть выкладывает все подробности — вместе разберутся что к чему.

Хотя, вообще-то, у Яны уже была догадка. Такая смелая и невероятная, что даже верилось с трудом. А что если проклятие Жанетт передалось Яне и теперь не малышка, а она снится горожанам и рассказывает им во сне неприятную правду? Все эти дни она ждала, когда же будет хоть какой-то толк от того, что держит волчок и камень под подушкой. Всё ждала-ждала, и ей казалось, что абсолютно ничего

не происходит. Но что если они уже начали действовать?

Выходит, у Яны получился уникальный артефакт, который перенёс проклятие с Жанетт на неё. И пусть это не совсем то, что хотела Яна, но она была бы безумно рада, если бы удалось избавить малышку от неприятностей хотя бы так — взяв их на себя.

Яна, если что, сможет за себя постоять. Пока, правда, обидеть её никто не посмел. Наоборот, пытаются откупиться и задобрить. Вот только почему они решили, что Яна должна знать, что говорит им в их снах? Почему они ведут себя так, будто встреча с ней произошла наяву? Может, их сны с участием Яны такие явственные, что они не могут отличить их от реальности, и считают, будто она и вправду приходила к ним, чтобы шантажировать?

Её счастье, что она пока не приснилась какому-нибудь бандиту, который вместо того, чтобы откупиться, выберет менее щадящий способ заставить Яну молчать.

В свете новых обстоятельств возникал вопрос: а что, собственно, приснилось Моррису, и как он будет сводить с Яной счёты? Может, всё-таки не стоило так беспечно лететь в расставленные им сети?

Впрочем, пока викинг вёл себя образцово галантно. Когда экипаж подъехал к таверне, он первым вышел из него, чтобы подать Яне руку. Голубые глаза при этом как были негалантными и наглыми, так и остались.

Хозяин таверны расплылся в любезной улыбке, как только увидел Морриса и его спутницу.

— Фрукты, напитки, сладости? — предложил он.

— Всё из перечисленного, — не стал мелочиться викинг, — включая пастилу из карликовых груш. В мою комнату, — бросил на ходу.

Готовься, Яна. Кое-кто собрался ублажать твою бдительность фруктово-конфетными деликатесами.

Комната, которую снимал Моррис, оказалась довольно уютной. Большое окно, занавешенное бирюзовыми шторами, столик, кресла. А за ширмой, видимо, стоит кровать.

Они сели друг напротив друга, и Яне подумалось, что они ещё ни разу не говорили с Моррисом тет-а-тет в спокойной обстановке. Правда, будет ли этот разговор спокойным, загадывать рано.

Чтобы не дать викингу перехватить инициативу, Яна начала

первой.

— Монсир Моррис, полагаю, мне передалось проклятие Жанетт. Что бы ни происходило с вами сегодняшней ночью — это был сон. Может быть, очень похожий на реальность, но всё же нереальный.

Яна выдала свои мысли скороговоркой. Сразу самую суть. А то мало ли что там снилось викингу, пусть осознает, что Яна ни при чём.

— Я уже понял, что это действительно был сон, но знали бы вы, как он был ярок и явственен — не отличишь от реальности.

— Что вам снилось? Что-то неприятное?

— Не сказал бы, — чему-то улыбнулся викинг. — А почему вы спрашиваете? Разве вы не помните?

— Как я могу помнить? Это же был ваш сон.

— Совсем? Ни одной детали?

Взгляд Морриса стал лукавым и провоцирующим.

— Ни одной.

Чисто теоретически в магическом мире под действием проклятия люди могли бы видеть одинаковые сны. В принципе Яна допускала, что её сон мог быть похож на то, что снилось Моррису. Но в том-то и дело — последние дни у Яны не было сновидений, либо же она их напрочь забыла.

Их разговор был прерван горничной, которая принесла поднос с фруктами, сладостями и напитками. У Яны глаза разбегались от изобилия.

— Я помню, вы как-то обмолвились, что любите пастилу из карликовых груш, — Моррис пододвинул поближе к Яне вазочку со сладостями.

Нет, она такого не говорила. Это, видимо, слова Вивьен. Однако пастилу попробовала — вкусно. Аромат напомнил земные конфеты "Дюшес". Яна их любила.

Сам Моррис к сладостям не притрагивался, но не отказывал себе в удовольствии наблюдать, как это делает Яна. К его благодушному виду совершенно не вязалась фраза, которую он обронил.

— Хотел бы я знать, кто посмел наложить на вас проклятие, чтобы свернуть ему шею.

Яна почему-то ни на секунду не усомнилась, что шея её врага была бы викингом с удовольствием свёрнута в бараний рог. И даже успела чуть-чуть насладиться чувством защищённости, однако вынуждена

была повторить Моррису то, что он не понял с первого раза.

— Никто ничего на меня не накладывал. Я сама! Сделала артефакт, который отвёл проклятие с Жанетт на меня.

Прозвучало радостно. Ну а что Яна могла со своими эмоциями поделаться? Она до сих пор и верила и не верила, что у неё что-то получилось. Выходит, дар-то у Яны всё-таки есть! А то в последнее время она уже стала сомневаться.

— Сделали артефакт? — переспросил Моррис.

Видно было, что он не воспринимает её слова всерьёз.

— Сделала. Самый настоящий.

— Как? — в его глазах блеснула ирония.

Не верит, гад!

— Артефакторы своих секретов никому не открывают, — важно заявила Яна.

Не рассказывать же викингу, что она всего лишь держала волчок и камень под подушкой. Вообще, засмеёт.

— Почему вы улыбаетесь? — возмутилась Яна. — Сомневаетесь в моих способностях? Я племянница знаменитого артефактора. Мне передался его дар.

— Я верю, что вы попытались что-то сделать, — примирительно сказал Моррис. — Но у меня есть основания сомневаться насчёт дара.

Яна поняла, куда он клонит.

— Думаете, я помечена, а значит, лишена магии? — спросила она напрямую.

— Да, я слышал, что с вами произошло в детстве.

Только вряд ли Моррис знает, что пометили другую девочку.

— Вы хотели убедиться, поэтому подарили мне платье с полупрозрачной вставкой?! — Яна прожгла наглеца пламенным взглядом.

Он виновато улыбнулся.

— Каюсь, — при этом глаза как были не виноватыми и наглыми, так и остались. — Пошёл на хитрость, потому что не надеялся, что вы добровольно дадите взглянуть на вашу спину.

Разумеется, не дала бы! Ещё чего! Однако Моррису в воспитательных целях Яна сказала совсем другое.

— Всегда лучше не хитрить, а говорить правду. Если бы вы привели веские аргументы, зачем вам это нужно, то с моей стороны

возможен был бы компромисс.

— О, у меня есть масса аргументов, — оживился он. — Очень важно проверить, есть ли на вас метка. Ведь если её нет, значит, я был не прав и должен буду извиниться, что усомнился в наличии у вас дара.

Извинения Морриса в обмен на полуобнажённую спину? Так себе бартер, но Яне самой хотелось убедиться, что никакой метки на ней нет и ритуал провели над двойником.

— Принимается. Можете пригласить меня завтра куда-нибудь поужинать. Я надена платье, которое вы подарили.

— Зачем же ждать завтра? — змеем-соблазнителем посмотрел Моррис. — Мы можем проверить, есть ли метка, прямо здесь и сейчас.

Сегодня на Яне было открытое платье без рукавов, которое держалось на широких бретелях. Чтобы предоставить взгляду Морриса поясницу, пришлось бы спустить бретели с плеч и стянуть лиф платья до талии. Опасная игра.

— Я дам вам плед, чтобы укутаться, — прочёл ход мыслей Яны Моррис.

Она ещё ничего ему не пообещала, а он уже исчез за ширмой, чтобы появиться с пледом в руках.

— Всего лишь пара мгновений и мы будем знать ответ на важный вопрос.

Умеет викинг убеждать. Яна решилась. Она поднялась с кресла и приняла плед. Повернувшись к Моррису спиной, прикрылась, стянула бретели и лиф платья настолько, чтобы ему видна была поясница, и замерла в ожидании его вердикта.

Глава 43. Вы мне, а я вам

Глава 43. Вы мне, а я вам

Наверное, прошла всего секунда или даже меньше, но Яне казалось, что пауза длится долго. Оказывается, это очень щекочет нервы, когда за твоей обнажённой спиной стоит красивый мужчина. Ты не знаешь, что он делает — можешь только догадываться. Яна ощущала, как покалывает позвонки — наверное, он сейчас скользит по ним взглядом. Вообще-то, ему нужно рассматривать одно конкретное место, а не всё, что заблагорассудится.

В комнате было так тихо, что Яна слышала своё и его дыхание.

Это, оказывается, очень будоражит, когда за твоей обнажённой спиной дышит красивый мужчина. Её кожа сделалась настолько чувствительной, что улавливала его выдохи. Они ощущались как лёгкое щекочущее прикосновение.

— Что там с меткой? — резко спросила Яна, чтобы вывести себя из опасного транса, а заодно и викинга направить в нужное русло.

— Вы действительно не помните сегодняшний сон? — его голос прозвучал тихо и низко.

— Не помню.

При чём тут сон?

— А так? — его ладонь неожиданно легла на её шею. На что-то намекая, скользнула по изгибу на плечо под плед.

Нет, воспоминания не появились, но тело остро отозвалось на его прикосновения. Покалывание и истома прокатились от макушки до кончиков пальцев. Будто это была самая изощрённая и наинтимнейшая ласка. Это на Яну не похоже. Видимо, сыграло злую шутку то, что она уже столько времени лишена обычных в земной жизни тактильных ощущений, даже простых обнимашек с подругами.

— Монсир Моррис, — строго скинула его руку Яна. — Что там с меткой? У вас осталась секунда — и я одеваюсь.

Какими бы приятными ни были дразнящие ласки викинга, какими бы благими намерениями он их ни оправдывал, а больше подобного Яна ему не позволит. Она плотнее укуталась в плед, оставив открытой лишь узкую полоску поясницы.

Моррис, да чтоб его, опять молчал. Теперь-то почему? Яна честно досчитала до одного и быстро вернула платье в первоначальное состояние.

— Есть метка? — она развернулась лицом к Моррису.

Он выглядел, честно говоря, слегка ошалелым.

— Нет. Зато я увидел кое-что другое.

Это он про шрам? К наличию шрама Яна давно привыкла, а вот узнать, что метки нет, была счастлива. Теперь она окончательно убедилась, что правильно выстроила хронологическую картину своего прошлого. В два с половиной года она потерялась в лесу. Что случилось с ней там непонятно, но после этого она оказалась в земном мире, а двойник в этом. И помечена была уже не Яна, а Вивьен.

Отсутствие метки не стало для неё чем-то удивительным, чего не

скажешь о Моррисе. Чувствовалось, что он пребывал в полном недоумении. В его голове шла интенсивная работа мысли. Да, пусть напряжёт своё серое вещество, только ведь всё равно не сможет разгадать загадку.

— Вивьен, вы меня сильно удивили.

Это он ещё мягко выразился. Вид у него был не удивлённый, а потрясённый.

— Не могу объяснить того, что увидел, — сознался Моррис. — Я давно чувствовал, что у вас есть тайна...

Ну, не только ведь викингам их иметь.

— ...не хотите рассказать?

С самого начала, когда Яна только попала сюда, она очень хотела рассказать своему почти-мужу, что она из другого мира, чтобы он от неё отстал. Но она боялась, что он воспримет её слова, как насмешку. Здесь же не верят в существование иных реальностей. Теперь всё изменилось. Яна чувствовала, что Моррис ей поверил бы. Во всяком случае, насмешкой бы не посчитал — призадумался бы, попробовал понять. Но вот вопрос, горит ли она желанием выдать ему свои секреты. Уж если и посвящать Морриса в тайны, так в обмен на что-нибудь полезное. Яна видела, как он заинтригован, а значит, можно выгодно обменять информацию о себе на информацию о нём.

— Давайте так: вы рассказываете мне свои тайны, а я вам свои, — предложила Яна.

Она вернулась в кресло, показывая, что готова его слушать.

— Согласен. Только поменяем очередность, — он сел напротив. — Вы рассказываете первой.

Какая ничем не прикрытая беззастенчивая хитрость. Яна взяла с тарелки кусочек пастилы, с удовольствием его прожевала, держа театральную паузу, и, мило улыбнувшись, возразила:

— Я и так была первой. Согласилась показать вам спину. Теперь ваш ход, — ещё один кусочек пастилы был отправлен в рот.

Моррис задержал взгляд на её губах — тут он был волен, а вот крыть неоспоримый аргумент ему было нечем.

— Хорошо. Задавайте вопрос, — сдался он.

О, обед перестаёт быть томным. Викинг готов отвечать на вопросы Яны? Ради этого стоило приоткрыть ему часть спины. С чего бы начать?

— Расскажите, что вам сегодня приснилось.

Нельзя сказать, что это был самый животрепещущий вопрос, но Моррис своими намёками разжёл любопытство.

— Я думаю, вы тоже видели этот сон, просто забыли, а жаль, — его взгляд сделался дразнящим.

Да что же было в том сне?

— У меня есть идея, как оживить ваши воспоминания, — Яне была подарена искушающая улыбка

Нет, викинг-искуситель, второй раз она на эту уловку не купится.

— Без всяких оживлений. Просто расскажите на словах. И только правду, — пригрозила Яна. — Я ведь знаю, в чём заключается проклятие. Во сне я говорю то, в чём человек сам себе не хочет признаться.

— Да, так и было. Сон помог мне осознать кое-какую правду.

— Какую?

Ответ удивил откровенностью.

— Меня к вам влечёт. Вы явились в моём сне в таком образе, — его взгляд скользнул по лифу платья, — что я окончательно осознал своё влечение.

Что должна почувствовать девушка, когда красивый сексуальный мужчина заявляет о физиологической симпатии? В Яне тоже откликнулось что-то физиологическое.

Да она и раньше постоянно ощущала исходящую от Морриса мужскую энергию, флюиды, которые мужчины излучают в сторону понравившейся девушки. Но почему собственные желания стали для него открытием? Разве прежде он этого не ощущал? Моррис же собирался жениться на Вивьен — естественно, что она должна была ему нравиться на физиологическом уровне. Всё-таки, насколько Яна знала, речь не шла о фиктивном браке, а значит, предполагалось, что у молодожёнов будет интимная жизнь. Какие обстоятельства могли бы заставить состоятельного ни в чём не нуждающегося мужчину жениться на девушке, к которой его не влечёт?

Эта мысль плавно подводила к следующему вопросу, который Яна хотела бы задать Моррису.

— Зачем вам был нужен наш брак?

— А вам? Почему вы согласились, а потом передумали?

Яна знала, что ответить, хоть и отвечать приходилось за Вивьен.

— Мне нужны были средства к существованию. У нас с тётушкой

не осталось ни луарда. Родительский дом должен был вот-вот пойти с молотка.

Ведь по этой причине двойник согласилась на брак? Устала от нищеты?

— А почему передумали?

— Я поняла, что смогу сама себя обеспечивать. Мне не нужен муж как денежный мешок. Супружество — это чувства, а не купюры. А вам зачем этот брак?

Моррис помедлил, будто подбирал слова, но сказал коротко и непонятно.

— Вы моя амайо.

Глава 44. Сбежала

Глава 44. Сбежала

Моррису понравилось, как коротко и ёмко ответил он на вопрос Вивьен. Конечно, его маленькая пока-не-жёнушка ничего не поняла, но он готов был приоткрыть ей свою тайну.

И не только. Он многое готов был сделать для неё. Моррис и не ощутил, когда успел переступить за грань, когда, в какой момент, девчонка вдруг приобрела над ним власть. Когда-то она казалась ему простой и предсказуемой, обычной, скучной, и он не ощущал ничего кроме жалости и желания решить её финансовые проблемы. Но как он ошибался!

Теперь-то Моррис знал, что более необычной девушки, чем Вивьен, не существует. Она соткана из тайн и загадок. Откуда у неё знак Атай? Осознаёт ли она, какую имеет силу? Она полагает, что ей передался от Жюля дар артефактора — может быть, но разве этот дар сравнится с Атайской магией, след которой Моррис увидел на её пояснице?

Наверное, сегодняшняя сцена, когда девчонка открыла ему спину, будет теперь долго преследовать его. В первые секунды он не мог сосредоточиться на чтении знака — был поглощён созерцанием её стройного стана, который находился возмутительно близко. Какое испытание для его самообладания. Каких усилий стоило сдержаться — не сделать того, чего просила его взбунтовавшаяся мужская сущность. Наверное, впервые он осознал, насколько коварна женская красота.

Смотреть — смотри, но не тронь. Девчонка — один сплошной соблазн. Соблазны и тайны — вот обольстительная начинка его пока-не-жёнушки.

Можешь считать себя счастливецом, Моррис — тебя влечёт к той, с кем собрался пройти брачную церемонию, хоть поначалу ты и не надеялся на что-то большее, чем безразличная отстранённость. Одна проблема — она строптива, самостоятельна, независима и не разделяет желания проходить брачную процедуру.

Ничего, Моррис найдёт, как сделать так, чтобы её желание возобновить брачный процесс сделалось не менее сильным, чем его. Вот только доберётся до её тайн...

— Амайо? — после недолгой паузы переспросила Вивьен. — Что это значит?

Как объяснить это не посвящённой маленькой любопытной муазиль?

Она взяла с тарелки кусочек пастилы и чувственно направила его в рот, сбивая Морриса с мыслей.

— Амайо — это...

Он не успел закончить фразу — в дверь постучали. Кто решился потревожить? Горничная с новой порцией угощений?

Моррис подошёл к двери. Ему не хотелось никого пускать в комнату, будто это может разрушить доверительную атмосферу, какая возникла между ним и Вивьен.

Визитёром оказалась не горничная, а сам хозяин таверны.

— Просили срочно передать, — он притянул Моррису конверт.

— От кого?

— Посыльный не представился сам и не назвал адресанта.

Конверт выглядел стандартно — ничего особенного. Только ни почтовых штемпелей, ни других опознавательных знаков. Но как только Моррис распечатал письмо, сразу понял от кого оно. Внутри лежал лист чёрной бересты — её использовали для посланий дамариц.

В груди родилась тревога. По пустому поводу его бы не стали беспокоить — что-то случилось. Но почему Моррису не подали знак, как обычно, через родовой браслет? Хотя, наверное, подавали. Но сейчас он у Жанетт. Девочка, скорее всего, совершенно ничего не заметила. Читать сигналы могут только посвящённые.

И раз с Моррисом не получилось связаться через родовую магию,

пришлось использовать обычный способ — послание. Такая настойчивость подчёркивала, насколько важна информация, которую ему хотят передать.

Он сразу узнал почерк Н'наму.

Нужна твоя помощь, Моррис.

Уйгу сбежала. У меня есть основания полагать, что она не проходила последний ритуал. Ей удалось его избежать обманом. И теперь она во власти своего демона.

У Морриса сразу всплыли воспоминания. Когда ритуальный огонь отпустил его, Уйгу уже была возле шатра. А кроме неё никого. Она сказала ему, что ритуальный огонь отпустил её раньше всех. Видимо, солгала.

Послание заканчивалось двумя строчками. Моррис ощутил, как разрывается от тревоги отцовское сердце Н'наму.

Скорее всего, девчонка в городе. Один Всевышний знает, что может случиться...

Упрямица и бунтарка добилась своего, не осознавая, как это опасно и для неё, и для других. Страшно представить, что с ней будет. Сейчас самое главное — как можно скорее найти её.

— Плохие новости? — догадалась Вивьен, которая внимательно наблюдала, как Моррис читает послание.

— Да. Друг попал в беду.

— Могу чем-то помочь?

— Нет. Продолжим разговор в другой раз. Сейчас найму для вас экипаж. А мне нужно срочно отлучиться.

Яна ехала в нанятом Моррисом экипаже в лавку в глубокой задумчивости. После разговора с викингом ей было над чем поразмышлять. Он казался ей одной сплошной загадкой. Вот вроде бы и был откровенен, отвечал на вопросы, но после его ответов у Яны в голове ещё больше всё перепуталось.

Получается, его брак с Вивьен был вынужденным. Она была ему совершенно безразлична — ни чувств, ни даже физического влечения. Но зато Вивьен приходится ему какой-то амайю, и поэтому он должен на ней жениться. Кто такая амайю, Яна представляла с трудом. Хотелось бы, конечно, расспросить Морриса, но придётся подождать. Она видела, что у него действительно резко возникли неотложные дела. А ей

оставалось только гадать. И вот что странно — она ведь успела много книг перелопатить, но это слово ей не попадалось. Поэтому родилась догадка, что "амайо" — дамарийское понятие. Однако от этого не легче. Выходит, Моррис всё-таки имеет какое-то отношение к дамарийцам? А Вивьен?

Экипаж остановился невдалеке от лавки, Яна вышла и какую же картину увидела? Возле входа стояла булочница с подносом и о чём-то разговаривала с Бонифасом.

— Прелестная муазиль Розин, премного благодарен и восхищён вашими изумительными булочками, — с безупречной галантностью произнёс тот, принимая поднос.

Хм, он уже и имя узнал.

— Да как вы смеее?! — возмутилась булочница. — Нахал!

Узрела двусмысленность фразы? Насколько Яна знала своего дворецкого, тот никогда не допустил бы никаких двух смыслов. Всё, что он хотел сказать, что булочница печёт вкусные булочки.

— О, я так сожалею, если чем-то обидел вас, прекрасная муазиль, — Бонифас пустил в ход своё главное оружие — убийственную любезность.

— Ноги моей здесь до завтра не будет! — своеобразно приняла извинения Бонифаса булочница.

И хоть пригрозила немедленно уйти прочь, чтобы глаза её не видели нахала, осталась стоять на месте, как вкопанная.

За те полминуты, которые потребовались Яне, чтобы дойти от экипажа до дверей лавки, Бонифас и Розин успели обменяться ещё несколькими выстрелами: она — возмущением, он — наивитиеватейшими извинениями.

Когда Яна подошла впритык и была, наконец, замечена мирнобеседующими, Бонифас поспешил объяснить:

— Я договорился с прелестной муазиль Розин, что она будет приносить нам свежие булочки к обеду каждый чётный день. И вот, как видите, она была так любезна, что удостоила нас вниманием даже в нечётный.

Булочница фыркнула и пошла прочь, провожаемая восхищённым взглядом Бонифаса.

Кроме булочек дворецкий подал на обед ещё три блюда: суп из

чечевицы, овощное рагу и чай. Яна ощущала себя как в лучших домах Филадельфии. Жаль только, Этьен пропустил трапезу. Сказал, что поймал вдохновение — сочиняет новые куплеты и скетчи, и в такие моменты ему ни на что отвлекаться нельзя.

— Вдохновение — музиль капризная. В любое мгновение может упорхнуть.

Тут Яна была с ним согласна. Знала по собственному опыту.

Хорошо хоть ужин кузен не проигнорировал. Правда, был рассеянным — витал в облаках. Но Яне удалось вернуть его в реальность — она начала расспрашивать Этьена о дамарицах. Он же их видел вживую. Ей хотелось понять, какие у них черты лица. Терзал вопрос, может ли Моррис оказаться одним из них.

Кузен красочно описал их — у Яны легко родился в голове образ. Если проводить аналогию с земными народностями, то выходило, что-то островное, полинезийское, с примесью восточно-азиатского и даже немного от индейцев. Но ни одна из черт этих народностей на викингской физиономии Морриса не просматривалась. Выходит, когда он отрицательно отвечал на прямой вопрос Жанетт, не дамариец ли он, то не солгал.

Как там говорится: помянешь викинга, он и здесь? Или это про чёрта? Как бы там ни было, но когда ужин подходил к концу, в лавку пожаловал гость — Моррис.

Яна встретила его на пороге и не узнала. Таким мрачным и встревоженным она его ещё не видела.

— Что-то случилось?

— Да. Мне нужна ваша помощь.

Глава 45. Вот и всё?

Глава 45. Вот и всё?

Яна пригласила Морриса в гостиную. Они сели друг напротив друга в кресла, и он начал быстро излагать, что случилось.

— Вивьен, вы слышали легенду лавки?

— О том, как Жюль пытался помочь графу Шерези-Шико найти сбежавшую к дамарицам дочь?

— Да. Легенда возникла не на пустом месте. В племени дамарицев действительно живёт дочь графа Мериан. Она супруга их

вождя Н'наму.

— А вы откуда знаете? — удивилась Яна.

Всего лишь час назад, после разговора с Этьеном, она решила, что Моррис — не дамариец, а теперь снова усомнилась.

— Мне приходилось бывать у них, — уклончиво ответил он. — И более того, я знаком с дочерью Мериан и Н'наму — Уйгу. Ей шестнадцать лет. Она дерзкая и упрямая, как все подростки. Уйгу не стала следовать дамари́йским традициям, поэтому сейчас в опасности.

— Вы про ритуалы с огнём?

— Да. Нет времени рассказывать подробности, но эти ритуалы нужны дамари́йцам, как воздух. Тот, кто в новолуние не подвергся действию ритуального огня, может погибнуть.

Значит, всё, что поведал Этьен, правда? Дамари́йцы действительно добровольно прыгают в огонь? Жуткий ритуал.

— Уйгу сбежала из племени и сейчас, скорее всего, в городе. Если срочно её не найти, может случиться непоправимое. Я пытался — объехал все места, где она могла бы спрятаться, но безрезультатно. Нужна ваша помощь.

— Сделаю всё, что в моих силах.

Яна не представляла, чем может помочь, но была готова к любому заданию Морриса. Она прониклась его тревогой. Ей тоже была небезразлична Уйгу. Яна чувствовала за неё ответственность, которая, видимо, передалась по наследству от дядюшки Жюля. Он ведь тоже когда-то взял на себя ответственность за Мериан. В том плане, что внял её просьбе не мешать ей строить свою судьбу самостоятельно.

Моррис посмотрел благодарно. Тревога, горечь, злость на неразумного подростка никуда не делись, но сквозь все эти невесёлые отрицательные эмоции пробралась одна положительная, которая разгладила залегшую между бровями складку.

— Где-то здесь, в лавке, спрятан артефакт, который изготовлен из осколка священного для дамари́йцев камня-монолита из обсидиана. Это совершенно уникальная вещь — лучшее, что сделал Жюль. Артефакт способен на многое, в частности он должен был помочь графу Шерези-Шико найти Мериан. Я думаю, камень способен помочь и в поисках её дочери.

Яна чувствовала, что Моррис прав.

— Вы знаете, где он может быть? Не находили?

— В одном из шкафов мой дворецкий обнаружил тайник. Там хранилась коробочка с кулоном, который внешне был похож на артефакт. Но я уверена, что магических свойств у вещицы нет. Мой дар артефактора молчит. Полагаю, это обманка.

— Сделать тайник на видном месте, чтобы сбить возможных грабителей с толку? Похоже на Жюля, — кивнул Моррис.

— Больше ничего необычно на глаза не попадалось. Но можно поискать.

— Вся надежда на этот артефакт, но времени мало.

— Тогда подключим помощников.

Яна позвала Бонифаса и Этьена и вкратце объяснила задание. Кузен вызвался исследовать пристройку, в которой жил. А Бонифас и Моррис поделили между собой четыре небольшие комнаты-подсобки, в которых дворецкий ещё не успел навести порядок. Он считал, что вероятность найти ещё один тайник гораздо больше там, где завалы ещё не разобраны.

Убедившись, что мужчины начали активные поиски, Яна поднялась к себе. У неё был свой план действий — почитать записи дядюшки. Она ведь как раз остановилась на том, что Жюль сделал артефакт, но не стал отдавать его графу Шерези-Шико. Может быть, буквально на следующей странице будет написано, куда был спрятан артефакт.

Конечно, надежды на то, что в записях будет чётко указано место, не было бы никакой, если бы их мог прочесть каждый. Но Яна успела проверить и на Бонифасе, и на Этьене, что они видят только пустые чистые страницы.

Яна быстро скользила взглядом по строчкам. Повествование велось о том, как долго Жюль думал, что делать с артефактом. Ему нравилась его работа — она была совершенна. Ему было жаль уничтожить своё творение, но и оставить его он не решался — боялся, что Шерези-Шико мог не поверить, что у Жюля ничего не получилось, и подослать своих людей обыскать лавку.

Дядюшке пришла в голову мысль сделать два тайника. Один там, куда в первую очередь заглядывают воры — в шкафу, а второй — в неожиданном месте. В первый тайник он положил пустышку — механическую копию артефакта, лишённую магических свойств, а во втором тайнике спрятал настоящий артефакт.

Яна с волнением читала дальше. Будет ли хоть какое-то указание на

то, где второй тайник?

Есть место, откуда нельзя украсть то, что оно призвано хранить. Там Жюль и спрятал артефакт.

Яна несколько раз перечитала строчки. О каком месте идёт речь? Она понимала, что слова иносказательны. Логика и интуиция работали в паре — и появилась неожиданная версия. Что если имеется в виду зеркало? Оно хранит наши отражения, но поди попробуй хоть одно украсть.

Яна отложила записи и ринулась в ванную комнату, примыкавшую к спальне. Она знала, что эту спальную когда-то занимал сам Жюль, поэтому, если речь действительно о зеркале, так именно о том, в которое, умываясь, каждый день смотрится Яна.

Наитие руководило всеми её дальнейшими действиями. Яна откуда-то знала, что зеркало не нужно разбивать — есть другой способ добраться до тайника. Однажды, когда стекло запотело, она заметила, что небольшое место справа осталось сухим, образуя рисунок, похожий на ладонь. Тогда Яна не придавала этому значения, зато сейчас, казалось, понимала смысл.

Она приложила ладонь к зеркалу, стараясь попасть на нужное место. Чуть развела пальцы и надавила. Рука свободно прошла сквозь стекло, словно на несколько мгновений оно сделалось жидким. Яна сжала кисть, как будто зачёрпывает жидкость, и быстро отдернула руку. Стекло снова затвердело, но она уже знала, что увидит на ладони, когда разожмёт кулак — кулон.

Яна сразу поняла, что это он — легендарный артефакт Жюля.

Когда она только попала сюда, очень хотела отыскать эту вещицу. Она возлагала на неё столько надежд. Но события закрутились в тугой водоворот, и другие проблемы стали казаться гораздо более важными. Артефакт лежал и ждал своего часа, чтобы быть найденным в нужный момент.

Яна дышать на него боялась. С благоговением рассматривала изящную работу — чёрный благородный камень в обрамлении чёрного металла. Изысканное украшение. Но основная его ценность, конечно, не ювелирная. От вещицы исходила магическая энергия. Яна ощущала её как тепло, свет и аромат. Повинуясь непонятному порыву, она решила примерить кулон, чтобы полнее прочувствовать его магическую сущность. Надела на шею, и в этот момент в пояснице так сильно

кольнуло, что даже глаза автоматически закрылись от неприятных ощущений. Но боль быстро прошла. Яна открыла глаза, чтобы посмотреться в зеркало, и обомлела...

...этого не может быть...

...никакого зеркала...

...сердце мгновенно разогналось до двухсот ударов в минуту, запульсировало в горле и висках...

Яна дома! ДОМА! В своей земной съёмной квартире.

...этого не может быть...

Она растерянно озиралась по сторонам. Вот и всё? Она вернулась? Приключения закончены? Можно выдохнуть? Так неожиданно. В груди пустота. В голове пустота.

Но чему ты удивляешься, Яна? Ты ведь этого давно хотела. Ты к этому стремилась. И ты этого добилась. Ты довольна?

— Ты довольна? — раздался чей-то голос за спиной...

Конец